

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

25d

6

Александр

ДУМА

ОВЪ

АЛЕКСѢЙЪ ПОПОВИЧЪ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ТЕОФАНА ГАВРИЛОВИЧА ЛЕБЕДИНЦЕВА).

Н. Д. Сумцова.

ОТТИСКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА „КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Printed in Russia.

КИЕВЪ,
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица домъ № 4
1894.

Д У М А

О В Ъ

АЛЕКСѢЙ ПОПОВИЧЪ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ТЕОФАНА ГАВРИЛОВИЧА ЛЕБЕДИНЦЕВА).

Н. О. Сумцова.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ,

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1894.

27233.61.5

Дозволено Цензурою Кієвъ 30 Апрѣля 1894 г.

ДУМА ОБЪ АЛЕКСѢѢ ПОПОВИЧѢ.

(Посвящается памяти Θεофана Гавриловича Лебединцева).

СОДЕРЖАНІЕ.

Малорусскія думы про Олексія Поповича.—Мифы А. А. Потебни.—Параллели болгарская, сербская, шотландская, датскія и скандинавскія.—Южнорусскія легенды у Галатовскаго и Петра Могилы.—Средневѣковыя латинскія сказанія о покаяніи грѣшника на морѣ.—Къ вопросу о происхожденіи думы.—Обзоръ деталей 1) черное море, 2) соколъ буревѣстникъ, 3) морская буря, 4) Биларпская земля, 5) Грицько Коломнченко, 6) Олексій Поповичъ, 7) грѣхи Олексія сравнительно съ грѣхами Станковича, Дуки, Броучъ-Робина, Рейнера и друг. 8) жертвоприношеніе крови, 9) отдова-матчина молитва и 10) „на чудь“. Заключение.

Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ извѣстны во многихъ весьма сходныхъ вариантахъ (перечисл. въ „Мысляхъ“ г. *Житецкаго* на стр. 233), и мнѣ приходилось еще слышать ихъ изъ устъ кобзарей въ харьковской губ., причемъ сходство ихъ съ напечат. въ „Историческихъ пѣсняхъ малор. нар.“ г.г. Антоновича и Драгоманова доходило до полного почти тождества. Содержаніе думъ объ Алексѣѣ Поповичѣ настолько хорошо извѣстно, что нѣтъ надобности здѣсь подробно на немъ останавливаться. Напомнимъ читателю только основные мотивы: „на Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ сидитъ соколъ и вилить. Онъ предчувствуетъ бурю, которая, дѣйствительно, наступаетъ и разноситъ въ разныя стороны казацкія чайки; одну понесло въ бѣло-арапскую землю, другую забило въ Дунайское гирло, а третью крутитъ по срединѣ Чернаго моря. Казацкій старшина предлагаетъ казакамъ ваятся въ грѣхахъ; но всѣ казаки за-

молчали, и только одинъ Алексѣй Поповичъ сознается въ тяжкихъ грѣхахъ и предлагаетъ бросить его въ море. Центръ тяжести думы состоитъ въ перечисленіи грѣховъ, и грѣхи во всѣхъ вариантахъ думы почти одни и тѣ же:

Я съ отцемъ и паниматкою прощенія не принимавъ,
 Я отца своего и паниматку стременими въ груди отъ себя отинхавъ,
 Старшаго своего брата зневажавъ,
 Старшую свою сестру сильно проклинавъ,
 ...Кровь христіанскую безвинно проливавъ,
 ...Дѣтокъ маленькихъ добрымъ коземъ разбивавъ...
 А ще мимо царской громады пробигавъ
 За своею гордошею шляпю не здѣймавъ...
 А близкихъ сусидовъ хлѣба и соли избавлявъ...
 Та ще я ихавъ мимо церкви, Святого Спаса,
 Шапки не зылавъ, —
 Христа на себе не полавъ.

Буря утихаетъ въ однихъ вариантахъ послѣ того, какъ казаки урѣзали у Алексѣя мизинецъ и пустили въ море его кровь, въ другихъ—вслѣдъ за его покаяніемъ, безъ принесенія „святому“ морю жертвы кровью (pars pro toto). Алексѣй Поповичъ читаетъ „святое письмо“ и поучаетъ казаковъ о необходимости почитать отца и мать. Нѣкоторые варианты оканчиваются благопожеланіемъ христіанскому народу здоровья и многолѣтія.

Наибольшій интересъ представляетъ невыясненный до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи думы; на немъ здѣсь мы прежде всего остановимся и затѣмъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ деталяхъ думы.

А. А. Потебня во II т. „Объясненій“ стр. 304 замѣтилъ, что „между Олешею, т. е. Александромъ Поповичемъ Ростовскимъ великорусскихъ былинъ и Алексѣемъ Поповичемъ Пирятинскимъ малорусской думы можно усмотрѣть лишь весьма несущественное сходство, не дающее основанія заключать, что малорусская дума представляетъ „передѣлку былиннаго образа“ (ср. Н. Дашкевича, „Былины объ Алешѣ Поповичѣ и пр. К. 1883, 60—61), или что „южный Алеша Поповичъ доживаетъ свой вѣкъ въ образѣ Олексія Поповича малорусской думы“ (Веселовскій, Ю. р. был. III—XI 279)“. Я вполне раздѣляю это сомнѣніе А. А. Потебни и иду далѣе, отрицая вакую-бы то ни было,

хотя бы самую отдаленную связь малорусских думъ объ Алексѣѣ Поповичѣ съ великорусскими былинами объ Алешѣ Поповичѣ. Эти произведенія различны во всѣхъ отношеніяхъ, по мѣсту возникновенія, личности героевъ, частнымъ поэтическимъ мотивамъ. Если ужъ искать родственниковъ малорусскаго Олексія Поповича, то послѣдніе окажутся не въ Великороссіи, а въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Англій, Сербіи и Болгаріи. Начнемъ съ болгарской и сербской пѣсенъ, какъ ранѣе отмѣченныхъ въ наукѣ. Указалъ на нихъ *А. А. Потебня*: „въ слѣдующей болгарской пѣснѣ про Станковича Дуку (Миладиновъ 65 и слѣд.) изъ стихій малор. думы находимъ: бурю на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери, камень ему на шею, заключеніе о непростительности грѣховъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ. Далѣе Потебня привелъ эту пѣсню въ переводѣ на русскій языкъ и, что характерно для самаго Потебни, перевелъ ее стихами:

Разыгралось соленое море:
Сильный вѣтеръ съ четырехъ сторонъ;
Врань воздвиглась высоко до неба,
Ко дну моря видно и до пекла.

Игуменъ Савва созываетъ монаховъ молиться, чтобы море не потопило всю Святую Гору съ монастыремъ свѣтлымъ Хиландаромъ. Море еще пуще разыгралось. Тогда игуменъ Савва и съ нимъ 300 монаховъ идутъ въ келью исповѣдовать большаго Станковича Дуку:

Идутъ впередъ (тѣ) триста монаховъ,
А за ними (самъ) Савва игуменъ;
Вотъ онъ входитъ въ темную келью,
И говоритъ тутъ Савва игуменъ;
„Сыну мой, Станковичу Дуко!
Скажи, сыну, свои прегрѣшенья:
Боленъ лежншь десятое лѣто,
Излежалъ ты ужъ девять постелей,
А къ постелямъ и девять подушекъ;
Севозъ кости тѣ трава проростала
Изъ травы той люти змѣи лязать ..
И говоритъ тутъ Станковичъ Дука:
...„Я скажу тебѣ свои грѣхи (всѣ):
Ни въ чемъ я Богу не былъ грѣшенъ,

Только любилъ три куми крестовыхъ,
Только сжегъ я три тырла агнячьихъ,
... Подпалилъ я три амбара жита,
... Монастырей девять я ограбилъ.

Игуменъ говоритъ, что Богъ проститъ Станковича за эти грѣхи. И говоритъ далѣе Станковичъ Дука:

Обуялъ меня сильный дьяволъ,
Поднялся я (рано) въ воскресенье,
Взялъ съ собой коней, соколовъ я,—
Соколовъ и хортовъ и гончихъ,—
И поѣхалъ по лѣсу на ловы.
На встрѣчу мнѣ мать моя старуха,
Въ рукахъ несетъ бѣлыя просфоры,
(Праздновала святого Георгія —
Такъ несла въ церковь приношенья)...
И я отнял бѣлыя просфоры,
Раскрошилъ ихъ хортамъ и гончимъ..

Мать прокляла сына, чтобы онъ болѣлъ 9 лѣтъ, излежалъ 9 постелей и 9 подушекъ.

Тутъ схватилъ я свою мать старуху,
Приподнялъ ее себя повыше
И ударилъ о черную землю—
Вотъ какое мое согрѣшеніе!

Игуменъ Савва приказалъ навязать на шею Станковича Дуки камень въ 300 пудовъ и бросить его въ море. Монахи исполнили приказаніе:

А море то Станка не прибрало,
А море то да вспять побѣжало....

Камень остался на сушѣ и служилъ для людей мѣстомъ сидѣнья.

Кто согрѣшитъ къ матери старухѣ,
Кто согрѣшитъ предъ сестрой милой,
Кто согрѣшитъ предъ милымъ родомъ,
Тому грѣхи во вѣкъ не простятся.
Кто слушаетъ, буде вамъ всѣмъ веселье
И отъ Бога доброе здоровье.

Затѣмъ Потербня приводитъ пѣсню о Лекѣ Дукадинѣ изъ малоизвѣстнаго сборника черногорскихъ пѣсней Чубро Чайковича. Лека боленъ 9 лѣтъ, и уже трава пошла изъ его костей. Мать предлагаетъ ему покаяться въ грѣхахъ. Лека сознается,

что онъ убилъ 5 кумовъ и слюбился съ 5 ихъ женами, затѣмъ убилъ 5 побратимовъ, разграбилъ церковь и разбилъ гробъ, въ которомъ лежали св. Пятница и св. Недѣля; онъ прокляли Леку и осудили его на 9 лѣт. болѣзнь. Когда мать услышала о такихъ преступленіяхъ, она изгнала Леку изъ дома.

Потепця, отмѣчая сходство имени Леки съ Алексѣемъ Поповичемъ, не рѣшается дѣлать окончательнаго вывода. Онъ только замѣчаетъ, что между редакціей, въ коей гибель отъ морской бури грозитъ Святой Горѣ и Хиландарской лаврѣ, и той, какъ въ малорус. думѣ, гдѣ потопаетъ корабль, могутъ быть среднія ступени (ib. 310).

Если болгарскія и сербскія пѣсни, въ родѣ отмѣченныхъ Потепней, и родственны малорусской думѣ, то это очень отдаленное родство источниковъ. Гораздо ближе къ малорусскимъ думамъ подходятъ слѣдующія сѣверно-европейскія баллады:

Въ Шотландіи записана слѣдующая любопытная пѣсня:

It fell upon a Wodensday
 Brown Robyn's men went to sea,
 But they saw neither moon nor sun,
 Nor starlight wi their ee
 We'll cast kevels us among,
 See wha the unhappy man may be,
 The kevel fell on Brown Robyn
 The master—man was he.
 „It is nae wonder“, said Brown Robyn,
 Altho i dinna thrine,
 For wi my mither i had twa bairns
 And wi my sister five.
 But tie me to a plank o wude
 And throw me in the sea,
 And if i sink, ye may bid me sink,
 But if i swim, just lat me bee.
 They' ve tyed him to a plank o wude
 And thrown him in the sea;
 He didna sink, tho they bade him sink,
 He swimd and they bade lat him bee.
 He hadna been into the sea
 An hour but barely three,
 Till by it came Our Blessed Lady
 Her dear young son her wi.
 „Will ye gang to your men again,

Or will ye gang wi me?
 Will ye gang to the high heavens,
 Wi my dear son and me?"
 „J winna gang to my men again,
 For they would be feared at mee;
 But i wond gang to the high heavens,
 Wi thy doar son and thee".
 „It's for nae honour ye did to me, Brown Robyn,
 It's for nae guid ye did to me;
 But a' is for your fair confession
 You' ve made upon the sea" (*Child* III 18).

Переводъ: Въ четвергъ люди Робинъ Броуна отправились въ море, они не увидѣли ни солнца, ни мѣсяца; и свѣтъ звѣздъ чуждъ былъ ихъ глазамъ. „Мы бросимъ жребій (сказали они) и посмотримъ, кто изъ насъ несчастный“. Жребій палъ на Робинъ Броуна, начальника корабля. „Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, сказалъ Робинъ, и какая же можетъ быть удача тому, кто съ матерью прижилъ 2 и съ сестрой 5 душъ дѣтей. Привяжите меня къ деревянной доскѣ и бросьте меня въ море; если я начну тонуть, вы не троньте меня, если я поплыву, предоставьте меня моей судьбѣ. Они привязали его къ доскѣ и бросили въ море; онъ не тонулъ, хотя они приказывали ему тонуть; онъ поплылъ, и они оставили его. И онъ былъ въ морѣ не часъ, но плылъ три часа, пока къ нему подошла пресвятая Дѣва Марія и съ Ней ея дорогой Сынъ. „Хочешь ли ты идти обратно къ своимъ людямъ или хочешь пойти со мной? Хочешь ли пойти на высокое небо, гдѣ мой дорогой Сынъ и Я?“ „Я не хочу идти къ моимъ людямъ, потому что они боялись бы меня; но я пошелъ бы на высокое небо, гдѣ Твой дорогой Сынъ и Ты“.—„И это дѣлается не почести ради, но ради твоего прекраснаго (вѣроятно, по искренности) покаянiя, которое ты сдѣлалъ на морѣ“.

Эта шотландская баллада извѣстна всего въ одномъ вариантѣ. Во многихъ вариантахъ баллада эта записана въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, причемъ одинъ датскій вариантъ извѣстенъ по рукописи 1590 года. За небольшими особенностями двухъ датскихъ вар., содержаніе остальныхъ состоитъ въ слѣдующемъ: Петръ (имя героя) спрашиваетъ свою кормилицу, отъ какой

смерти онъ умереть. Вы не умрете на постели, ни на полѣ битвы, но берегитесь волнъ. Петръ о волнахъ не заботится. Онъ строитъ превосходный корабль (изъ китоваго уса, золота и пр.) и пускается въ море, забывъ упомянуть объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. Годъ, два года идетъ плаваніе по бурному морю, и когда корабль однажды былъ надъ большой глубиной, онъ сталъ (въ иныхъ вар.—остановленъ змѣей, рыбой); бросаютъ жребій для опредѣленія грѣшника; жребій падаетъ на Петра. Онъ приноситъ покаяніе передъ мачтой, имѣвшей видъ креста, въ вар.—передъ весломъ, на которомъ было написано имя Христа. Въ датскомъ вар. XVI в. Петръ сознается, что онъ „церкви и монастыри грабилъ, оскорбилъ много благородныхъ дѣвицъ, совершалъ въ лѣсахъ грабежи и разбои и погубилъ много сыновей крестьянъ. „Петра бросаютъ въ море, и корабль свободно идетъ далѣе. Въ датскомъ вар. XVI в. Петръ, падая въ море, крестится, море подъ нимъ обращается въ покрытую травой землю, и Петръ благополучно возвращается на родину (*Child* I. 14).

Малорусскія думы объ Алексѣѣ Поповичѣ такъ и въ особенности западно-европейскія родственныя имъ версіи о покаяніи грѣшника на морѣ, если не прямо возникли подъ влияніемъ средневѣковыхъ сказаній о чудесахъ пресв. Богородицы, то развивались подъ ихъ влияніемъ и въ прямой отъ нихъ зависимости. На эту тему были легенды въ средневѣковой литературѣ. О чудесномъ спасеніи людей въ морскую бурю Богородицей—*„vere maris stella indicis evidentissimis comprobatur“*—существуютъ рассказы въ извѣстныхъ западноевропейскихъ сборникахъ легендъ Винценція изъ Бове и Готье де Куанси ¹⁾, причемъ чудесное спасеніе обусловливается здѣсь не раскаяніемъ въ грѣхахъ, а сильной вѣрой въ пресв. Богородицу (*Child* III 13). Раскаяніе въ грѣхахъ—мотивъ народныхъ пѣсней. Западно-европейская легенда привилась на Руси и получила здѣсь

¹⁾ *Vinc. de Beauvais* и *Gautier de Coincy*—латинскіе писатели XIII в. Готье († 1226) въ поэмѣ „*Miracles de Notre Dame*“ пользовался латинской компиляціей *Hugues Farsit* XI в. (*G Paris. Litterat franç au moyen Age*, 2-ed., p. 206).

мѣстное развитіе въ приуроченіи къ печерской иконѣ Богоматери. Въ XVII ст. въ Малороссіи пользовалась большой популярностью легенда объ усмиреніи бури на Черномъ морѣ Богородицей. Легенда эта находится въ „Небѣ Новомъ“ *Галатовскаго* и въ „Запискахъ“ *Петра Могилы*. „Небо“ впервые вышло въ 1665 г. въ Львовѣ на польскомъ и малорусскомъ языкахъ; затѣмъ были еще изданія малорусскія въ 1677 г. въ Черниговѣ и въ 1699 въ Могилевѣ. Въ 26 главѣ „Неба“ находится такое замѣчательное въ историко-литературномъ отношеніи чудо: „Въ 1624 г. запорожскій казакъ Андрей Ляхута, пограбивъ турецкія земли, возвращался моремъ домой. Поднялась страшная буря. Запорожскіе козаки стали молиться Печерской иконѣ Богоматери и архистратигу Михаилу, и буря утихла“. Записки Петра Могилы составлены ранѣе „Неба“, не позже 40-хъ годовъ XVII в., и въ нихъ находится тождественный разсказъ о бурѣ на Черномъ морѣ и спасеніи заступничествомъ пресв. Богородицы казака Андрея Хулака Лагута. „Повѣда намъ единъ отъ воиновъ запорожскихъ, говоритъ Петръ Могила, иже нарицаются козаки, именемъ Андрей Хулакъ Лагута, снй Черкаскаго града житель, глаголя, яко по брани турецкой, язь глаголется хотинская, идохомъ на море, по обычаю своему казаккому, прибытчества ради, въ землю турецкую. Витагу же, се есть старшину, имѣхомъ нѣкоего москвитянина, именемъ Ивашу. Разграбившимъ же намъ многія села и грады, наполнихомъ великій корабль многого прибытчества и начахомъ плыти (уже възращемся къ запорогамъ) и въ пучинѣ сущимъ, толикій наста вѣтръ крѣпкій и волны противны, якъ наполнится кораблю воды и якъ нача съ нами утопати; извергохомъ все пребытчество въ море, но ни сице что успѣти възмогохомъ. Узрѣвше же, явъ ужъ погибаемъ, начахомъ со слезами и велимъ воплемъ молити Бога,—да насъ молитвами пресвятой Богородицы Печарской и св. архистратига Михаила избавить отъ горькія сія смерти, и обѣщавомся въ обители Матери Его время нѣкое послужити“. Далѣе повѣствуется о появленіи „златовиднаго юноши, его ободряющемъ совѣтъ не бояться и превращеніи бури (*Архивъ* юго-зап. Россіи ч. I т. VII 54—55).

Подобнаго рода рассказы были весьма популярны въ средне-вѣковой литературѣ. Такъ, въ *Historia Anglorum* Генриха архидиакона Гонтиндонскаго (Huntingdon) ') въ 1144 г. отнесено такое событіе: „*Princeps autem peditum suorum, Reinerus nomine, cujus officium fuerat ecclesias frangere vel incendere, dum mare cum uxore sua transiret, ut multi perhibuerunt, navis immobilis facta est. Quod monstrum nautis stupentibus, sorte data rei causam inquirentibus, sors cecidit super Reinerum. Quod cum ille nimirum totis contradiceret nisibus, secundo et tertio sors jacta in eum devenit. Positus igitur in scapha est et uxor ejus et pecunia scelestissime acquisita et statim navis cursu velocissimo ut prius fecerat pelagus sulcat, scapha vero cum nequissimis subita voragine circumducta in aeternum absorpta est* (*Child VIII 463*), т. е. „ Нѣкій военачальникъ, по имени Рейнеръ, въ обязанность котораго входило разрушать и жечь церкви, плыль по морю съ своей женой, и, какъ многіе утверждаютъ, корабль остановился. Изумленные моряки стали искать виновника несчастья, и жребій упалъ на Реймера. Хотя, понятно, онъ всѣми силами противился, но жребій три раза падалъ на него. Тогда положили Реймера, его жену и преступно нажитыя деньги на лодку, и корабль легко помчался по морю, а лодка съ нечестивцами закрутилась въ водоворотъ и была поглощена волнами на вѣки“.

Въ любопытномъ средне-вѣковомъ вариантѣ виновницей бури оказывается женщина: „*Audivi a fratre Galtero de Leus, quod, cum quedam mulier, mare transiens, pulchritudine sua omnes, qui erant in navi, ita attraxisset, ut omnes qui erant ibi fere cum ea pecassent vel per actum aut concensum, et non evitaret patrem aut filium, sed indifferenter omnibus, licet occulte, se exponeret, facta in mari tempestate et navi periclitante, cepit clamare coram omnibus omnia peccata sua et confiteri ea, credens quod alii propter ea deberent periclitari. Tunc, aliis confidentibus, cessavit mare a furore suo. Facta tranquillitate, nullus potuit scire, que esset illa mulier aut cognoscere eam*“ (*Child VIII 463*),

') Латинскій писатель XII вѣка.

т. е. „я слышалъ отъ брата (монаха) Гальтера де Ле, что однажды женщина на кораблѣ всѣхъ соблазнила своей красотой и со всѣми вошла въ половую связь, не отличая ни отцовъ, ни сыновей; но когда на морѣ поднялась буря, и корабль былъ близокъ къ гибели, она начала откровенно передъ всѣми исповѣдывать свои грѣхи. Когда и другіе стали каяться въ грѣхахъ, буря прекратилась, и потомъ никто не узналъ, что это была за женщина“.

Можно думать, что еще въ глубокой древности у европейскихъ народовъ, имѣвшихъ связи съ моремъ, въ особенности у скандинавовъ, существовали рассказы о томъ, какъ на морѣ остановился корабль, потому что на немъ былъ преступникъ, и какъ потомъ этотъ преступникъ былъ брошенъ въ море, и корабль свободно поплылъ далѣе. Такія сказанія могли быть до принятія христіанства, причемъ дѣйствующимъ лицомъ могъ быть Морской царь, пожелавшій взять съ корабельщиковъ дань или человѣческую жертву, или морской змѣй, а съ христіанской замѣной въ одной болгарской пѣснѣ (у *Миладин.* 56 № 50) св. Николай, задерживающій на морѣ корабль купца до тѣхъ поръ, пока купецъ не пообѣщавъ пожертвовать монастырю грузъ воска и ладана (*Child VIII* 500). Въ средніе вѣка легендарная литература воспользовалась этимъ мотивомъ и ввела его въ число чудесъ пресв. Богородицы *in majorem gloriae Dei*. Въ христіанской легендарной обстановкѣ мотивъ о покаяніи грѣшника на морѣ оказалъ сильное вліяніе на пѣснотворчество народное. Основной мотивъ о покаяніи грѣшника на морѣ у малорусовъ могъ существовать съ давняго времени, какъ прямое слѣдствіе ихъ рысканія по Черному морю еще при первыхъ русскихъ князьяхъ, или могъ быть заимствованъ въ столь же давнее время отъ скандинавскихъ пришлецовъ. Въ началѣ XVII в., въ блестящую эпоху расцвѣта малорусскаго художественнаго творчества, мотивъ о покаяніи на морѣ былъ разработанъ въ превосходную думу, причемъ параллельно шла легендарная его разработка въ приложеніи къ Печерской иконѣ Богоматери. Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ такъ сильно проникнуты религіознымъ духомъ, что возможно предположить вліяніе на нихъ

легендарной поэзіи. Заключение нѣкоторыхъ варіантовъ: Хвалить Бога милосердаго, ни одного казака зъ войска не втерляи (*Ант. и Драг. I 189*)—вполнѣ идетъ въ такому чуду, какъ рассказанное митроп. Петромъ Могилой объ Лагутѣ. Въ думахъ, впрочемъ, нигдѣ не говорится объ участіи пресв. Богородицы въ спасеніи казаковъ. Это участіе прямо оговорено въ шотландской балладѣ, которая къ средневѣковымъ легендамъ стоитъ ближе думъ. Въ думахъ вездѣ казаковъ вызволяетъ изъ бѣды Господь милосердный.

На созданіе думы объ Алексѣѣ Поповичѣ затрачена большая художественная сила, и, не смотря на существованіе сходныхъ произведеній у другихъ народовъ, можно сказать, что дума эта глубоко оригинальное и въ высокой степени художественное малорусское произведеніе. Достоинство думы заключается въ разработкѣ деталей, въ искусномъ сочетаніи ихъ и, въ особенности, въ мягкости и гуманности. Думу проникаетъ личная мысль и личное чувство высокаго достоинства, и прежде всего близкое личное знакомство пѣвца съ описываемыми явлениями физическаго и нравственнаго характера. Остановимся теперь на деталяхъ думы:

1) Черное море.

Чернымъ моремъ открывается въ думѣ широкая картина мѣста дѣйствія:

Ей на Чорному морю,
На каменн биченькымъ
Тамъ сидитъ сокиль...

Мысль пѣвца идетъ съ берега въ даль моря, гдѣ свирѣпствуетъ буря. Эпитетъ камня „бѣлый“ какъ-бы противопоставляется эпитету моря „черное“, и это противопоставленіе отвѣчаетъ природной дѣйствительности. Мѣстами на берегу Чернаго моря выдаются бѣлые камни, даже громадные, въ видѣ скалъ и такіе камни въ особенности бѣлѣютъ, когда море начинаетъ чернѣть подъ темными тучами. Съ Чернымъ моремъ малоруссы знакомились и лично, въ морскихъ набѣгахъ на Турцію (см. Истор. пѣс. *Ант. и Драг. I 203*), и со словъ бы-

валыхъ воинновъ, паломниковъ и купцовъ. Иногда къ Черному морю прилагалось названіе Синяго моря (подроб. см. въ моей ст. Мѣстн. названія въ украин. нар. словес. въ Кіев. Стар. 1886). Испытанныя на Черномъ морѣ потери вызывали у нашихъ предковъ отрицательное къ нему отношеніе, что выразилось, напр., въ началѣ думы о взятіи казаками Варны.

Кляла царица, вельможя нами,
 Черное море проклинала:
 „Бодай же, море, не процвѣтало,
 Вичини часа виснхало,
 Та що мого сына одиначка
 Единачка у себе ввало! (Акт. и Драм. I 246).

Черное море въ малорусской думѣ обрисовано кратко, но отчетливо и ярко.

2) Соколь – буревѣстникъ.

Соколь ясенькій
 Жалибенько кнже—прокляле
 И на Черное море спильно поглядае....

Эта черта оригинальная малорусская, т. е. она вставлена малорусскими пѣвцами. Сама по себѣ эта черта (повѣрье въ птицъ буревѣстниковъ) общечеловѣческая и встрѣчается у разныхъ народовъ. Въ сказаніи эскимосовъ Бафиновой земли о Сиднѣ птицы крикомъ поднимаютъ страшную бурю на морѣ (*Рус. Мысль* 1886 I 104). Въ сказкахъ и пѣсняхъ вороны и соколы служатъ символами вѣтра и часто отождествляются съ вѣтромъ, наприм., въ русской сказкѣ о Солнцѣ, Мѣсяцѣ и Воронѣ Вороновичѣ (*Аванас*: I § 49). По малорусскимъ и польскимъ повѣрьямъ игра воронъ предвѣщаетъ бурю (*Чубин*. I 64, *Gustaw*. Въ *Zbiór wiadom.* V 179) вмѣсто эпитета „ясенькій“ въ другихъ малорусскихъ пѣсняхъ (напр. *Голов*. II 2, 68, IV 6) при соколѣ встрѣчается эпитетъ „сивый“. Въ малорусскихъ и въ южнославянскихъ пѣсняхъ соколь часто встрѣчается, и въ колядкахъ играетъ важную роль, о чемъ подроб. см. во II т. „Объясненій“ *Потебни* по указ. на стр. 800.

3) Морская буря.

О морской бурѣ говорится во многихъ сказаніяхъ, легендахъ и пѣсняхъ на тему о покаяніи грѣшника. Въ средневѣковыхъ латинскихъ фактъ бури на морѣ отмѣчается кратко, 2—3 словами, „facta in mari tempestate... cessavit mare a furore suo“; столь же кратко о бурѣ говорится въ южнорусскихъ легендахъ XVII в.: „толикій наста вѣтръ крѣпкій и волны противны“, подробнѣе уже въ пѣсняхъ, по личному знакомству пѣвцовъ съ моремъ. Въ шотландской балладѣ буря характеризуется чертами небеснаго сумрака: не видно ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Въ болгарской пѣснѣ своеобразное описаніе бури: соленое море разыгралось; вѣтеръ со всѣхъ (4) сторонъ поднялъ волны до неба, обнажилъ дно моря и открылъ даже адъ—грандіозная картина! Малорусская картина бури своеобразна и самостоятельна: „Злоспротывна хвилечка“ посреди моря потопляетъ корабли „на льхій хуртовни“, „хвилешна хвляя уставае—якори зривае“. Рядомъ съ этимъ есть характеристики бури, близкія къ шотландской (по небеснымъ явленіямъ) и болгарской (по дну моря):

Звизды помрачило,
 Половину мисаця у тьму уступило,
 И все небо тьмою укрыло,
 Та зъ неба дрибелъ дощикъ накрапае..
 Що на веби уси звизды потмарило,
 Половину мисаця въ хмары вступило,
 А изъ вызу буйный вѣтеръ повивае..
 Половина сонця и мисаця у тьму потьмарило..
 Изю дна моря смѣла хвляя вставе..
 Протывну филю со дна моря знимаете..

4) Биларапська земля.

Эта своеобразная подробность старинныхъ украинскихъ географическихъ познаній. Въ одномъ вар. часть кораблей буря заноситъ „въ землю Агарську“, въ 2—въ „Агарянську“, въ большинствѣ вариантовъ въ землю „Орабську“, „Биларапську“. Точка зрѣнія пѣвца—съ русскаго берега, главное вниманіе его сосредоточивается на чайкахъ посреди моря, затѣмъ говорится

что часть кораблей бурей занесло въ Дунайское гирло, а часть въ Арабскую землю, что нужно понимать въ прямомъ значеніи слова, но въ очевидномъ преувеличеніи. Предполагается, что буря вынесла корабли въ Мраморное море и даже далѣе. При существованіи Суэцкаго перешейка они, понятно, не могли попасть въ чисто арабское Красное море; но старые малороссы могли знать арабовъ и ближе, на берегахъ Архипелага. Сиріи и Палестины, куда малороссы часто попадали, какъ плѣнники. Попадали плѣнные малороссы и въ глубь Аравіи, на что есть прямое указаніе въ „Плачѣ невольника“:

Будуть ушкаля турки лычары набигаты

За Червоное море у арабскую землю запродагы (*Ант. и Драг. I 94*).

Въ общемъ широкомъ значеніи выраженіе „Биларапська земля“ означаетъ вообще дальнюю страну. Въ пѣсняхъ южныхъ славянъ часто встрѣчается Арапская земля въ значеніи Сиріи и Аравіи, о чемъ подр. см. у *Халианскаго* въ Рус. Фил. Вѣстн. 1884 г.

5) Грицько Коломниченко.

Въ думѣ упоминается два имени кошеваго атамана Грицька Коломниченка и гетмана запорожскаго Алексѣя Поповича. Грицько Коломниченко—Самуиль Зборовскій изъ галицкой Коломны, магнатъ и авантюристъ. Будучи банитомъ, Зборовскій бѣжалъ изъ Польши въ запорожье, былъ нѣкоторое время здѣсь кошевымъ и впоследствии казненъ Стеф. Баторіемъ. Есть извѣстія, что онъ съ казацкой флотиліей плавалъ изъ Днѣпровскаго лимана чрезъ море въ устье Днѣстра; но о бурѣ при этомъ историки не упоминаютъ. Сошелъ онъ съ исторической сцены около 1583 г., (см. *Ант. и Драг. I 202*). Что это былъ за человекъ, въ точности неизвѣстно. Въ думѣ это симпатичная личность, и народный пѣвецъ, видимо, ему сочувствуетъ. Въ одномъ варіан. (*Ант. и Драг. I 182*)—это „батько гетманъ старый запорожскій“, въ другомъ (*ib. 177*) онъ „по всему війску барзо окличень“. Во время бури онъ не теряетъ духа. Обливаясь слезами, онъ проситъ казаковъ исповѣдываться въ грѣхахъ:

...сповидайтесь вы напередъ Богу
Ище и святому морю,
И мени, гетману старому,
Якъ бы отцу духовному....

Въ легендѣ у Петра Могилы предводителемъ казаковъ на морѣ является какой-то москвитянинъ Иваша.

Въ то время какъ въ малорус. думѣ покаяніе приносится передъ кошевымъ, въ болг. пѣс. передъ игуменомъ Саввой, въ серб. передъ матерью, въ скандинав. передъ неодушевленными предметами, съ видомъ креста или съ надписью имени Христова.

6) Олексій Поповичъ.

Личность Олексія Поповича обрисована во всѣхъ вариантахъ одинаково: человекъ грамотный, читающій св. Писаніе и поучающій казаковъ по Писанію. Выдающаяся грамотность указываетъ на происхожденіе героя думы изъ духовнаго сословія. Легендарный Лагута отвѣчаетъ Алексѣю Поповичу; о покаяніи его во грѣхахъ ничего не говорится. Лагута, повидимому, выведенъ, какъ свидѣтель чуда. Ближе къ Алексѣю Поповичу стоятъ Рейнеръ и Броунъ Робинъ. Казаки не рѣшаются выбросить въ море Алексѣя Поповича, и все дѣло обходится принесеніемъ морю въ даръ нѣсколькихъ капель его крови. Рейнера и Броунъ Робина удаляютъ съ корабля. Вообще, между Олексіемъ Поповичемъ и его боевыми товарищами въ думѣ обнаруживается тѣсная связь. Это не случайный пассажиръ на кораблѣ; это свой человекъ, который готовъ пожертвовать своей преступной головой, чтобы „марно вѣйска не терять,“ и казаки не вняли его просьбѣ бросить его въ море съ камнемъ на шеѣ. Олексій говоритъ:

Ей, козаки, нани — молодци,
Добре вы чините —
Самого мене — Олексія Поповича, возьмите,
До моего шми камень билевскій приважите,
Очи мои козацьки, молодецьки
Червоною витайкою запяните,
У Чорное море самого мене спустите.

Казаки „тее якъ зачували, словами промовляли, слезами обливали“... И эта подробность оригинальная малорусская, черта товарищеской связи казаковъ, идеализированная въ поэзіи.

7) Грѣхи Олексія Поповича.

И въ описаніи грѣховъ Олексія обнаруживается самостоятельность малорусскаго пѣвца, чувство мѣры и нравственная щепетильность. Западные варианты по грѣхамъ грубѣе малорусскихъ: въ болгарскомъ Станковичъ Дука убиваетъ мать, въ шотландскомъ находится намекъ на кровосмѣшеніе, въ малор. дѣло ограничивается или тѣмъ, что Олексій ругаль родителей, или, самое большее, отпихаль ихъ стремнемъ въ грудь при выѣздѣ изъ дома. Впрочемъ, и Олексій не чистъ отъ убійства. Самое тяжкое его преступленіе—что онъ конемъ топталъ дѣтей на улицѣ. Вообще, всѣ грѣхи Олексія повторяются въ западныхъ сказаніяхъ этого разряда. Тагъ:

а) оскорбленіе матери (+ сестры) находится въ болгарской и шотландскихъ пѣсняхъ.

б) пренебреженіе(=разграбленіе) церкви въ древнѣйшемъ сказаніи архидіакона Генриха XII в., въ малор. думѣ, въ пѣсняхъ шведскихъ, датскихъ и сербской.

в) убійство дѣтей въ малор. думѣ (конца XVI ст.?) и въ датской пѣснѣ по рукописи 1590 г.

г) оскорбленіе „громады,“ односельчанъ въ малор. думѣ и въ датской пѣснѣ XVI в.

Главнымъ грѣхомъ вездѣ выдѣляется оскорбленіе матери, что въ особенности подробно разработано въ малор. и болгар. пѣсняхъ, въ зависимости отъ высокаго общественнаго положенія матери при старомъ патріархальномъ строѣ семейной жизни. Уваженіе въ матери выразилось во многихъ другихъ малор. думахъ, великор. былинахъ, въ старинныхъ повѣстьяхъ и въ пословицахъ.

8) Жертвоприношеніе крови.

Козаки, выслушавъ со слезами исповѣдь Олексія,

. добре дбали
Узли ему назадъ руки изъязали
Чорнымъ оксамитомъ очи затмили,
То ше такого всага у море пускати поцащили;
На дивій ружи мизаннаго пальца втннали,

Его кровь у Чорное море метали
 То скоро Чорное море кровь христіавку зжигало
 То так уклало,
 Якъ бы никогда и не грало
 Судень козацькихъ не розривало. . . .

Это самая архаичная черта думъ. Мы имѣемъ здѣсь жертвоприношеніе чловѣка въ видѣ *paris pro toto*, о чемъ подроб. см. въ Поэт. вѣзр. *Домасьева* II 260 и см. Сходные обычаи встрѣчаются у инородцевъ, напр. у осетинъ (*Вс. Миллеръ* II 292) Этотъ мотивъ входитъ въ англійскія и шотландскія баллады объ Аннѣ Дѣвца, забравъ сокровища родителей, убѣгаетъ на корабль съ милымъ. Поднимается буря: Моряки бросаютъ жребій, кого бросить въ море. Жребій падаетъ на Анну, и ее бросаютъ въ море; волна выбросила тѣло Анны на берегъ, и любовникъ погребааетъ ее. (*Child. The engl. ballads, I № 24*). Сюда примыкаютъ великор. былины о Садеѣ, и мн. др. Въ малорусск. думѣ нѣтъ метанія жребіевъ, чѣмъ дума существенно отличается отъ былины о Садеѣ, пѣсень о Робинѣ, Петрѣ и т. п.

9) Отцева — матчина молитва.

Основная мораль малорусскихъ думъ — прославленіе силы родительской молитвы, и эта мораль прямо выводится изъ Св. Писанія:

Слушайте козаки, нанове — молодци,
 Якъ се святе нисьмо просвящае,
 На все моленіе указуе:
 Которий чоловікъ
 Отцевську — матчину молитву
 Штати, шануе, поважае
 Того отцевська — матчина молитва
 Во два моря вишняе,
 Одъ грихавъ думу одкупае,
 До царствія небесного провожае;
 Та отцевська — матчина молитва
 У купецтва и въ реместнѣ,
 И на поли и на мори
 На помичъ присяжае.

Это прославление отцовской и материнской молитвы красной нитвой проходит через все варианты думы. В язык панегирика мѣстами обнаруживается влияние книжной рѣчи.

10) На чудь.

Въ одномъ вар. (у *Ант. и Др.* I 181) встрѣчается неясное слово „на чудь;“ въ другихъ вар. вмѣсто него „на чердакъ.“ Объясненіе *А. А. Потебни* см. въ сочин. „Къ ист. звук. II 23: чудь—искаженіе слова чердакъ, а чердакъ (встрѣчается въ думахъ и былинахъ)—возвышеніе на галерѣ, съ котораго капитанъ осматривалъ путь и гребцовъ. За исключеніемъ слова „чудь“ лингвистическій составъ думы про Алексѣя Поповича совершенно простой и ясный.

Въ трехъ вариантахъ думы вмѣсто Алексѣя Поповича дѣйствуютъ два брата: они не вызываются броситься въ море; нѣтъ здѣсь и гетмана. Братья признаютъ поднявшуюся бурю карою за свои грѣхи и пересчитываютъ ихъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ Алексѣй Поповичъ. Они виноваты уже тѣмъ, что пошли въ войско оба, тогда какъ родители дозволяли идти только одному, а другому велѣли заниматься дома хлѣбопашествомъ. Далѣе братья сознаются въ грубомъ обращеніи съ матерью, избіеніи дѣтей, пьянствѣ. Покаяніе ихъ возымѣло силу; бури утихла, и братья, вышедши на берегъ, провозгласили ученіе о почитаніи родителей.

Н. И. Костомаровъ въ „Истор. казач. по малорус. пѣсн.“ (стр. 7) обратилъ вниманіе на одну поэтическую подробность, встрѣчающуюся въ двухъ вариантахъ думы (Лукашевича и Вересаея). Здѣсь появляется безродный сирота, безъ органической связи съ остальнымъ содержаніемъ думы. Онъ промелькаетъ мимоходомъ, но, по замѣчанію Костомарова, оставляетъ чрезвычайно поэтическое впечатлѣніе. Этотъ безродный сирота съ братьями думы ждетъ гибели на морѣ; ему не съ кѣмъ было на

цѣломъ свѣтѣ и проститься во время бѣды. Когда братья пришли на родину, и родители спросили ихъ, хорошо ли было имъ въ пути, тогда они вспомнили о безродномъ ихъ товарищѣ, вспомнили какъ тяжело ему было видѣть смерть, когда не съ кѣмъ было ему проститься. Этотъ „чужой чуженица“ исчезаетъ безслѣдно, и даже не видно, спасся ли онъ разомъ съ двумя братьями, или погибъ въ волнахъ.

Хотя эта подробность о чужестранцѣ изложена въ думѣ съ большимъ гуманнымъ чувствомъ, но она плохо вяжется съ общимъ содержаніемъ думы и представляется лишней, вѣроятно, позднѣйшей амплификаціей.

То обстоятельство, что въ 3 вариантахъ нѣтъ даже имени Олексія Поповича, ясно показываетъ, какъ неважно это имя въ общемъ содержаніи думы и какъ мало можетъ дать это имя для великорусскаго Алеши Поповича. Замѣнили Олексія Поповича двумя братьями, и дума ничего не потеряла отъ того. Вся сила думы въ грѣхахъ и въ покаяніи на морѣ во время бури, и затѣмъ важна еще внѣшняя—природная и внутренняя—нравственная обстановка думы, придающая ей характеръ историческій, національный и религіозно-нравственный. Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ короче и точнѣе можетъ быть озаглавлена: дума о покаяніи на морѣ.

Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ начинаются широкой картиной Чернаго моря и бури на немъ и оканчиваются не менѣе широкой картиной—но уже изъ другого міра—міра христіанскаго, восхваленіемъ силы родительскаго благословенія и добрыми пожеланіями народу христіанскому.

Всѣ части въ думѣ соразмѣрены. Лишь одинъ мотивъ, какъ главный—„отцева—матчина“ молитва, выдвигается нѣсколько впередъ, не нарушая внутренней цѣльности думы, лишь придавая ей высокое нравственное и гуманитарное значеніе. Трудно сказать, что болѣе привлекаетъ въ этой думѣ—общественная ли жилка, уваженіе пѣвца къ запорожскому товариству и всему народу малорусскому, или высоко поставленныя требованія семейной добродѣтели, или, наконецъ, сила и искренность воодушевленія

народнаго поэта, ярко просвѣчивающія во всемъ строѣ рѣчи, въ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ и въ эпитетахъ. Въ ряду европейскихъ пѣсенъ о покаяннѣ грѣшника на морѣ малорусская дума занимаетъ почетное мѣсто, по полнотѣ содержания и ясности всѣхъ главныхъ мотивовъ.

Н. Ф. Сунцовъ

3 40¢
Н. В. Сумцовъ.

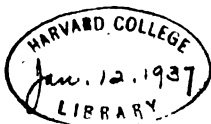
ЗАМѢТКИ
О МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ
И ДУХОВНЫХЪ ВИРШАХЪ.

(Изъ XXIV кн. «Этнографическаго Обзорѣнія»).

Printed in Russia
МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.
1895.

27 233.61.5

О П Е Ч А Т К И.

страниц.	стр.	им.	д. б.	страниц.	стр.	им.	д. б.
81	5	Перестречи	Перестрога	87	20	якъ	якъ
84	18	Писана	Писана	89	18	примѣтки	примѣтки
85	15	вазы	возы	93	35	памятна	повятна
86	44	бори	воры.	96	2	грамматички	грамматички
87	5	ковачки	ковачки				

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

проф. Н. Θ. СУМЦОВА.

1) Этюды о Пушкинѣ, вып. 1. 1893 г. (стих. Пророкъ, Няня, Радѣть облаковъ, и вѣск. др.) 1 р. 2) Этюды о Пушкинѣ, вып. 2. 1894 г. (стих. Сонетъ, Арионъ, Гусаръ, Мадонна и вѣск. др.) 1 р. 3) Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Мошинской, 1894 г. 30 к. 4) Разберь этнографическихъ трудовъ Е. Романова, 1894 г. 1 р. 5) Сказки и легенды о Марит богатырь, 1894 г. 30 к. 6) Князь В. Θ. Одоевскій, 1884 г. 60 к. 7) Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, 1885 г. 1 р. 50 к. 8) Лазарь Барановичъ, 1885 г. 1 р. 50 к. 9) Іоаннъ Галатовскій, 1884 г. 80 к. 10) Иннокентій Гизель, 1884 г. 50 к. 11) Рѣчь Маана Мелешка, 1894 г. 40 к. 12) Іоаннъ Вышенскій, 1885 г. 40 к. 13) О попыткахъ католиковъ ввести въ Малороссію Григоріанскій календарь, 1888 г. 50 к. 14) Характеристика южно-русской литературы XVII в. 1885 г. 40 к. 15) Религіозно-нравственное значеніе малорусской свадьбы, 1885 г. 40 к. 16) Къ вопросу о вліяніи гродомскаго свадебнаго ритуала, 1886 г. 40 к. 17) Опытъ объясненія пѣсни о Журиль, 1885 г. 10 к. 18) Научное изученіе колядокъ, 1885 г. 40 к. 19) Досѣтки и посядѣлки, 1886 г. 40 к. 20) Колошійки, 1886 г. 40 к. 21) Малорусскія плясуньи пѣсни, 1886 г. 40 к. 22) Малорусская географическая номенклатура, 1886 г. 40 к. 23) Мѣстныя названія въ малор. пѣсняхъ, 1886 г. 40 к. 24) Малорусскія апокрифическія сказанія и пѣсни, 1887 г. 1 р. 50 к. 25) Культурныя переживанія, 1890 г. 2 р. 50 к. 26) Современная малорусская этнографія, вып. 1. 1892 г. 1 р. 50 к. 27) Туръ въ народной словесности, 1887 г. 40 к. 28) Мышь въ народной словесности, 1892 г. 40 к. 29) Воронъ въ народной словесности, 1891 г. 25 к. 30) Заяць въ народной словесности, 1892 г. 30 к. 31) Этнографическія замѣтки, 1889 г. 25 к. 32) Сказанія объ искусномъ стрѣлитѣ, 1890 г. 25 к. 33) Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ, 1890 г. 25 к. 34) Писанки, 1891 г. 40 к. 35) Сказанія о займѣ дней, 1891 г. 10 к. 36) Библиографія колдовства, 1891 г. 50 к. 37) Библиографія заговоровъ, 1892 г. 20 к. 38) Возіпки — Матулю, 1891 г. 30 к. 39) Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ, 1894 г. 25 к. 40) Пѣсни и повѣсти о гостѣ Терентіи, 1892 г. 20 к. 41) Легенда о грѣшной матери, 1893 г. 25 к. 42) Г. Θ. Книтулякъ этнографъ, 1893 г. 30 к. 43) Пѣсни о зѣлиномъ ядѣ, 1892 г. 30 к. 44) Былины о Добрынѣ и Маринѣ, 1892 г. 40 к. 45) Мужъ на свадьбѣ своей жены, 1893 г. 40 к. 46) Пѣсни о смерти солдата, 1893 г. 30 к. 47) Душа объ Алексѣѣ Половичѣ, 1894 г. 20 к. 48) Пѣсни о живомъ мертвецѣ, 1894 г. 20 к. 49) Легенда о благочестивомъ живописцѣ, 1894 г. 15 к. 50) Матеріалы для исторіи харьковскаго университета, 1894 г. 30 к.

Другія сочиненія Н. Θ. Сумцова, здѣсь не поименованныя, вышли изъ продажи. Выписывающіе непосредственно отъ автора (Харьковъ, Малогончаровская ул., № 34) за пересылку не платятъ. При выпискѣ на сумму болѣе десяти рублей 30% уступки. Медочъ марками.

ЗАМѢТКИ О МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ И ДУХОВНЫХЪ ВИРШАХЪ.

(По поводу соч. П. И. Житецкаго: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“. Киевъ. 1893. Стр. 249).

Изслѣдованіе П. И. Житецкаго о малорусскихъ думахъ первоначально было напечатано въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г. и затѣмъ въ 1893 г. издано отдѣльно редакціей этого журнала. Такъ какъ все изслѣдованіе г. Ж. построено на одномъ положеніи—о вліяніи школьной литературы на думы,—то при первоначальномъ печатаніи сочиненія въ журналѣ по частямъ трудно было слѣдить за ходомъ мыслей автора, и отдѣльныя его части представлялись безсвязными. Въ отдѣльномъ изданіи сочиненіе г. Житецкаго обратило на себя вниманіе, по оригинальности и новизнѣ основной мысли и по обилію новыхъ любопытныхъ данныхъ изъ области виршъ-орацій и думъ. И. В. Ягичъ въ Archiv f. slav. Phil. 1893, XV, Heft 4, стр. 613—614 находитъ, что „Мысли“ г. Ж. представляютъ собою „das hübsch beschriebene Buch“, что авторъ — „gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthum, namentlich der Volksdichtung in ihrem Zusammenhange mit der Geschichte und den culturellen Einflüssen“, и въ частности мысль о вліяніи на думы школы рецензентъ называетъ „ein hübscher Gedanke“. Съ г. Ягичемъ сходится А. Н. Пыпинъ въ небольшой (въ 2 стр.), но мѣткой и содержательной рецензіи въ „Вѣстн. Евр.“ 1893, VI. По словамъ г. Пыпина, изслѣдованіе г. Ж. „даетъ много любопытнѣйшихъ указаній, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особенностей формы, они опираются на фактахъ стараго быта, школы и нравовъ и на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы“.

Сочиненіе г. Житецкаго состоитъ изъ 6 главъ, и мы разсмотримъ его послѣдовательно по главамъ.

Въ первой главѣ, озаглавленной: „Строй рѣчи и поэтический стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ“, на пространствѣ 38 страницъ г. Ж. говоритъ о вліяніи рѣчи на образованіе стиха

въ думахъ, неравномѣрности и подвижности стиховъ, построеніи предложеній въ думахъ, мѣстѣ сказуемаго, сложномъ сказуемомъ, нарощеніи рѣчи, скопленіи придаточныхъ предложеній, инверсіи. Вообще эта глава посвящена формальной сторонѣ думъ.

Народная поэзія, въ частности думы, весьма мало изучена въ формальномъ отношеніи. Изъ людей науки лишь Миклошичъ, Зимма и Потебня обращали вниманіе на эту сторону народной поэзіи, и все, что сдѣлано ими въ этомъ отношеніи, весьма цѣнно. Мысль г. Ж. заняться поэтическимъ стилемъ и строемъ думъ—мысль очень хорошая; жаль только, что она выполнена неудовлетворительно, и сочиненіе г. Ж. ничего не потеряло бы, если бы первая глава совсѣмъ отсутствовала. Прежде всего, 38 стр. для характеристики строя рѣчи и поэтическаго стиля думъ—слишкомъ мало, особенно мало при стилѣ автора, расплывчатомъ, пространномъ, съ риторическими прикрасами. Затѣмъ, г. Ж. при разсмотрѣніи языка думъ оставляетъ въ сторонѣ цѣнные сообщенія по этому поводу Миклошича, Зимы и Потебни, даже не упоминая ихъ по имени, что даетъ поводъ къ предположенію, что автору остались вполнѣ неизвѣстными „Die Darstellung im slavischen Volkseros“¹⁾, „Serbische Epik“ Миклошича, „Figure“ Зимы, статья Потебни о малор. пѣснѣ XVI в. и многія мѣста въ его „Объясненіяхъ малор. и сродн. пѣсенъ“. Наконецъ, и въ предѣлахъ 38 стр. авторъ не стоитъ твердо на формальной сторонѣ думъ и съ 25-й страницы переходитъ въ сферу фактическаго содержанія.

Въ оглавленіи первой главы находится заманчивое мѣсто: „архаизмы въ лексическомъ составѣ думъ“; въ самомъ же изслѣдованіи этому интересному заголовку отвѣчаютъ лишь двѣ страницы (35—36), гдѣ говорится о церковно-славянскихъ элементахъ въ языкѣ думъ. Тема чрезвычайно интересная и важная, и нужно пожалѣть, что г. Ж. такъ мало обслѣдовалъ архаизмы думъ. Авторъ—специалистъ-филологъ, и отъ него мы могли ожидать обширнаго и цѣннаго изслѣдованія о языкѣ думъ. Но онъ ничего другаго не хочетъ знать, кромѣ основного своего положенія—о вліяніи письменности на пѣснотворчество народное, и въ этомъ отношеніи впадаетъ мѣстами въ излишнюю односторонность. Такъ, въ вопросѣ объ архаизмахъ въ лексическомъ строѣ думъ авторъ могъ только замѣтить церковно-славянскіе элементы, точно этими элементами исчерпывается весь вопросъ объ архаизмахъ думъ. При такой односторонности правильнѣе было бы въ заглавіи изслѣдованія поставить не „Мысли“, а „Мысль“ Въ частности же по вопросу объ архаизмахъ въ лексическомъ составѣ думъ г. Житец-

¹⁾ Русскій переводъ этого изслѣдованія вскорѣ появится въ I т. „Трудовъ Славянской Комиссіи“ при Имп. Моск. Археол. Обществѣ.

кому многое оставалось еще сдѣлать. Если бы сравнить языкъ думъ съ языкомъ Слова о Полку Игоревѣ, затѣмъ съ языкомъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ XVI—XVII вѣковъ, хотя бы такихъ характерныхъ по лексическому составу, какъ Рѣчь Ивана Мелешка, Перестречи и посланія Іоанна Вишенскаго, наконецъ, съ современной живой малорусской рѣчью, то вопросу объ архаизмахъ думъ пришлось бы посвятить обширную главу, можетъ быть, цѣлую монографію. Теперь же приходится довольствоваться лишь тѣмъ, что авторъ напомнилъ о присутствіи въ думахъ архаизмовъ церковно-славянскаго характера.

О многомъ г. Ж. совсѣмъ умалчиваетъ, напр. о запѣвахъ и припѣвахъ, о чемъ ранѣе А. А. Потѣбня сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній, безъ выдѣленія думъ, что было для г. Ж. специальной задачей; ничего далѣе не говорится въ „Мысляхъ“ о такихъ характерныхъ явленіяхъ въ языкѣ славянскаго эпоса, въ частности думъ, какъ повторенія словъ и цѣлыхъ предложеній, эпитеты и сравненія, о чемъ ранѣе говорилъ Миклошичъ въ „Die Darstellung im slav. Volksepos“.

Запѣвы привлекали вниманіе выдающихся ученыхъ, А. А. Потѣбни и А. Н. Веселовскаго. Въ „Объясненіи малор. и сродн. нар. пѣсенъ“ Потѣбни находится много цѣнныхъ фактовъ и соображеній. А. Н. Веселовскій въ рец. на „Труды“ Чубинскаго (стр. 37 — 38) даетъ слѣдующую мѣткую характеристику запѣва: „Запѣвы, и теперь еще отличающіеся извѣстной устойчивостью, еще болѣе устойчивы въ древней пѣснѣ, представляются мнѣ ея типическою чертою, зерномъ, изъ котораго развилось цѣлое. Небольшая картинка природы, вечерняя зиронька, сухой дубъ, то и другое среди небольшого дѣйствія, опредѣленнаго простѣйшимъ наблюденіемъ народной жизни; параллелизмъ этого дѣйствія съ моментами личной жизни человѣка, съ настроеніями его чувства; символическій смыслъ, вложенный народнымъ повѣріемъ въ тотъ или другой цвѣтокъ или быліе — и опять нити, протягивающіяся къ человѣческой душѣ, отзывающейся на этотъ символизмъ; наконецъ, простѣйшія положенія людскаго быта, опредѣленно осмысленныя извѣстными психическими ощущеніями: таковы немногія данныя, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. Разработка шла путемъ анализа, — какъ и наше обособленное до эгоизма личное чувство растеть, изощрается и никнетъ — анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыя не даны его первымъ моментомъ... Народная пѣсня живетъ повтореніями; она избита, потому что связана немногими мотивами и рядомъ ассоціаций, представленныхъ поэтическимъ символизмомъ“.

Мы не имѣемъ основанія требовать отъ автора широкаго изученія запѣвовъ, хотя такое изученіе и не поставили бы ему въ вину; но мы желали бы видѣть изученіе запѣвовъ думъ въ за-

висимости отъ теоріи автора о школьныхъ вліяніяхъ, желали бы получить отвѣты на вопросы: не отразилась ли въ запѣвахъ думъ своеобразная логика школьнаго пониманія? сливаются ли они съ обыденными пѣсенными запѣвами?

Малорусскія думы очень любятъ *тавтологію* и въ нихъ на каждомъ шагу встрѣчаются сопоставленія синонимовъ, двойныя слова, повтореніе нарѣчій, предлоговъ. Отмѣтимъ два, три десятка такихъ случаевъ (по сб. Ант. и Драгом.).

Грунтъ—худоба (119),
хлибъ—силъ (118),
пыли—туманы (113),
сребро—злато (91),
селомъ—улицею (80),
звирь—птыця (117),
щука—рыба...
степь—долина (139),
стежки—дорожки (II 102),
долыны—яры (79),
доломъ—долыною (80),
часъ—годына (139),
свѣтлыця—камяныця (211),
кайданы—зализо (89),
пиша—пишаныця (106),
чужа—чужавина (332, 190),
птыхъ—копье (II 121),
живъ—здоровъ (116),
мало—немножко (117),
маль—невельчокъ (113),

батькова—матчина (111, срв.
180, 187),
сира—сырыця (90),
сіе—посивае (80),
стучить—гремятъ (31),
бере—ханае (109),
стеле—покладае (116),
квиле—проквиле (177),
мыто—промыто (II 21),
суды—судыты (49),
рады—радылы . . .
обидь—обидае (248),
сикты—рубаты . . .
думаты—гадаты (108),
пыты—пидпываты (212),
пытъ—гулять . . .
леньмо—поленьмо . . .
кляла—проклинала (91),
бижыть—пидбигае (332),
потурчила—побасурманила . . .

и т. д.

Въ южнославянскомъ эпосѣ и въ эпосѣ великорусскомъ обнаруживается то же самое повтореніе не только предлоговъ, но именъ существительныхъ, сопоставленіе синонимовъ, разнообразныя виды тавтологій. Такъ, у сербовъ тамница тавна, болг. темна темница, велик. молоденьки молодупки, свѣтлая свѣтлица и др. (Miklosich, Die Darst. 7—26). Любопытныя аналогіи у Гомера указаны Миклошичемъ въ цѣтир. сочиненіи.

Изученіе *повтореній* въ предѣлахъ думъ также могло бы уяснить кое-что въ ихъ характерѣ и содержаніи. Акад. А. Н. Веселовскій такимъ образомъ объясняетъ повторенія въ народныхъ пѣсняхъ: „Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы ни было впечатлѣніе болѣзненно, томительно, и, можетъ быть, потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытитесь за-разъ. Веселые мо-

менты жизни переживаются быстрѣе.... Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводятъ дѣйствительный процесъ психическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону, и снова возвращаются къ основной нотѣ и (основному) образу („Нов. изслѣд. о франц. эпосѣ“, изъ оттиска). Очень любопытный примѣръ повторенія въ малорусской думѣ (у Ант. и Дра г. I 100, № 33) приведенъ А. Н. Веселовскимъ въ цитированной статьѣ съ указаніемъ весьма характерной параллели въ пѣснѣ о Роландѣ. Г. Житецкому эта статья акад. Веселовскаго осталась неизвѣстной.

Г. Ж. не обратилъ вниманія на *сравненія*, а при изученіи сравненій не лишнимъ было бы вспомнить кое-гдѣ о Словѣ о Полку Игоревѣ, напр. на стр. 123, при стихѣ думы о Корсунской битвѣ:

Не вербы-жъ то шумилы и не галки закричалы:
Тождь козаки зъ ляхамы пиво варыть зачиналы.

Сравненіе враговъ ляховъ съ галками и битвы съ пиромъ воспроизведено по старому эпическому образцу, внѣ вліянія виршъ.

Г. Житецкій также не обратилъ вниманія на *эпитеты*; объ этомъ нужно тѣмъ болѣе пожалѣть, что изученіе эпитетовъ въ думахъ могло бы кое-что уяснить по главному вопросу о вліяніи письменности на поэзію народную. Нѣтъ надобности здѣсь разъяснять, какое важное значеніе имѣетъ эпитетъ въ народной поэзіи; во многихъ случаяхъ эпитетъ является обломкомъ стариннаго міросозерцанія и быта, обломкомъ древнѣйшаго живописнаго состоянія языка. Въ виду такого важнаго значенія эпитетовъ, недурно было бы выбрать ихъ изъ думъ (хотя бы изъ одного сборника гг. Антоновича и Драгоманова), разставить въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ опредѣлялись бы характерныя приемы художественнаго опредѣленія природы и быта, затѣмъ распределить эпитеты въ предметномъ порядкѣ, что можетъ привести къ любопытнымъ историко-культурнымъ выводамъ, и, наконецъ, остановиться на нѣкоторыхъ эпитетахъ, особенно интересныхъ для историка культуры и психолога. Такая работа могла бы быть произведена приблизительно въ такомъ видѣ:

Бидны невольники (I 88, 90 и др.), Билый камень (I 31, 107), рука (83), нога, лицо, свѣтъ, снѣгъ, габа ((I 219), скамья (I 211), челядь (I 86, 109), Битый шляхъ (I 81, 83), Близка сусида (I 91, 190), Божій свѣтъ, Буйный витерь (I 80, 111), Булатна сабля (I 121), Быстрый конь (I 33), хвля (I 89), рѣка, Велики дороги росхидныи (I 116), диво (185), грихъ (186), Веселый край (I 191), Вирна жона (I 89), Вороний конь

(I 8, 31 и др.), Высока степь (I 116), Гнѣдѣй конь (Голов. I 12), Гордый пань (I 8), Горячи слезы, Гострый мечь (I 31), Далека дорога (I 138, 139), Добрая рада (I 1 и др.), Дрибенъ дощъ (I 9, 80), великор. мелкой частой дождикъ (Труды Яросл. Губ. Ст. Ком. I 13), листе-письмо (I 135), слеза, Жовтая коса (I 86), чоботы (Голов. II 50), мѣдь на воротахъ (I 31), кость (I 89), Зеленый яворъ (I 85), дубъ (I 134), жупанъ (I 87, 116), диброва (83), Злая хуртовына (I 186), Золотой волосъ (I 83), столъ (8), човенъ (2), весло (1), перстни (2 и др.), соха (53), грива (3), сѣдло (2), серпы (79), мечь (46), златосини киндяки (219), Калинова стрѣла (2), Камяна темница, Кленови уши коня (35), Кованый возъ (Голов. I 92), поясъ (Гол. II 50, Ант. I 43, 47), Кривава ничъ (I 185), Кришталева фляшка (I 77), Кровна родына (I 91), Мидяны човна (I 1), сошникъ (53), Мизине дзепко (I 39), палець (184), Милосердный Господь (I 90, 88), Опрани кульбаки (I 114), Павяный винокъ (I 43), Перлова тьянка (Гол. II 50), Пильна годына (Ант. II 6), Пирскій конь (I 35). Писаня скрыня (Гол. I 13). Простая дорога (I 91), люди (187), Рудая сукня (I 43). Руса коса (I 135, 138), Святое море (I 182), недиля (88), небо (194), церква (184), письмо (185 и сл.), Семипьядна пишаль (I 111, 219), Сердешни товарищи (I 192). Сивый конь (I 35, 6), волы (43), голузь (93), зозуля (111), Сиза зозуля, орлы (88, 111), Сыре кориння (I 107), вовки сироманци (111). Синее море (99 и др.), Смертельный грихъ, мечь (187), Срибныи пидковы (I 35), полыця (53), Старыя жоны (I 184), вдовы (187), мать (192), Супротывня хвыля (I 191), Темный похоронъ (I 117), ничка (118), лѣса (7, 83), Тисови синци (I 44), Тихи воды (I 89), Тяжка неволя (I 88), Хрещеный народъ (I 191 и др.), Червоне убране (I 87), каптанъ (108), китайка (116), таволга (89), Чисте поле (I 7, 43), Чорный пожаръ (I 114), кровь (85), мажа (86), китыця (108), аксамитъ (165, 167), очи, брови (87, 117 и др.), воронъ (85, 117), хмара (79), Чудныя стороны (I 184), Широкий танецъ (I 36), Шовковый наметъ (I 8), хвостъ коня (35), Яворовы сходци (I 44), Ярии пчолы (I 40), пшеница (79), Ясныи соколь (I 95), огонь (77), зори (90), сонце, (ib.), зброя, мисяць, и т. д.

Цвѣтвые эпитеты самые распространенные. Въ изслѣдованіи Миклошича „Die Darstellung im slavischen Volksepos“ мы находимъ подборъ наиболѣе встрѣчающихся эпитетовъ сербскихъ, хорватскихъ, болгарскихъ, великорусскихъ и малорусскихъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ эпитетъ „бѣлый“ прилагается къ разнымъ частямъ человеческого тѣла. У Гомера—„бѣлый“ локоть, зубы, ячмень, городъ. У сербовъ также „камена тавница“, „руса коса“. Море—синее у сербовъ и великоруссовъ. Мелкое, дробное—ситное письмо у бол-

гарь и сербовъ. Голубь и соколъ сивые и въ южнославянскомъ эпосѣ. Здѣсь же находимъ „вѣрную жену“, „зеленый“ боръ, ель, садъ, „золотые“ ключи, кольца, колыбель, чаши, вѣнки, „желтые“ сапоги (рариѣа), „бѣлую“ пшеницу, „ясное“ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, „широкія“ дороги, „тихія“ воды Дуная, „воронихъ“ коней; у великоруссовъ повторяются почти всѣ эпитеты думъ: „каленая“ стрѣла, „ясный“ соколъ и солнце, „каменные“ палаты, „темные“ лѣса и темницы и др. (подроб. у Миклошича въ Die Darstellung... 26—40).

При группировкѣ эпитетовъ раскрывается широкая и живописная картина украинской природы, стариннаго быта, одежды, вооруженія, пищи и пр., напр.: поле чистое (I. 7, 43)¹⁾, степь высокая (116), дороги простыя (91), или „великы росхидніи“ (116), широкія, далекія (138, 139), дворъ, обмурованный бѣлыми камнемъ, ворота изъ желтой мѣди (31), тесовыя сѣни, яворовое крыльцо (44), теремъ золотомъ писанный (45), вазы кованыя (Гол. I 92), мажи черныя (Ант. I 86), въ комнатахъ скамьи бѣлыя (211), скрини писаныя (Гол. I 13), фляшки хрустальныя (Ант. 77) столы ведровыя, миски мѣдныя, ложки золотыя (297), кафтанъ красный съ черными снурками (108), у женщинъ и мужчинъ жупаны зеленые (87, 116), рубашка бѣлая, какъ снѣгъ, тонкая, какъ листъ, шапочка, якъ макъ дрибненька, съ „струцевымъ“ (т. е. страусовымъ) перомъ, дорогая матерія „златоглавъ“ (парча) для атамана (219), для казаковъ сукни адамашки (Гол. I 13, 19), иногда чорный аксамитъ (Ант. 165, 167), у гетмана золотой перстенъ на мизинцѣ (II 4), кованный поясъ, на ногахъ шнурованыя битки, т. е. ботинки (Гол. II 50, 74 Ант. I 43) сапоги изъ желтой кожи (Гол. II 50), у пояса шелковый платокъ (Ант. II 4), стрѣла каленая, сабля булатная, золотая (921, 49), мечъ золотой, острый, пицаль семипядная (111, 219), кони сивые, гнѣдые, большею частью вороные, вообще быстрые, и въ добавокъ—съ „кленовыми ушками“ (35) и „серебряными подковами“ (ib.). Нѣкоторыя детали, вѣроятно построены на древней бытовой дѣйствительности, о чемъ см. Ант. и Драг. I, стр. 47 и 49.

Нѣкоторые эпитеты представляютъ большой интересъ. Таковъ, напр., эпитетъ „жовта коса“ для обозначенія красавицы. Въ старинной пѣснѣ о трехъ поповнахъ, взятыхъ въ плѣнъ турками, одна изъ плѣнницъ говорить:

Косо моя жовтенькая!
Не маты ты росчесуе,

Визныкъ бичемъ рострипуе
(Ант. и Др. I. 86).

Въ сербской и болгарской народной поэзіи у красавицы коса также русая. Миклошичъ замѣчаетъ по этому случаю въ од-

¹⁾ Однѣ цѣровыя смыслы, какъ и выше, относятся къ сборнику Антоновича и Драгоманова.

номъ мѣстѣ: „Das Epitheton muss uralt sein, da heutzutage röthliches Haar bei den Serben zu den Seltenheiten gehört“, и въ другомъ мѣстѣ вспоминаетъ, что „damit stimmt die Nachricht von Prokopios überein, wonach die Slaven blond *ὀπερότροι* waren“ (Die Darstellung... 31, 36). Любопытно, что въ средневѣковой Европѣ въ произведеніяхъ поэтовъ провансальскихъ, французскихъ, испанскихъ, итальянскихъ и германскихъ красавица—блондинка; у нея золотистые волосы, и въ то-же время прославляются черныя брови дугою, какъ въ малорусскихъ пѣсняхъ „очи карі“. Въ этой мелочи обнаруживается то родство психи малоруссовъ съ западно-европейскими народами, какое въ болѣе яркихъ формахъ сказывается въ существованіи у малоруссовъ множества западныхъ легендъ, новеллъ и фавеллъ, въ обиліи заимствованныхъ нѣмецкихъ, польскихъ и румынскихъ словъ. Итальянскій ученый Реньяръ въ предпочтеніи въ средневѣковой поэзіи типа блондинки склоненъ видѣть антропологическій фактъ: арийцы — блонкурая раса. А. Н. Веселовскій высказывается противъ этого мнѣнія, въ томъ предположеніи, что согласіе средневѣковой лирики въ культъ блонкурой красавицы есть согласіе чисто литературное, причемъ источникомъ нужно считать сравнительно болѣе древнюю лирику провансальскую и старофранцузскую. Почтенный академикъ идетъ далѣе и говоритъ, что народная пѣсня (приведена одна сицилійская) не подтверждаетъ расоваго предрасположенія къ блондинкамъ (Весел. „Новыя изслѣд.“, отд. отт.). Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, получить болѣе полное разрѣшеніе съ подборомъ большаго числа фольклорныхъ фактовъ, и въ такомъ случаѣ такая мелочь, какъ „жовта коса“ малорусскихъ думъ, не лишена значенія, давая одинъ шансъ на сторону мнѣнія Реньяра.

Есть въ эпосѣ славянскомъ, въ частности въ думахъ, такія стороны, которыя совсѣмъ не обследованы, о которыхъ ни Миклошичъ, ни Потебня не говорили, и которыя представляютъ большой научный интересъ. Таковы *описательныя выраженія* и общія мѣста. У г. Ж. о нихъ помину нѣтъ. Между тѣмъ специальное изученіе общихъ мѣстъ и описательныхъ выраженій проливаетъ большой свѣтъ на психологію народную, въ особенности при сравнительномъ методѣ. Описательныя выраженія являются часто живой характеристикой предмета или народнаго взгляда на него, и при формальномъ своемъ значеніи не лишены историко-культурнаго содержанія.

Описаніе Украины въ думахъ типичное:

Вызволь, Боже, всихъ
бидныхъ невольникивъ
На тыхи воды,
На ясни бори,

У край веселый,
У мыръ хрещеный,
Въ города христіанськи
(I 90).

Описательное выраженіе *многочисленнаго непріятеля*:

Ой по горахъ огни горять,
По долинахъ дымы курять (I 286).

Для выраженія *презрѣнія*:

Не подобало бѣ тоби надѣ нами, козакми, гетьмановаты,
А подобало бѣ тоби наши козацьки курени пидмитаты (II 122).

Для выраженія *изумленія*:

Гей вдарывся та панѣ Савва по полахъ руками (Голов. I 20)...
Ударится обѣ полы руками,
Обильется дрибными слѣзами (Ант. и Др. II 5).

Для выраженія поспѣшнаго *бѣства*:

... Голыми пятами наживавѣ (Ант. II 27).

Это типичное выраженіе повторяется въ „Енеидѣ“ Котляревскаго.

Въ думахъ много описательныхъ и общихъ выраженій *для битвы и убійства*, въ зависимости отъ возникновенія думъ въ бурное военное время:

Всю мою землю Волоську обрушывѣ,
Все мое поле копьемъ изоравѣ,
Усиль моиѣ волохамъ, якъ галкамъ,
Зѣ плечь головки познимавѣ,
Де булы въ поли стежки-дорожки,
Волоськими головками повымощувавѣ,
Де булы въ поли глыбокія долины,
Волоською кровью повыповнювавѣ (II 102)...
.... Мои турки-янычары
Стали вси въ пень порубаны (I 210)...

Перебійнысѣ узявѣ ляхивѣ... у снопы класты...

Нечай... взявѣ ляхамы, якъ снопамы, по два ряды класты (II 46).

Послѣдній образъ прямо отвѣчаетъ мѣсту въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „на Немизѣ снопы стелють головами“ и пр.

Еще: тиломъ своимъ панськимъ комары годуваты (II 5).

Взявѣ соби за жиночку (Въ „Этнограф. Обзор.“ кн.
Въ чистомъ поли могилочку. XVI мною собраны пѣсни
на этотъ мотивъ).

... Три барвы на рокъ убираю:

Ой убираю на веснѣ та зелененькую,
А въ осени чорненькую, а въ зимѣ бѣленькую (Голов. I 11).
Ой воилиы Нечаенька въ дрибный макъ сѣкаты (Голов. I 9).

Описательныя выраженія *никогда*, о чемъ см. мою статью въ XVI кн. „Этнограф. Обзор.“ (1893 № 1), стр. 59 — 60; кромѣ того, у Ант. и Др. I 271, Гол. I 98, II 6.

Общее выраженіе для *шбелн*, *смерти*— „надѣ NN черный воронъ криче“ (напр., у Голов. I 9). Черный воронъ любитъ падалъ, и эта черта отразилась во многихъ пѣсняхъ, поговоркахъ и повѣрьяхъ, о чемъ см. мою статью въ „Этнограф. Обзор.“ кн. IV. Въ исторической пѣснѣ о двухъ сестрахъ - плѣнницахъ черный воронъ пьетъ кровь человѣческую (Ант. и Др. I 85). Твардовскій въ описаніи осады Збаража казаками въ 1649 г. говоритъ, что казаки ругали осажденныхъ поляковъ и кричали имъ: „сдавайтесь, задерживаете кормъ воронамъ“ (ib. II 55). Повѣрье о зловѣщихъ воронахъ отразилось въ заговорахъ, Словѣ о Полку Игоревѣ и др. памятникахъ древности, о чемъ см. въ III т. изслѣд. Е. Барсова о Словѣ о П. И., стр. 103, 172—174.

Любопытно общее мѣсто малорусскаго эпоса: *казака топчетъ конемъ дѣтей*. Такъ Алексѣй Поповичъ —

... зѣ города выбигавъ,
Триста душъ дитей маленькихъ
Конемъ своимъ розбывавъ (I 179).

Богданъ Хмельницкій въ думѣ про угнетеніе Украины жидами
До польскаго города прибувавъ...
А которы бувалы мали диты,
То винъ и киньмы порозбывавъ (II 28).

Другое общее мѣсто *пить съ кумой*:

Нечай съ кумою медъ-вино кружае (Гол. I 8, Ант. и Драг. II 58, 62 и мн. др.).

Далѣе типично *сравненіе войны съ пиромъ*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (II 29) и въ думѣ про Корсунскую битву (II 33), — черта архаическая, хорошо извѣстная по Слову о Полку Игоревѣ.

Наряду съ типичнымъ выраженіемъ *уметенія* въ видѣ *пѣды на жєницинахъ*, что встрѣчается въ древней лѣтописи и во многихъ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ, стоитъ близкое къ нему *locus communis* — *ораніе поля людми*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (мститель Богданъ Хмельницкій):

Та старыми жидами оравъ,
А жидивками боронувавъ (II 28).

Въ галицкихъ вариантахъ думъ часто встрѣчается *писаніе писемъ* I 12, 18, 19, 46, 48, 93, 104, 108, что можетъ указывать на сербскія литературныя вліянія, такъ какъ въ сербской народной поэзіи писаніе писемъ — излюбленное общее мѣсто.

Стрѣльба въ цѣль. въ думахъ о Байдѣ (у Гол. I 2 и др.) встрѣчается, какъ общее мѣсто, въ великорусскихъ былинахъ, въ сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ, въ историческихъ преданіяхъ и сказкахъ разныхъ народовъ, о чемъ подробности см. въ моей статьѣ о народныхъ сказаніяхъ объ искусномъ стрѣлкѣ въ „Этнограф. Обозр.“, кн. V, 130 (Вильгельмъ Телль, Ханенко и др. мѣткіе стрѣлки).

Обращеніе къ птицамъ, чаще всего къ орлу, представляется въ думахъ также общимъ мѣстомъ. Средневѣковый греческій эпосъ и ново-греческія пѣсни полны разсказовъ о дружбѣ между птицами и героями. Обычный мотивъ: птица извѣщаетъ героя о постигшемъ его несчастіи (Дестунисъ, XXXIV т. Сборн. Акад. Н. № 1, 21).

Не одиѣ думы заслуживали болѣе обстоятельнаго изученія со стороны слога и отдѣльныхъ выраженій; и въ тѣхъ виршахъ, которыя въ обиліи приведены въ книгѣ г. Ж., есть много замѣчательныхъ образовъ и характерныхъ выраженій. Ограничимся двумя примѣрами:

Хто на семь свѣтѣ безъ долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне, якъ коломъ точился (колесомъ катился).
Лѣта плинуть марне, якъ быстрыя рѣки,
Часы молодые, якъ зѣ дождю потоки,
Все то марно минаеть (стр. 76).

Для стилистической оцѣнки этого мѣста не лишено значенія слѣдующее выраженіе въ былинахъ о Добрыгѣ: „Стала ждать Настасья Добрыню; ждать три года; день за днемъ, будто дождь дожидить, недѣля за недѣлей, какъ трава растеть, а годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ“ (Кирѣев. II 7, Рыбник. II 23, 26).

Въ другой виршѣ:

Прошли лета скоро, якъ быстрыя реки,
А я живу при несчастіи черезъ уси выки;
Віють витры въ степу—запрету не мають,
Идутъ мысли въ день и въ ноци—спокою не дають (77).

Для опредѣленія внутренняго значенія и художественной силы этого образа, не лишне будетъ привести превосходное стихотвореніе А. Пушкина „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ“ (см. „Рус. Филол. Вѣстн.“ 1893, III, стр. 159 и сл.). Образъ малорусскаго школьнаго поэта XVII в. совпадаетъ съ высоко художественнымъ образомъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина. Такія сопоставленія не лишены значенія. Они объясняютъ силу образа, что на руку г. Житецкому, въ смыслѣ утвержденія его основной мысли о вліяніи виршъ на думы.

На стр. 107, въ виршѣ, еврей говоритъ, что умершій раввинъ „теперъ исть въ небѣ вола соробора“. Г. Ж. послѣ „соробора“

ставить: (sic); слово это взято, вѣроятно, изъ Талмуда; „воль шарборъ“ упоминается въ „Мессіи Правдивомъ“ Галатовскаго и, что любопытно, также въ видѣ насмѣшки надъ евреями.

Обстоятельное изученіе формальной стороны думъ могло устранить нѣкоторыя недостаточно ясныя и не вполне правильныя сужденія о фактической сторонѣ ихъ. Такъ, на стр. 21 г. Ж. проклятіе, встрѣчающееся въ невольничихъ думахъ, обращенное къ ненавистой землѣ турецкой, объясняетъ съ историко-бытовой точки зрѣнія. Разумѣется, такая точка зрѣнія здѣсь возможна; но при этомъ въ статьѣ о строѣ рѣчи слѣдовало бы замѣтить, что форма проклятія основана не только на явленіяхъ жизни и не всегда служила выраженіемъ факта, а часто бывала простымъ эпическимъ приемомъ, и въ думахъ часто имѣетъ исключительно формальное значеніе *loci communis*. Съ такимъ значеніемъ чаще всего является проклятіе сына матерью, напр. въ думахъ про Морозенка (*Помт. писни* I 131), въ шотландскихъ балладахъ объ убійствѣ брата братомъ (*Child, The english and scot. ballads, II № 49*). Въ цѣнномъ изслѣдованіи Луки Зимы: „*Figure u našem narodnom pješničtvu*“ (1880 г.) проклятіе выдѣлено, какъ самостоятельная фигура народнаго эпоса (140—142). Эта риторическая фигура извѣстна была и древнимъ—*drá, execratio*). Въ сербскомъ эпосѣ проклятія очень распространены и разнообразны, какъ видно изъ сочиненія того же г. Зимы:

На стр. 12 г. Ж. говоритъ, что „историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованіями грамматической логики“, и далѣе, какъ объяснительный примѣръ, приведено описаніе бури на Черномъ морѣ въ думѣ про Алексѣя Поповича:

... на Черному мори не гараздъ починае,
На святому неби уси звизды потьмарыло,
Половина мисяця у тьму уступыло...

„Видно усиліе мысли, говоритъ г. Житецкій, выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ“. Такого рода картины, повидимому, по плечу народнымъ поэтамъ, и созданіе такихъ картинъ не требовало особенныхъ усилій мысли. Въ шотландской балладѣ, сложенной подъ прямымъ влияніемъ средневѣковой легендарной литературы о чудесахъ Пресв. Богородицы, о чемъ подробно см. въ моей статьѣ въ I кн. „*Кіев. Стар.*“ 1894 г., находится подобная картина морской бури:

It fell upon a Wodensday
Brown Robyn's men went to sea,

But they saw neither moon nor sun,
Nor starlight wi their ee. (Child, The engl. ballads III 18).

Затѣмъ, помимо историческаго реализма, картина бури въ думѣ про Алексѣя Поповича могла возникнуть подъ литературными вліяніями.

Въ концѣ первой главы г. Ж. говоритъ: „Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ. Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, рифмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ“. Далѣе авторъ прибѣгаетъ къ очень интересному приему: именно сопоставляетъ нѣкоторыя мѣста думъ съ старинными памятниками письменности. Жаль, что у автора всѣ сопоставленія улеглись на одной страницѣ (37-й), причемъ взято только три отрывка думъ, и сравненіе произведено лишь съ тремя, притомъ поздними, памятниками: „Словомъ о бездождіи“ (конца XVII в.), „Мессіей Правдивымъ“ Галатовскаго (1665 г.) и „Казаньемъ на соборъ пресв. Богородицы“ по рукоп. 1751 г. То-же явленіе—глагольная рима—обнаруживается въ гораздо болѣе раннихъ памятникахъ южно-русской письменности, современныхъ возникновенію наиболѣе старинныхъ думъ, напр., въ политическомъ памфлетѣ и бытовой сатирѣ конца XVI в., извѣстной подъ названіемъ „Рѣчи Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ 1589 г.“, и въ посланіяхъ южнорусскаго писателя конца XVI в. Іоанна изъ Вишни (Вишенскаго).

Опредѣленіе думы, какъ особаго вида народнаго пѣснотворчества, у г. Ж. не отличается достаточной опредѣленностью. На стр. 7-й г. Ж. говоритъ: „въ думѣ передается *продуманный* (подчеркнуто г. Житецкимъ) рассказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія“; на стр. 17-й: „отъ народной малорусской думы именно вѣдетъ думой пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размышленію, къ раздумью“; на стр. 19-й: „вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими“. Квалификація думъ, какъ продуманныхъ произведеній, отвѣчающая основной теоріи автора о большомъ вліяніи на думы письменности, недостаточно опредѣляетъ думы. Продуманность свойственна всей народной поэзіи, и нѣкоторыя лирическія пѣсни проникнуты такой глубокой мыслью, какой нельзя встрѣтить въ думахъ. Таковы, напр., пѣсни: „Ой кудро, кудро, кудрявая“ и „Ой шлы чумаки зъ

Украины“, обследованныя А. А. Потебней въ I т. „Объясненій малор. и сродн. пѣс.“ (стр. 247, 267), также нѣкоторыя колядки и др. Г. Ж. правъ въ томъ смыслѣ, что на думяхъ лежитъ своеобразный отпечатокъ размышленія, что при своеобразномъ, большею частью историческомъ ихъ содержаніи и своеобразной формѣ въ видѣ длинныхъ и неравнобѣрныхъ стиховъ, составляетъ наиболѣе характерную особенность думъ.

По объему и внутренней цѣнности главное значеніе въ изслѣдованіи г. Ж. имѣютъ 2 и 3 главы, гдѣ говорится о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Вирши разсмотрѣны по тремъ рубрикамъ: вирши правоучительныя, правоописательныя и историческія. Эти двѣ главы занимаютъ 100 страницъ; онѣ сравнительно съ другими главами богаче внутреннимъ фактическимъ содержаніемъ и, что въ особенности цѣнно, содержаніе это большею частью извлечено изъ неизданныхъ рукописей Кіево-Михайловскаго монастыря и Церковно-Археол. Музея при Кіев. Дух. Акад., а также изъ рукоп. сборника Кибальчича XVIII в.

Слабыя стороны этой наиболѣе крупной части изслѣдованія г. Ж. состоятъ въ слѣдующемъ:

Выдвигая на первый планъ положеніе о вліяніи школьной литературы, преимущественно виршъ, на думы, г. Ж. раннія явленія народной словесности объясняетъ, сравнительно съ ними, поздними книжными памятниками. Думы, какъ извѣстно, существовали уже въ концѣ XVI в., а наиболѣе старинные образцы правоучительныхъ, правоописательныхъ и историческихъ виршъ г. Ж. приводитъ изъ памятниковъ половины XVII в.: «Лѣкарства роскошникамъ того свѣта», «Острожскаго ляментя», или изъ еще болѣе новыхъ памятниковъ XVIII в., вертепной драмы, рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ.

Затѣмъ, авторъ книжное вліяніе опредѣляетъ нѣсколько односторонне, усматривая его лишь въ виршахъ, вообще въ школьныхъ издѣліяхъ стараго времени. Совсѣмъ въ сторону оставлены другія литературныя вліянія, напр., вліяніе западно европейской и малорусской легендарной литературы. Такъ, одна изъ лучшихъ думъ—объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ—стоитъ въ тѣсной связи съ легендами о покаяніи грѣшника на морѣ и спасеніи его при участіи Пресв. Богородицы, о чемъ см. мою статью въ I кн. „Кіев. Стар.“ 1894 г. Это вліяніе можно усмотрѣть не только въ основной фабулѣ разсказа, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; напр., въ легендѣ, нашедшей мѣсто въ „Запискахъ“ Петра Могилы, говорится, что казаковъ, возвращавшихся съ морского похода на Турцію, захватила страшная буря — „волны противныя“, — и въ думяхъ про Алексѣя Поповича вездѣ выдвинута „злосопротивна хвылечка“.

Нѣкоторыя малорусскія вирши могли возникнуть подъ вліяніемъ западныхъ мистерій, на что уже было указано въ одной небольшой статейкѣ (въ 6 стр.), напечатанной въ галицкомъ альманахѣ «Ватра». Въ замѣткѣ этой рѣчь идетъ о напечатанной въ іюньской кн. «Основы» 1862 г. пасхальной виршѣ о томъ, какъ Люциферъ подружился въ аду съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христось и освободилъ грѣшниковъ, оставивъ въ аду только Соломона и Каина. Люциферъ опасаясь, чтобы Христось не пришелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Хотя основное содержаніе этой вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Никодима, но ближайшимъ источникомъ ея была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши приведено одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV в. о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религіознымъ содержаніемъ мистеріи свободно и фамильярно. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона—священникъ повторяется въ нѣмецкой драмѣ: «Christi Auferstehung», по рукописи 1464 г.

Можно думать, что средневѣковая латинская и болѣе поздняя нѣмецкая и польская духовная лирика оказали вліяніе на малорусскія старинныя вирши, въ особенности на вирши нравоучительныя. Вообще малорусская схоластическая литература XVII в. стоитъ въ прямой связи съ средневѣковой европейской схоластической литературой, и такое же сходство обнаруживается во всемъ строѣ и содержаніи южнорусской культуры XVII в. Не даромъ мы у южнорусскихъ писателей XVII в., особенно часто у Галатовскаго, встрѣчаемъ Ансельма Кентерберійскаго, Оому Аквинскаго, Дуна Скота, Петра Альфонса, Кантипрата, Лирануса и др. схоластическихъ писателей XII—XIV вѣковъ. Въ народной и полународной виршевой литературѣ малорусской XVII в. обнаруживается значительное сходство съ *Vagantenlieder* средневѣковой Европы.

Христіанская латинская поэзія очень рано возникла на западѣ, въ Италіи, гдѣ она первоначально по самому языку могла пользоваться большимъ распространеніемъ, была памятна не однимъ церковникамъ, но вообще образованнымъ людямъ, грамматикамъ и риторамъ, которые не переводились въ Италіи съ древнѣйшихъ временъ. Въ XII в. латинская поэзія развилась во Франціи, благодаря возникновенію умственныхъ интересовъ и общему подъему образованія, и почти одновременно она проникла и укрѣпилась въ Германіи въ кругу грамотныхъ людей. Составленіе виршей стало признакомъ образованности. Нѣкоторые писатели приобрѣли въ этой области громкую извѣстность, преимущественно во Франціи (Стефанъ Орлеанскій, Петръ Блуаскій, Гиларій). Выработаны были опредѣленные формы стиха и правила стихотворства: hexametri

consonantes, leonini, caudati, peractherici, repercussivi, pariles, dactylICI, reciproci, retrogradi, concatenati, intercisi, circulati, citocadi (Hubatsch, Die lateinischen Vagantenlieder d. Mittelalters, 7). Стали вырабатываться самые мотивы, напр., мотивъ помилованія о грѣхахъ. Такъ, клюнійскій монахъ Бернардъ фонъ-Морла (XII—XIII в.) въ виршѣ въ 3000 гекзаметровъ, съ римами на концѣ и ассонансами въ серединѣ, оплакивалъ порочность и непрочность мірской жизни. Самое начало этой длинной вирши напоминаетъ многія позднѣйшія малорусскія вирши:

*Hora novissima tempora pessima sunt, vigilemus.
Ecce minaciter imminet arbiter ille Supremus*

Латинская духовная поэзія стояла самостоятельно въ ряду съ поэзіей рыцарской и поэзіей народной. Въ то время, какъ двѣ послѣднія, въ особенности поэзія народная, ограничены были національными рамками, латинская поэзія была дорогой гостьей во всѣхъ западныхъ католическихъ странахъ, преимущественно въ средѣ образованныхъ людей. Латинскій языкъ и схоластическая школа были главными ея пропагандистами, и потому неудивительно, что и въ Малороссіи со времени Петра Могилы сильно развиваются вирши, какъ отраженіе уже заглушей къ тому времени на западѣ латинской духовной поэзіи.

Малорусскіе „мандрованные“ дьяки и школьники— пиворѣзы XVII в.—своеобразное мѣстное „культурное переживание“ западно-европейскихъ странствующихъ школяровъ, такъ называемыхъ вагантовъ и голиардовъ, которые процвѣтали въ западной Европѣ въ XII в. въ роли главныхъ разсадниковъ свѣтской латинской лирики. Ваганты—странствующие грамотѣи-церковники. Ходили они изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, пользуясь покровительствомъ закона и добротными даяніями горожанъ и рыцарей. Извѣстенъ указъ Фридриха Барбароссы 1158 г. о свободномъ путешествіи клериковъ по всей странѣ. Одинъ изъ средневѣковыхъ писателей говоритъ: „Urbes et orbem circumire solent scholastici, ut ex multis litteris efficiantur insani... ecce quaerunt clerici Parisii artes liberales, Aureliani auctores, Bononiae codices, Salerni pyxides“ (Hubatsch, 14). Странствующие пѣвцы церковники составляли товарищества, и уже во Франціи имъ дано общее наименованіе голиардовъ, причѣмъ въ одномъ постановленіи Трирскаго собора 1277 г. голиарды стоятъ рядомъ съ joculatores и bufones; въ эдиктѣ бременскаго архіеп. 1292—„vagi scholares, qui goliardi vel histriones alio nomine appellantur“. Изъ другихъ свидѣтельствъ средневѣковыхъ видно, что голиарды были министрелями, распѣвавшими по домамъ духовные стихи. Существуютъ различныя толкованія самого слова „голиарды“, причѣмъ одно изъ нихъ, производящее это слово отъ gula въ смыслѣ gourmand, glouton, т.-е. обжоры (Hubatsch, 10), ин-

тересно по отношенію къ названію украинскихъ школяровъ «пиво-рѣзками.»

Южнорусскіе пиворѣзы XVII в. не только по своему нравственному характеру, но и по излюбленнымъ литературнымъ темамъ напоминаютъ средневѣковыхъ вагантовъ. Ваганты любили говорить о винѣ и выпивкѣ, и поэзія ихъ отличалась значительной грубостью, по сравненію ея съ рыцарской поэзіей. Въ голяхъ былъ силенъ сатирической элементъ, выразившійся, между прочимъ, въ насмѣшкахъ надъ монахами. Сатира не имѣла личнаго характера; она направлена была или противъ недостатковъ людей вообще, или противъ сословныхъ недостатковъ. При этомъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ сатира голий была вполне благонамѣренная и правовѣрная. Общей цѣлью латинской поэзіи голяровъ было—*rogas explorare, reprobare reprobos et probos probare*, и южнорусскія правоописательныя и правоучительныя вирши отличались такими же чертами и преслѣдовали такія же цѣли.

Ваганты и голяры хвастали своей школьной наукой и ставили себя выше свѣтскихъ жонглеровъ и шпильмановъ, вообще выше свѣтскихъ людей:

*Cum mare siccatur et daemon ad astra levatur,
Tunc primo laicus fit clero fidus amicus.*

Другой странствующій латинскій школяръ въ несчастіи говорить: «Куда мнѣ обратиться, мнѣ, знакомому съ музами, изучившему Гомера? Къ свѣтскимъ мнѣ не стоитъ итти; обратиться за помощью я могу только къ клерикамъ». Эти *viri litterati* хотѣли знаться только съ *viris litteratis*:

*Aestimetur autem laicus ut brutus,
Nam ad artem surdus est et mutus.* (Hubatsch, 22).

Малорусскіе пиворѣзы раздѣляли этотъ взглядъ вполне и даже выражали его въ сходной формѣ. Они считали свою науку своимъ природнымъ преимуществомъ:

Не пнишь, что тебѣ не дано отъ Бога....
Если не рожденъ, не сунься въ науку....
Пасъ братія соборнѣйша знаетъ,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милость, дабы клиру сопричититъ
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куншти разніе писати....

Лучше всего школярское высокоуміе выразилось въ виршахъ монаха Климентія:

Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письменнаго особый политичный звычай. (Житєцкій 49, 51).

Тѣсная связь со школой и въ особенности школьная зубри-стика грамматтики наложили свою печать на поэзію вагантовъ и пиворѣзовъ. Такъ, въ латинскихъ виршахъ голиардовъ:

Multum habet oneris do das dedi dare....
Si te forte traxerit Romam Vocativus,
Et si te deponere vult Accusativus, etc...

Малорусскіе виршеплеты стараго времени:

Казавъ мени бакаляръ промовыты: „Азь, Азь!“
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци — разъ, разъ!
Крыкнувъ же винъ у друге: „А ну, кажи: Буки!“ и т. п.

Въ одномъ изъ наиболѣе древнихъ латинскихъ стиховъ «Confessio poetae», составленномъ между 1162 и 1165 годами, поэтъ жалуется, что онъ созданъ изъ легкаго матеріала и подобенъ листу, которымъ играетъ вѣтеръ: „Я, какъ корабль, безъ кормчаго, говоритъ поэтъ, какъ птица, безцѣльно носящаяся въ воздухѣ. (Hubatsch, 44). Возможно, что подобнаго рода сравненія не остались безъ вліянія на позднѣйшія малорусскія вирши и пѣсни, напр.:

..... родыны не маю,
На чужини пробуваю и вѣкъ свий теряю;
Ой якъ орелъ по надъ поле повитремъ носытся,
Такъ сырота на чужини съ плачомъ веселытся...
Нѣгде отъ злыхъ челоувѣкъ спокою не маю.... (Жит. 75).

Ваганты процвѣтали во Франціи въ XII и въ началѣ XIII в.; въ XIII в. они были многочисленны въ Англии и Германіи. Главными путями ихъ движенія и распространенія были Рейнъ („die grosse Pfaffengasse“) и Дунай (Hubatsch, 16). Въ XIV в. ваганты и голиарды подвергаются преслѣдованію со стороны церковныхъ властей за сатирическія вирши противъ порядковъ духовенства и въ особенности папства; они понемногу начинаютъ терять подъ собой школьную латинскую почву. Вытѣсненные изъ клира и школы, голиарды мало-по-малу отождествляются съ странствующими шпильманами и скоморохами. Въ латинскія вирши вносятся фразы французскія, нѣмецкія, смотря по національности ваганта, и, наконецъ, латынь совсѣмъ замѣняется живыми народными языками. Одни памятники старой латинской поэзіи сохранились въ монастыряхъ, другіе вошли въ студенческія пѣсни. Нѣкоторыми сатирическими произведеніями голиардовъ противъ Рима воспользовались въ XVI в. протестанты.

Допуская возможнымъ вліяніе латинской поэзіи Запада на малорусскія вирши стараго времени, мы до болѣе подробнаго обслѣдованія этого историко-литературнаго вопроса считаемъ нѣсколько смѣлыми и послѣдними положенія г. Житецкаго о національномъ характерѣ украинскихъ пиворѣзовъ и ихъ литературныхъ произ-

веденій. „Не симпатиченъ для насъ обычай“, говоритъ г. Ж., „въ безцѣльной игрѣ жизнию строить всякія штуки, рисоваться передъ народной толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцовъ, залицаться съ поселянками посредствомъ портретовъ.... Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанию собственныхъ своихъ недостатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства“ (52, 53). Все это, разумѣется, характерно для старой Малороссіи; но „самообличеніе пиворѣзовъ“ получить нѣсколько своеобразное значеніе, если допустить, что при благоприятныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, а, можетъ быть, даже и помимо ихъ, „самообличенія“ могли возникнуть на почвѣ литературныхъ заимствованій и подражаній, напр., подъ вліяніемъ чрезвычайно популярной у вагантовъ, потомъ у студентовъ пѣсни: „Meum est propositum in taberna mori“.

„Мы имѣли возможность, говоритъ г. Житецкій, пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ *прошлому* и въ началѣ *настоящаго* вѣка для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ приемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ“ (43 стр.). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 53) г. Ж. перечисляетъ нѣсколько самообличительныхъ произведеній пиворѣзовъ, найденныхъ имъ въ одной рукописи Кіев. Церковно-Археологическаго Музея.

Прежде всего нельзя не выразить сожалѣнія, что г. Ж. не издалъ этихъ записей цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи, что дало бы читателю возможность судить о внутреннемъ ихъ составѣ, о книжныхъ и народныхъ элементахъ. Разъ уже рѣшено было авторомъ не издавать эти сборники, нужно было по меньшей мѣрѣ представить обстоятельное описаніе ихъ.

Признавая школьные сборники, по немногочисленнымъ и краткимъ извлеченіямъ, весьма цѣннымъ историко-литературнымъ матеріаломъ вообще и въ частности относительно думъ, я не могу, однако, вмѣстѣ съ г. Ж. утверждать, что эти сборники „должны служить основой для разъясненія вопроса о происхожденіи своеобразныхъ приемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ на-

родной поэзіи и особенно въ думахъ“. Сборники, по словамъ самого г. Ж., относятся къ XVIII и началу XIX ст., а книжный складъ носятъ уже думы XVII и даже конца XVI вѣка; если допустить, что дума про Алексѣя Поповича сложена въ концѣ XVI в. Во всякомъ случаѣ эта дума сложена не позже начала XVII в. Ощутительное присутствіе въ этой думѣ книжныхъ вліяній расширяетъ поставленный г. Житецкимъ вопросъ о вліяніи школьныхъ учебниковъ вполнѣ возможной гипотезой о болѣе раннемъ книжномъ вліяніи другихъ источниковъ, напр. латинской поэзіи вообще и легендъ въ частности.

У г. Ж. вездѣ, гдѣ говорится о виршахъ, выдвинуто исключительно бытовое начало и упущено возможное литературное начало, параллельное съ бытовымъ, изрѣдка, можетъ быть, и безъ примѣси послѣдняго. „Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похождения ихъ въ область женской красоты; но онѣ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуєтъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ, не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немислимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея“ (53). Несомнѣнно, что дьякъ былъ въ старой Малороссіи свой человѣкъ, и можно согласиться съ авторомъ, что дьякъ пользовался симпатіями; но отсюда еще не вытекаетъ первая послышка автора о пѣсняхъ про дьяка, какъ свидѣтельствъ народныхъ къ нему симпатій. Пѣсни ироническія на тему о любви дьяка къ женщинѣ легко могли быть заимствованы съ Запада, гдѣ любовныя похождения духовныхъ лицъ получили широкую литературную разработку въ новеллахъ, фавеллахъ и миннезангахъ. Огромное большинство современныхъ малорусскихъ народныхъ сказокъ и анекдотовъ о любовныхъ похожденияхъ поповъ и дьяковъ построены на западныхъ литературныхъ источникахъ, и весьма вѣроятно, что и старинныя малорусскія вирши черпали изъ неистощимаго источника западно-европейской сатирической литературы на духовенство. Типъ влюбчиваго попа или дьяка давно сталъ излюбленнымъ въ народной словесности, отсюда перешелъ въ сочиненія Котляревскаго и Квитки и донынѣ воспроизводится малорусскими драматургами, и потому мы полагаемъ, что исключительно бытовое объясненіе личности дьяка въ малорусскихъ виршахъ XVIII в. такъ-же несостоятельно въ научномъ отношеніи, какъ было бы несостоятельно сужденіе о нравахъ современныхъ дьяковъ и отношеніяхъ къ нимъ крестьянъ по персонажамъ въ комедіяхъ г. Кропивницкаго.

Г. Житецкій говоритъ, что школяры, „постепенно сливаясь съ народной массой, превращались изъ латинниковъ въ псалтырниковъ и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ“ юмористическаго

содержанія“ (54). Возможно, что такое отрицательное отношеніе псалтырники уже нашли въ кунштахъ и виршахъ и затѣмъ лишь примѣнили его къ себѣ и къ окружавшей ихъ средѣ.

Разъ въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ обнаруживается большое сходство въ пѣсняхъ разныхъ народовъ, необходимо къ фактическому содержанию такого рода пѣсней относиться съ большою осторожностью, не давая ему бытоваго приуроченія. А въ пѣсняхъ о дьякахъ много такихъ совпадений, указывающихъ на общій литературный источникъ. Возьмемъ въ видѣ характернаго примѣра слѣдующія двѣ пѣсни, галицко-русскую (Голов. II, 146—147) и моравскую, (*Sizil*, 76), и сопоставимъ ихъ параллельно:

Дячку, дячку вывченный,
На всѣ школы выбранный!
Повѣдъ же намъ, що еденъ
а еденъ?

— Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Еденъ то бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралеваць все буде.

Дячку, дячку вывченный,
На всѣ школы выбранный!
Повѣдъ же намъ, що два а два?
— Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Двохъ ихъ было Божихъ святца,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралеваць все буде.

Дячку, дячку вывченный,
На всѣ школы выбранный!
Повѣдъ же намъ, що три а три?
Трехъ ихъ было патруляшовъ,
Двохъ ихъ было Божихъ святци,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралеваць все буде.

Вопросы и далѣе идутъ въ та-
кой же обстановкѣ, съ такими
цифровыми комментаріями:

Штыри листы ангелисты....
Пять ихъ было Божихъ ранъ ...
Шести грають лелію

Žačku, začku učeny,
Ze všech škol vybirany
A ty viš, nam poviš,
Co jè jeden?

A ja wim vam povim,
Co je jeden.
Jeden jest Jesu Krist,
Co nad nami králem jest.

Žačku, začku učeny,
Ze všech škol vybirany!
A ty viš nam poviš,
Co to jsú dvě?

A ja vim, vam povim,
Co to jsú dvě.
Dvě tabule Mojžisovy,
Jeden jest Jesu Krist,
Co nad nami králem jest.

Žačku, začku učeny,
Po všech školach cvičeny,
A ty viš, nam poviš,
Co to jsú tři?

A ja vim vam povim,
Co to jsú tři.
Tři patriarchove,
Dvě tabule Mojžišovy,
Jeden jest Jesu Krist,
Co nad nami králem jest...

и т. д. съ добавленіями въ слѣ-
дующихъ строфахъ:

Ctyry evangelistove....
Pet ran Kristovych krvavych....
Šest jest stoudni kamennych

Передъ панянокъ Маріовъ....
 Семъ радости у Бога....
 Восемъ свѣчь горить предъ
 Богомъ....

Дячку, дячку вывченый,
 На всѣ школы выбранный!
 Повѣдѣ же намъ, що девять?
 — Що я вѣмъ, то повѣмъ:
 Девять коронъ ангельскихъ,
 Восемъ свѣчь горить предъ
 Богомъ,

Семъ радости у Бога и т. д.

Галицко-русскій вариантъ этой пѣсни съ „ученымъ дякомъ“ подкупаетъ изслѣдователя въ пользу историко-бытового комментарія если не всей пѣсни, представляющей хорошо извѣстный апокрифъ (о чемъ см. Веселовскаго въ Сборн. отд. р. яз. Акад. Н. т. XXXII, стр. 78—82, 92—95, 432—433, Н. Сумцова Очерки ист. южнорус. апокриф. сказ. 145—146),—то запѣва о дякѣ; но разъ мы находимъ и въ моравскомъ вариантѣ буквальный выраженія объ ученомъ дякѣ, то всякія бытовыя приуроченія дѣлаются вообще шаткими.

На стр. 75—76 г. Ж. говорятъ мимоходомъ о псалмѣ „Сиритка“, распѣваемой и теперь лирниками. Авторъ замѣчаетъ о близости этой псалмы „къ народному настроенію“ и о „трогательности“ ея содержанія. Соглашаясь съ авторомъ, мы замѣтимъ, что основная тема вообще близка къ народному настроенію и у разныхъ народовъ разработана въ трогательно-меланхолическомъ тонѣ. Останемся на псалмѣ, указанной у г. Ж., напеч. въ III т. I ч. Голловацкаго стр. 272:

А въ недилу рано взяло свитаты,
 Пишла сиритка мамунци шукаты;
 Ой пишла сиритка горами, долами,
 Здыбавъ ю Господь съ двома ангеламы:
 „Где йдешъ, сиритко?“—„Мамуни шукаты“.
 „Верныся, сиритко, бо далеко зайдешъ,
 Бо далеко зайдешъ, мамунци не знайдешъ“...

По указанію Господа, сирота находитъ могилу матери. Мать посылаетъ ее къ мачехѣ. Мачеха не помыла головы сиротѣ, а прокляла ее, не сшила ей сорочку, а избила ее. Ангелы унесли душу сироты въ рай, а черти унесли душу мачехи въ адъ.

Во Франціи въ Верхней Бретани записана такая пѣсня:

C'était une complainte de trois petits enfants (*bis*),
 Leur mère était morte, leur père se maria
 A une méchante femme pour élever ses enfants.

Le plus petit demande un petit morceau de pain,
Un grand coup de pied dans le coeur le renversa par terre,
Relève toi, mon frère, nous irons au cimetière
Trouver notre mère...

Dans leur chemin rencontrent Notre Seigneur Jésus-Christ,

— „Ou allez vous, trois anges, trois anges si petits?“

— „Nous allons au cimetière trouver notre mère“...

Спаситель даетъ матери 12 лѣтъ жизни для воспитанія дѣтей (Revue des trad. popul. 1892, IV 292).

На стр. 66—69 г. Ж. приводитъ содержаніе галицкой колядки „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?“, основная мысль которой выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема“. Въ чемъ же заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?—спрашиваетъ по этому поводу г. Ж., и затѣмъ говоритъ: „Глубоко трогательный отвѣтъ мы находимъ въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ“. Древнѣйшимъ вариантомъ этого стиха г. Ж. считаетъ тотъ, который начинается напоминаніемъ о смерти (у Голов. II 21). „По всему видно, говоритъ г. Ж., что стихъ этотъ былъ предназначенъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ... Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ бѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей“... Авторъ сходитъ здѣсь съ историко-литературной на историко-бытовую почву безъ достаточнаго фактическаго основанія. Пѣсни о правдѣ и кривдѣ имѣютъ длинную исторію; онѣ восходятъ къ древней апокрифической литературѣ, о чемъ подробно см. въ диссертациі г. Мочульскаго: „О Голубиной книгѣ“, стр. 186—234. О какомъ-либо отношеніи дѣтей къ отцамъ на малорусской почвѣ нельзя судить по стихотвореніямъ о правдѣ и кривдѣ.

Отъ краткихъ и общихъ замѣчаній о пѣсняхъ о правдѣ и кривдѣ г. Ж. переходитъ на 69 и на слѣд. стр. къ пѣснямъ о матери вообще и въ частности къ думамъ о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ. Что же связываетъ всѣ эти пѣсни? Г. Ж. связью ставитъ такой общечеловѣческой мотивъ, какъ любовь къ матери: „По народнымъ представленіямъ мать есть символъ всепрощающей (?) любви и безконечнаго (?) самоотверженія. Она есть сама правда—такъ-же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести пририта“, поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется матерью родною, а мать въ свою очередь—правдою вѣрною. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа на небѣ“. Это разсужденіе г. Ж., весьма краснорѣчивое (авторъ любитъ выражаться цвѣтисто), въ научномъ отношеніи вполне несостоятельно. Литературныя явленія здѣсь совсѣмъ оторваны отъ исторической почвы и получаютъ слишкомъ одностороннее и искусственное

семеино-нравственное толкованіе. И въ общемъ сужденіи автора о значеніи матери въ малорусской народной поэзіи есть преувеличеніе. Далекое не всегда здѣсь мать является „самой правдой, вѣчно страдающей“. Во многихъ пѣсняхъ мать не лишена большого себялюбія и за оскорбленіе, неуваженіе, или даже простое непослушаніе мститъ сыну проклятіями и низводитъ на него всякаго рода бѣдствія и преждевременную кончину.

У г. Ж. совсѣмъ нѣтъ научнаго изслѣдованія отдѣльныхъ думъ, и гдѣ о нихъ заходитъ рѣчь, мы видимъ лишь общія фразы и неопредѣленныя характеристики моральнаго свойства. Фактическое содержаніе думъ какъ-то ускользаетъ у автора изъ рукъ, и думы объединяются по случайнымъ внѣшнимъ признакамъ. Выше мы отмѣтили, что рядъ разнородныхъ пѣсень объединенъ г. Житецкимъ по мотиву любви къ матери. Другимъ характернымъ примѣромъ такого случайнаго объединенія пѣсень могутъ служить 143 и слѣд. стр. „о рубаныхъ казакахъ“. „Такихъ пѣсень (о рубаныхъ казакахъ) въ малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Послѣднею заботой ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ“... Далѣе авторъ вспоминаетъ пѣсни о смерти казака вообще, думы о Ѳедорѣ Безродномъ, объ Ивасѣ Коновченкѣ. Рамка для сравненія и объединенія пѣсень взята слишкомъ общая; въ такую рамку можно вставить не только думы о Ѳедорѣ Безродномъ и объ Ивасѣ Коновченкѣ, но массу западныхъ пѣсень, греческихъ о смерти клефтовъ, сербскихъ о смерти юнаковъ, пѣсень шотландскихъ, французскихъ и мн. другихъ. Въ эту рамку можно ввести и „Шотландскую пѣсню“ А. С. Пушкина. Такія общія рамки совершенно безплодны въ научномъ отношеніи. Дума о Ѳедорѣ Безродномъ оригинальная, а пѣсня о смерти казака въ степи съ обращеніемъ его къ коню съ просьбой извѣстить родныхъ о его смерти можетъ быть заимствованной и лишь пріуроченной къ мѣстнымъ условіямъ. Крайности обобщенія по внѣшнимъ случайнымъ признакамъ обусловлены той особой складкой ума, которая при господствѣ одной общей идеи—въ данномъ случаѣ идеи о вліяніи виршъ на думы—пренебрегаетъ и даже совсѣмъ не замѣчаетъ частныхъ, какъ бы важны онѣ ни были по существу своему.

Наклонность къ широкимъ морально-литературнымъ обобщеніямъ думъ, пѣсень и виршей у автора идетъ рука объ руку съ риторизмомъ и многословіемъ, мѣстами затемняющими ходъ изслѣдованія. Среди многословныхъ разсужденій и обобщеній у г. Ж. иногда проскальзываютъ ошибочныя положенія, напр.: „Мы понимаемъ, говоритъ г. Ж., что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностію, но для насъ ва-

женъ поэтической замысль—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и до нынѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемая въ коопераціи многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда — индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной симпатіи людей, близкихъ между собою по крови“ (72). Въ этомъ довольно таки темномъ разсужденіи выдается мнѣніе г. Ж., что малорусская народная этика сводится къ семейной морали. Странно, что такое мнѣніе высказывается въ спеціальному изслѣдованіи о думахъ, т. е. такихъ памятникахъ народной словесности, которые почти всецѣло построены на общественной морали. Но и помимо думъ есть много народныхъ пѣсенъ, доказывающихъ чуткое отношеніе малоруссовъ къ общественной морали. Такое отношеніе обнаруживается даже въ такихъ архисемейныхъ пѣсняхъ, какъ пѣсни колыбельныя. „Общественные интересы въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ выступаютъ на первый планъ. Въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ всѣхъ разрядовъ семейное счастье ставится выше личнаго; общественному же благосостоянію приносится въ жертву то и другое. Идеаль, рисуемый малороссянкой, отличается нравственной широтой:

Бодай спало—не плакало,
Бодай росло—ве болело
Головонька и все тило—

Отцу, матци на втишеньку,
Добрымъ людямъ на услугу

(Встуховъ, въ XV кн. „Этногр. Обзор.“ стр. 99).

Этотъ частный случай съ достаточной ясностью показываетъ, какъ далеко авторъ заходитъ въ своихъ обобщеніяхъ и къ какимъ одностороннимъ выводамъ пришелъ онъ, увлекшись идеей объ исключительно высокомъ значеніи у малоруссовъ идеала матери.

Многія общія положенія, общія замѣчанія г. Ж. заслуживаютъ фактической научной провѣрки. Таковы, напр., вскользь высказанныя замѣчанія о пессимизмѣ, „свойственномъ міровоззрѣнію малорускаго народа“ (стр. 59), о сліяніи въ малорусской поэзіи „скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго (?) сомнѣнія“ (58) и нѣкот. др.

Г. Житецкій часто смѣшиваетъ двѣ по существу различныя точки зрѣнія—историко-литературную и историко-бытовую, не довольствуется ролью историка литературы и вторгается въ исторію быта, иногда безъ достаточныхъ фактическихъ основаній. Напримѣръ, на 77—78 стр. г. Ж. приводитъ въ извлеченіи любопытную псалму о молодости и старости, причемъ псалма рекомендуетъ удаленіе отъ міра, бѣгство въ темные луга, въ степи и пустыни. По этому поводу г. Ж. говоритъ слѣдующее: «Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ Запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а «Велькій лугъ—батькомъ». Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастьѣ и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псалмѣ:

Не пиду у мирѣ,	Щобъ душу спасти,
Пиду въ монастырь,	Щобъ Господь простыть...»

Авторъ здѣсь очевидно совсѣмъ сошелъ на историко-бытовую почву и упустилъ изъ виду, что псалмы объ удаленіи горемыки въ пустыню или въ монастырь воспроизводятъ тотъ же мотивъ «о спасенномъ пути», который съ полнотой разработанъ въ русской повѣсти или (какъ Срезневскій называлъ ее) старческой пѣснѣ о Горѣ-Злочастіи.

На стр. 90 г. Ж., говоря о виршахъ про Ирода, вспоминаетъ некстати о татарахъ.

Въ книгѣ г. Ж. мѣстами приведены вирши, хотя весьма интересныя, но собственно къ думамъ не имѣющія отношенія, напр., стихотворная легенда о пекельномъ Маркѣ (стр. 98). Эта легенда—своеобразная малорусская переработка широко распространенныхъ въ Россіи и въ Западной Европѣ сказаній о солдатѣ (мужикѣ) въ аду. (Афанасьевъ IV 494, Ватра 124—128, бретонская сказка въ Крптъіа II 77, „Кіев. Стар.“. 1886 VI 445, Добро-

вольскій, Смол. Этногр. Сбор. I, 285, Zbiór Wiadomości VIII 301, Караджичъ, Приповѣтки 301).

При нѣкоторыхъ литературныхъ мотивахъ желательно видѣть историческія справки. Такъ, г. Ж. на стр. 104 говоритъ: «во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ рассказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ»... Отрывокъ изъ интерлюдіи Довгалевскаго приведенъ по рукописи 1736 г., хранящейся въ библиотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. Мотивъ о чудесномъ снѣ былъ уже ранѣе подробно обследованъ на страницахъ „Кіев. Стар.“ въ статьѣ г. Кузьмичевскаго, къ которой можно теперь сдѣлать довольно много дополненій (напр., изъ XVI т. Сборника матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, 293 и др.).

Цѣлая IV глава, довольно большая (137—156), носитъ нѣсколько странное заглавіе: «Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ». Относительно научнаго изученія пѣсенъ въ деталяхъ, по отдѣльнымъ мотивамъ, сдѣлано такъ мало, что врядъ ли можно судить о нихъ, какъ о чемъ-либо достаточно извѣстномъ и опредѣленномъ. Однѣ лишь колядки разобраны А. А. Потебней по мотивамъ, а пѣсни историческія, балладныя, любовныя, семейно-родственныя и пр. совсѣмъ не подвергались такому изслѣдованію. Какъ можно говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, когда пѣсенный репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ? Въ дѣйствительности, мы не находимъ въ этой главѣ никакихъ мотивовъ, если понимать мотивъ такъ, какъ понималъ его А. А. Потебня, и глава эта не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ научнаго разложенія и опредѣленія составныхъ элементовъ думъ. Авторъ ограничивается пересказомъ нѣсколькихъ думъ, сопоставляя ихъ по самымъ общимъ признакамъ (думы невольницкія, думы о рубаныхъ казакахъ). Простой фразеологіей представляется замѣчаніе г. Ж. на стр. 138 что то, «что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія казацкой славы». Для того, чтобы доказать такое соподчиненное отношеніе пѣсенъ и думъ, нужно было привести выдержки изъ пѣсенъ и изъ думъ, но такихъ выдержекъ въ книгѣ г. Ж. нѣтъ и быть не можетъ, что признаетъ самъ авторъ, замѣчающій на стр. 139: «для этихъ думъ (о Самойлѣ Кишкѣ, объ Иванѣ Богуславцѣ и др.) почти невозможно подобрать соответствующихъ параллелей въ пѣсняхъ». Несомнѣнно, что «творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній» (стр. 143); но изъ сочиненія г. Ж. не видно, какъ и чѣмъ они могли пользоваться.

Чтобы разобраться въ этомъ трудномъ и сложномъ вопросѣ, нужна обширная и разносторонняя эрудиція, внимательное отношеніе къ малѣйшимъ деталямъ и большая осторожность въ обобщеніяхъ.

Въ V главѣ г. Ж. говоритъ о творцахъ думъ. Авторъ путемъ наведеній и литературныхъ внушеній старается убѣдить читателя, что творцами думъ были «старцы», т. е. нищіе. Проживая въ церковныхъ шпиталяхъ, вблизи школъ, стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ церковникамъ, нищіе усвоивали отъ нихъ литературные мотивы и перерабатывали ихъ по даннымъ народной жизни. Трудно принять эту гипотезу по той причинѣ, что «старцы» издавна извѣстны, какъ люди физически немощные, калѣки, больные и престарѣлые; люди такого «убогаго чина» не могли создать такіа сильныя художественныя произведенія, какъ думы. Возможно, что и «старцы» были творцами думъ, но не такіе убогіе, какими они являются въ книгѣ г. Ж., какими они въ дѣйствительности были въ XVII — XVIII в., а предположительно такіе, какъ богатыри велико-русской былины о сорока каликахъ со каликою. Можетъ быть, дѣйствительная жизнь старой Руси давала такихъ богатырей, старцевъ - пѣснотворцевъ; это могло быть при существованіи въ древней Руси нищенскихъ товариществъ и братствъ. Изъ древнихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что предполагаетъ прочную организацію. Въ 1283 г. въ Курской области татарами были «переимани переходницы, иже ходятъ по землямъ милостыни просяще» (Л. Майковъ, Матер. по стар. рус. литер. I 41). Среди такихъ старцевъ могли быть богатыри-пѣснотворцы, наслѣдники древнихъ Баяновъ, пріятели западныхъ ваятвовъ и голлардовъ.

Въ послѣдней главѣ (VI) напечатана старинная (между 1808 и 1827 г.) запись малорусскихъ думъ, принадлежавшая покойному А. А. Котляревскому. Думы и пѣсни расположены въ рукописи въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ плѣну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновченко, 3) Алексѣй Поповичъ, 4) Федоръ Безродный, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ и сестра, 9) Самійло Кишка, 10) Иванъ Богословець, 11) Вдова въ г. Чечельничѣ, 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ и 16) Вдова Ивана Сирка. Отрывки изъ девяти думъ ранѣе были уже напечатаны Н. И. Костомаровымъ въ статьѣ его о малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ въ «Русской Мысли» 1880 и 1883 г. Г. Житецкій издалъ полный текстъ 13 думъ; не изданы только пѣсни: Дворянская жена, Чечотка и Попадья, хорошо извѣстныя по другимъ сборникамъ. Въ началѣ главы г. Ж. говоритъ о языкѣ записи. Составитель записи вносилъ великорусскія слова, но не былъ твердъ въ русскомъ правописаніи. Сверхъ десяти вариантовъ извѣстныхъ уже думъ, руко-

пись Котляревскаго даетъ еще три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) Вдова Ивана Сирка и 3) Разговоръ Дитѣра съ Дунаемъ. Последняя дума отличается искусственностью. Повидимому, это искусственная пѣсня, составленная довольно неумѣло, можетъ быть, въ началѣ настоящаго вѣка, на популярный народно-поэтический мотивъ о разговорѣ рѣкъ.

Въ началѣ думъ г. Ж. помѣстилъ небольшія замѣтки, заключающія или краткій пересказъ содержанія, или краткое сравненіе вариантовъ, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣстилъ указанія на печатные варианты. Вступительныя къ думамъ замѣтки по краткости и общему характеру не имѣютъ научнаго значенія. Подстрочныя бібліографическія указанія могутъ пригодиться лицамъ, занимающимся думами, хотя они не совсѣмъ полны. Такъ, г. Ж. оставилъ въ сторонѣ польскіе этнографическіе сборники, въ которыхъ изрѣдка попадаются малорусскія думы; таковы, напр., «Zapiski etnograficzne» Руликowskaго, напеч. въ III т. Краковскаго изданія Zbiór wiadomości, гдѣ находится дума объ Ивасѣ Вдовыченкѣ, думы о Дмитріи Вишневецкомъ, Семенѣ Паліи и др.. Упущены изъ виду кое-какіе варианты; изданные въ русскихъ журналахъ, напр., вариантъ думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, напеч. въ „Кіев. Стар.“, 1885, II, 215—228. Но въ общемъ подстрочныя бібліографическія указанія г. Ж. отличаются значительной полнотой.

Въ заключеніе мы можемъ замѣтить, что г. Житецкій, не изслѣдуя думъ въ отдѣльности и не останавливаясь на частностихъ, все свое вниманіе сосредоточиваетъ на постановкѣ и рѣшеніи важнаго общаго вопроса о вліяніи школы на языкъ и содержаніе думъ. Авторъ открываетъ новое обширное поле для научныхъ изслѣдованій, причемъ вниманіе изслѣдователей направляетъ въ сумѣжъ между книжной литературой и народной поэзіей, между школой и жизнью, т. е. въ такую область, гдѣ приходится вникать въ весьма сложныя соотношенія безъискусственнаго народнаго творчества, школьнаго образованія и исторически сложившейся бытовой обстановки. Авторъ обнаружилъ большую любовь къ избранному имъ предмету изслѣдованія и постарался дать ему освѣщеніе съ усвоенной имъ оригинальной точки зрѣнія. «Мысли о нар. малор. думахъ», помимо общихъ выводовъ и соображеній автора, заключаютъ въ себѣ новые фактическіе матеріалы, отрывки изъ любопытныхъ виршъ (по неизданнымъ рукописямъ) и нѣсколько новыхъ историческихъ пѣсенъ изъ рукописи А. А. Котляревскаго. Все это въ совокупности придаетъ книгѣ г. Житецкаго крупное научное значеніе.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

Изданія Этнографическаго Отдѣла.

А) «Труды Этнографическаго Отдѣла».

	Р. К.
Т. IV. Статьи <i>П. В. Шейна, Е. В. Барсова, В. Θ. Миллера, Ф. Д. Нефедова</i> и др. Сѣверный край, Бѣлоруссія, Поволожье и др. (Вѣрованія, обряды, семейные обычаи, обычное право, путевыя наблюденія)	2 —
Т. V. <i>П. С. Ефименко</i> : Матеріалы по описанію русскаго населенія Архангельской губ. Вып. I. Вѣшняя обстановка, пища, одежда, нравы, вѣрованія, обряды, врачеваніе; расколъ	2 50
Вып. II. Народное творчество (былины и пр.), языкъ	3 50
Т. IV. <i>Θ. Я. Трейманъ</i> : Матеріалы по описанію латышскаго племени. (Пословицы, загадки, разговоры, врачеваніе и пр.; тексты съ русскими переводами)	3 50
Т. VII. Статьи <i>Е. И. Якушкина, А. С. Пруцакина, Д. И. Иловайскаго, Нила Попова, В. Θ. Миллера, Θ. Е. Корша, Д. Н. Амучина, Д. Я. Саломасова, Н. М. Ядринцева, Макс. М. Ковалевскаго, В. М. Михайловскаго, Н. А. Янчука</i> и др. (Споры о народности гуновъ, обычное право, сектанство, кавказскія легенды и вѣрованія, свадьба у сѣдлецкихъ малоруссовъ, гиліаки, черневые татары и пр.)	2 —
Т. VIII. Статья <i>В. Θ. Миллера, М. М. Ковалевскаго, Е. А. Покровскаго, Н. Л. Гондатти</i> . Некр. гр. Уварова, Костомарова, Дювернуа; юридическ. бытъ кавказскихъ инородцевъ; вѣрованія осянковъ; народн. игры. Прилож.: Программы для собранія свидѣній по этнографіи— <i>Н. А. Янчука, по обычному праву—М. Н. Харузина</i>	2 —
Т. IX. Сборникъ свидѣній для изученія быта крестьянскаго населенія. Вып. I. Статьи <i>В. Θ. Миллера, Н. Н. Харузина, П. М. Бояревскаго, Н. А. Янчука, В. В. Кандицкаго</i> и др. (Юридическій бытъ, семейные обычаи, народн. космогонія, музыка; очерки Вѣлоруссіи, Олонецкой, Вятск., Тамб., Казан. губ. и др.)	2 —
Т. X. <i>Н. Н. Харузинъ</i> : Русскіе лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Съ рис. и картой	3 50
Т. XI. Сборникъ свидѣній для изуч. быта крестьянскаго населенія. Вып. II. <i>Н. А. Иванцкій</i> : Вологодской край. <i>Ю. Н. Мелмуновъ</i> и <i>М. Кукулинъ</i> : Вологодскія пѣсни (съ нотами)	2 —
Вып. III. <i>В. П. Тихоновъ</i> : Матеріалы для изуч. обычнаго права крестьянъ Вятской губ. <i>В. П. Пасляничковъ</i> : Указатель къ „Трудамъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“ (рѣшенія вол. судовъ)	2 —
Т. XII. <i>В. М. Михайловскій</i> : Шаманство. (Сравнительно этнографическіе очерки)	1 50
Т. XIII. <i>И. А. Житескій</i> : Астраханскіе калмыки. Съ рис.	1 25

Б) «Алтайскіе инородцы».

Статьи и изслѣдованія *В. И. Вербицкаго* 2 —

В) «Русскія былины старой и новой записи».

Новый сборникъ, подъ ред. *Н. С. Тихонова* и *В. Θ. Миллера* 2 50

Г) «Этнографическое Обзоріе».

За 1890—94 гг. по 5 р. за годъ.

Оставшюся въ небольшомъ количествѣ брошюру Евг. Ляцкого: „Олонечій сказитель *Ив. Троф. Рябининъ* и его былины“, съ портретомъ сказителя, его *предисловіемъ и глоссами* былины и стихомъ, можно получить через редакцію „Этногр. Обзорія“. Ц. 40 к. съ перес. (Москва, Паллагеявическій Музей).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
1895 г. **ОБОЗРѢНІЕ,** Годъ 7-й.

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,
подъ ред. Секретаря Отдѣла Н. А. Янчука,
при участіи гг. членовъ Общества и другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

Изданіе выходитъ 4-мя книжками въ годъ (12 листовъ каждая) и посвящено всестороннему изученію быта народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій служатъ слѣдующіе вопросы:

1. Варованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка, живопись и другія искусства.
4. Народная медицина.
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія.
8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, помѣщаются также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе; какъ по русской, такъ и по общей этнографіи.

Въ отдѣлѣ СМѢСИ сообщаются мелкіе, случайные матеріалы и наблюденія. Обширный БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ изданія заключаетъ въ себя:

1. Отзвы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, вѣствъ и статистическихъ комитетовъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.
2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ и газетъ съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Забѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учреждений, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ, ялицъ, типы народностей и т. п.

Условія подписки: 5 р. за годъ, съ перес.

Адресъ редакціи: Москва, Политехническій Музей.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народ. Просвѣщенія „Этнографическое Обозрѣніе“ рекомендовано для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ средн. учебн. заведеній (см. Журн. Мин. Н. Пр. 1892, іюнь).

Ж. В. Сумцовъ.

ПОЖЕЛАНІЯ И ПРОКЛЯТІЯ.

(Преимущественно малорусскія).

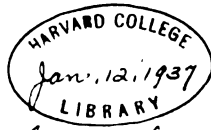

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17.

1896.

27233.615

Grant Fund

Отдельные оттиски изъ Харьковскаго Сборника Историко-Филологическаго Общества 1896 г.

E

Пожеланія и проклятїя.

(Преимущественно малорусскія).

Содержаніе.

Предисловіе. Пожеланія „добрыдень“; пожеланія, выраженныя въ малорусскихъ пѣсняхъ родинныхъ жанивныхъ и рождественскихъ. Параллели изъ словесности польской, сербской, болгарской, румынской, новогреческой. Пожеланія доброй доли, чтобы „передъ душой стало“ и хозяйственныя. Проклятїя у древнихъ евреевъ, грековъ, римлянъ и др. древнихъ народовъ. Договорныя клятвы руссовъ. Отношенїя проклятїя къ другимъ формамъ словесности. Ритуаль. Клятвы съ ѣдой земли. О степени дѣйствительности проклятїя. „Галатынъ“. Причмы совпаденїя малор. проклятїй съ великорусскими, болгарскими, греческими и др. Проклятїя „безъ дна и покрышки“, о первой пулѣ, о крикѣ вороновъ, о замкнутїи усть и др. Распределенїе проклятїй на общїя зложеланїя и частныя пожеланїя смерти, болѣзней, лишенїя зрѣнїя, рѣчи и т. д. Обращенїя къ силамъ природы. Мнѣнческіе и историческіе элементы. Зложеланїе, „чтобы лушь ухопыла“. Роль ката въ проклятїяхъ. „Стоять пидъ великими вишнями“. Проклятїя на дѣвиць, на душу и загробную жизнь. Проклятїя юмористическія. Мать въ проклятїяхъ. Значенїе родительскаго проклятїя и главныя формы проявленїя его въ народной словесности, въ пѣсняхъ, сказкахъ о превращенїяхъ и др. Формальное значенїе родительскаго проклятїя (наряду съ значенїемъ бытовымъ). Проклятїя въ думахъ-матери, жени, козаковъ. Заклятые клады. Юридическія проклятїя въ „духовницахъ“, дарственныхъ записяхъ и т. д. Старинныя церковныя проклятїя въ Малороссїи. Сходныя народныя обычаи въ Грузїи и въ Великороссїи.

Предисловіе.

Благожеланїя и проклятїя представляютъ много интереснаго для историковъ быта, литературы, культуры, вообще для уясненїя народной психологїи. Матерїалъ обширный, но весьма разбросанный и почти совсѣмъ не изслѣдованный. Благожеланїй касался А. А. Потебня въ той мѣрѣ, насколько они входятъ въ малорусскія колядки. О проклятїяхъ мнѣ извѣстна лишь одна небольшая статья Лазо (Lasaulx) на нѣм. яз.; но здѣсь рѣчь идетъ лишь о проклятїяхъ классическихъ народовъ (*αρα*, *devotio*, *dirae precationes* и др.). Благожеланїя и проклятїя проникли во многія литературныя произведенїя, вообще захватили большой кругъ литературныхъ и бытовыхъ явленїй. Пожеланїя порождены въ минуты свѣтлаго настроенїя; зложелательства вылились изъ раздраженїя, въ моменты приподнятаго психическаго настроенїя. Оттого въ проклятїяхъ, при всей ихъ краткости,

много соли и горечи. Цивилизованные народы на длинномъ и тернистомъ пути своей жизни испытали много разныхъ бѣдствій. Древній человѣкъ въ своемъ личномъ опытѣ и въ опытѣ другихъ имѣлъ болѣе матеріала для выбора проклятій, чѣмъ для выбора пожеланій. Выработанныя литературныя формы пожеланій и проклятій мѣстами клонятся къ упадку, мѣстами совсѣмъ исчезли, подѣ влияніемъ новыхъ культурныхъ условий. О проклятіяхъ, разумѣется, никто не пожалѣетъ. Другое дѣло „благословія“. Тутъ много цѣннаго въ гуманистическомъ смыслѣ. Забвеніе „благословія“ серьезная утрата, тѣмъ болѣе что нельзя рассчитывать на скорое восполненіе пробѣла благотворными влияніями лучшихъ произведеній передовыхъ писателей художниковъ.

1.

Благожеланія.

Во всѣхъ странахъ лучшіе люди дорожили благожеланіями и старались закрѣпить и утвердить ихъ въ обыденной жизни. Въ основу всегда клалось какое нибудь одно, краткое, сильное и наиболѣе популярное пожеланіе, чаще всего пожеланіе: *Vale, salve, добрыдень, будь здоровъ!* Еще Владиміръ Мономахъ наставлялъ: „человѣка не минѣте, ни привѣчавше; добро слово ему дадите“. И этотъ завѣтъ прочно держался въ Южной Руси и нынѣ еще хранится въ селахъ, не испорченныхъ городскими и фабричными влияніями. Нарушеніе его въ старой Малороссіи считалось большимъ грѣхомъ, какъ видно изъ думы про Алексѣя Поповича. Буря разыгралась на морѣ, потому, между прочимъ, что Алексѣй Поповичъ

Мимо царської громады пробигавъ,

За своей гордошей шляпы не здыймавъ

На день добрый не дававъ (Ант. и Драг. I. 180).

Малорусскія формы благожеланій отмѣчены въ гѣсняхъ родинныхъ, свадебныхъ, рождественскихъ, зажнивныхъ. Не претендуя на исчерпывающую полноту, отмѣтимъ нѣсколько традиціонныхъ формулъ украинскаго доброжелательства, и для уясненія послѣдняго такъ, сказать по дорогѣ, захватимъ сербскія и болгарскія благословія.

Уже при родахъ бабка иногда приговариваетъ: „Ой, опростай, Боже, мою унученку, її душечку та роженную, другу душечку та суженную“.

(Чуб. III 7.).

На крестинахъ приговариваютъ, обращаясь къ ребенку: „Нехай тебе Богъ благословить и поможе тобі вѣйти въ христіанскую виру; дай Боже, щобъ ты росло велике та щасливе було“. По адресу матери говорятъ „Приведи, Боже и породиллю до першого здоровья, дай Боже, щобъ вона его охрестыла и до розуму довела и на весильи погуляла“. (Чуб. III 9).

Въ дѣтской колыбельной пѣснѣ высказываются пожеланія, чтобы „росточки у кисточки, соньки-дримки въ вяченьки, розумъ добрый въ голоньку“, чтобы дитя росло, не болѣло, чтобы оно служило утѣшеніемъ для матери и для всей родыноньки.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ „присудыла Божа Маты не великимъ посачемъ, а счатемъ—здоровьенкомъ“ (*Чуб. IV 161*). Пожеланія въ свадебныхъ пѣсняхъ выражаются во многихъ мелкихъ, еле уловимыхъ чертахъ.

Въ „Огородкѣ“ Радивиловскаго (1676 г.) отмѣчены два любопытныхъ пожеланія при посѣвѣ хлѣбнаго зерна: „бѣдный ролникъ, гды сѣть, кидаетъ сѣмена и на долю убогихъ, мовячи, „сходы Боже, и для убогихъ“; въ другомъ мѣстѣ: „засѣявши господарь ниву звикль такъ кончители-зроды, Боже, для всѣхъ“ (*Марковскій, Ант. Радивилоскій, стр. 65*).

Въ заживныхъ пѣсняхъ разбросаны пожеланія здоровья, урожая и всякаго благополучія и хозяевамъ поля, и жницамъ:

Судивъ намъ Богъ дожаты	Миромъ въ покою,
Суди, Боже, и пожиты	Въ доброму здоровью

(*Чубин. III 230*).

Обычныя въ заживныхъ пѣсняхъ величанья хозяина, хозяйки и поля служатъ своего рода пожеланіями, чтобы и впредь такъ было.

А мы жито дожали,	Килько на неби зирочокъ,
Щобъ ще за рокъ дождали.	Тилько въ поли копочокъ.

(*Чуб. III 246*).

Гораздо богаче пожеланіями колядки, малорусскія и въ особенности болгарскія. Цѣль колядокъ „домъ звеселити“. Въ основѣ колядокъ лежитъ пожеланіе въ связи съ величаньемъ, т. е. съ возведеніемъ лица, къ коему обращена пѣсня къ идеальнымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... „На всѣхъ ступеняхъ развитія, говоритъ А. А. Потебня, потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человекъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по дугу ѣдетъ—лугъ зеленѣеть;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и донинѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой“... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтического образа въ объясняемое

и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѳическаго мышленія, сохранивъ лишь ту практическую, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. „Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ попытка водворить „въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—„гости любви, угодные“. (Объясн. малор. и срод. пѣсенъ II, 59).

Потебня подробно разобралъ колядочный мотивъ сказыванія радости. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія „чи чуешь“, „встань гори“ и проч. потеряли связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и стали припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Часто встрѣчающееся въ началѣ болгарскихъ пѣсенъ выраженіе „Станенине“ происходитъ изъ „въ(а)стани нынѣ“. Господаря будить „ластиква“, „зозуля“, соловей“, мѣстами „зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость“, въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака, ссоры и разлуки. Часто встрѣчается такой мотивъ „Три радости. Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ“; этотъ мотивъ проявляется въ колядкахъ, волочечныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Въ связи съ предъидущимъ мотивомъ стоитъ мотивъ „Богъ оретъ, святые помогаютъ“; въ результатѣ урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокрифическія сказанія.

Благожелательное символическое значеніе имѣетъ „сѣяніе, вѣяніе золота, серебра“. Самый образъ „засѣванія золотомъ“ имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Столь же благожелательное значеніе имѣютъ колядочные мотивы: Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги“, „Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле“. „Господарь готовится встрѣчать, угощать гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ“.

Обрисовка желаемаго богатства и довольства выражается въ колядкахъ и щедривахъ обыкновенно въ той формѣ, что Господь ходитъ „по обори и лагодыть волю по три плуги, бычки—третячки та й по чотыри; ходыть по стаенци и лагодыть кони на три бороны, лошаки—стрижаки та й по чотыри; ходыть по току, та й все лагодыть, кладе стижки та й въ три рядки, яру пшеницю та по чотыри; ходыть по пасици, та й все лагодыть пчолки на три ряды“ и т. д. (*Чуб.*, т. III, стр. 347) Во многихъ

колядкахъ и щедривкахъ разрабатываются отдѣльные мотивы этихъ пожеланій—о хорошемъ урожаѣ хлѣба, приплодѣ скота и т. д. Прекрасныя въ художественномъ отношеніи колядки этого рода напечатаны въ общеизвѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго. Обыкновенное окончаніе колядокъ, обращенныхъ къ земледѣльцамъ:

Бувай же здоровъ
Пане господару, съ дитьми, съ женою....
Дай же ты, Боже, чого жадаешъ!
Щастячка на дворъ на худобочку,
Здоровля въ сей домъ на челядочку....
Даруе тобі Господь три доли въ поли:
Першая доля—щастя, здоровля,
Другая доля—волы, коровы,
Третья доля—жито, пшеници,
Усяка пашныця (Чуб. III 421 и др.)

Пасѣчникамъ поютъ такую прекрасную колядку съ пожеланіями:

Шумить, гуде, дубровою иде...
Пчолонька-мати пчолоньку веде:
Пчолоньки мои, дитоньки мои,
Ой дежъ мы будемъ при саду мати
Рои роити и меды носити?
Будемо мы при саду рои роити
И меды носити у пана-господаря,
У ёго бортяхъ и въ его новыцяхъ:
Медокъ солодокъ пану-господару,
Жовтые воски Богу на свичу.
За симъ же словомъ да бувай здоровъ. (Чуб., т. III, стр. 392).

Возьмемъ еще слѣдующую превосходную колядку въ честь домохозяйина и въ особенности его жены:

У нашего пана хороша пани;
Богъ ёму давъ славную жену въ ёго дому!
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
По синцяхъ ходыть, якъ зоря сходыть.
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зросли—у школу пишлы,
А дочки зросли—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—книжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:

Книжечки на стиль, батеньку до нигъ,

А донечки хусточки на пилъ, матюнци до нигъ.

(Чуб. т. III, стр. 404.)

Въ колядкѣ нарисована симпатичная картинка крестьянской семейной жизни: домохозяйка — хорошая жена, хорошая мать; сыновья грамотны; дочери — мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвала сыну выражается въ указаніи, что онъ собирается жениться, „коня строить“, чтобы привести отцу хорошую „невѣстку“ не изъ тѣхъ дивчатъ, что „танокъ водять“, а изъ тѣхъ, что на „хорошей нивѣ“, за которыми „снопки густыя“ (Чуб. III т. стр. 416, 464) Похвала дочери въ словахъ: „до церкви йшла, якъ зоря зійшла, а зъ церкви йшла красною панною“; паны ее встрѣчаютъ, шапки снимаютъ“. (Чуб. т. III стр. 395.)

Подобнаго рода пожеланія встрѣчаются въ польскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ также

A za onym rzużkiem
Sam Pan Jezus chodzi,
Najsviètsza Paniienka

Sniadanko nosila:
A daj tu, Boze,
Wszelake zboze и т. д.

Сербскія пожеланія по содержанию и выраженію сходны съ малорусскими, напр., македонскіе сербы на праздникѣ „славы“ поютъ:

У чије се здравље вино пије,
Све ту здраво и весело било!
Родила му се пшеница и вино!
А по кути сва мушка дечица,
И по трлу сва близни јаганьца

И у брдо виновна лозица
И по польу классата пшеница...
Дамакине! добро смо ти дошли.
Добри гости у добри те нашли...

Иванъ имя, коледо, добри гости, коледо

Добре гости, „ Русалије, ко,

Добре су му „ глас донели „

Овце му се „ избагнѣли

Све јаганьци „ калушасти „

Козе му се „ искозиле „

Краве му се „ истелиле „

Кобиле му се „ иждебиле „ и т. д.

Дестребовъ, Пѣсни тур. сербовъ 13—32.

Болгарскія пожеланія, или, какъ они называются у болгаръ, „благословія“, входятъ въ колядныя пѣсни, въ величальныя („слави“) и въ лазаричи“. „Благословія“ огромное количество; они разсѣяны по сборникамъ Миладиновыхъ, Качановскаго, Иліева; особенно много собрано ихъ въ вышедшихъ въ печати 12 томахъ Сборника за нар. умотв. Благословія и славы захватили многіе пѣсенные мотивы изъ другихъ народно-поэтическихъ областей, эпоса, апокрифическихъ сказаній, балладъ, лирическихъ семейныхъ пѣсенъ. Благословія различаются по тому, къ кому они обращены; поютъ благословія „на орачь“, „на овчарь“, „на козарь“, „на коняръ“, „на механджія“ (кабатчику), на кошаритѣ“ (пчеловодамъ), „на скорожененъ мужъ“, „на невѣста“, „на младоженецъ первецъ“ (въ первый годъ женитьбы), „на домакиня, която рожда“, даже „на близнета“, „на гайдаря“, —репертуаръ огромный. Болгарскія благословія и славы заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія; мы ограничимся лишь указаніемъ наиболѣе характерныхъ мотивовъ въ параллель къ сходнымъ малорусскимъ.

Болгарскіе колядовщики въ концѣ пѣсенъ часто указываютъ на цѣль:

Доідохме у нашего домакина
Да го развеселимъ.

(Сборн. за нар. умотв. I, 7)

Од Бога ти много здравье,
Од нас малка веселбица

(Сборн. III, 3).

Въ одной колядкѣ высказывается пожеланіе, чтобы открылось небо и земля и снизошли дожди; сколько на небѣ звѣздъ, столько копенъ тебѣ (ошибочно—здоровья въ домѣ). (Сборн. II, 1). Приведемъ для сравненія съ малорусскими 2 или 3 болгарскихъ колядки съ благословіями, съ приложеніемъ перевода en regard.

На орачь

Хлѣворобу.

Станенине господине,
Орачь оре равно поле,
Воловци му два ангелъе,
Купралъя му струкъ босильокъ.
Весдень оре, Бога моли,
Дай ми, Боже, да се роди
Се пченица се белиа
Да омесим Богу колак

Станенине господине *)
Пахарь пашеть ровное поле
Вмѣсто воловъ у него 2 ангела,
Сохой у него стебель василька
Цѣлый день ореть, Бога просить:
Дай, Боже, чтобы уродилась
Бѣлая пшеница
Господу Богу на хлѣбъ...

*) Окаменѣвшій запѣвъ изъ встанъ ннѣ господине.

На скотовъдецъ.

Станенине господине,
 Добри сме ти госкъе дошли,
 Доборъ сме ти гласъ донели,
 Низъ хубава долна земъа.
 Офци ти се изіагнали,
 Се офчици ваклошатки,
 И овнафци виторошци;
 Кози ти се се искозили
 Се козици виторошки
 И порчевци іаргорошци;
 Кравици се истелили,
 Се кравици белобоски,
 Се воловци еленчовци;
 Кобилки се иждребили,
 Се кобилки левогривки,
 И коньовци патуньокци.
 Станенине господине
 Тебе пеіемъ, домакине.

Въ такомъ сложномъ развитіи у болгаръ выражается малорусская колядочная „худобочка“. Эта колядка идетъ и частями, если поютъ хозяину, имѣющему однѣхъ овецъ или однѣхъ козь.

На кошаритъ.

Станенине господине,
 Лекомъ лети лева чела,
 Лекомъ лети по росица,
 По росица, по травица,
 Та собира млогу благо,
 Та доноси на ножица,
 На ножица по жолтица,
 На главица по паница.

Семейныя благословія и славы съ величаньемъ домохозяина, домохозяйки, дѣтей ихъ также у болгаръ весьма разнообразны и обстоятельно развиты; нѣкоторыя благословія этого рода представляютъ большія пѣсни съ разными вставными эпизодами эпического, апокрифического или повѣствовательнаго происхожденія.

Въ драгоценномъ изслѣдованіи *А. Н. Веселовскаго* о колядкахъ въ 32 т. Сборн. Акад. Н. приведено нѣсколько новогреческихъ и румынскихъ колядокъ съ пожеланіями и одна близкая къ нимъ по содержанию прован-

Владѣльцу скота.

Г. с! хорошіе гости къ тебѣ пришли и добрую вѣсть принесли изъ далекой красивой земли Овцы твои дали ягнятъ, курчавыхъ овечекъ и барашковъ съ завитыми рогами; козы окотились красивыми козочками и круторогими козликами; коровы отелились теличками съ бѣлыми дойками и бычками, похожими на оленей; кобылы дали жеребятъ, кобылицъ съ хорошей гривой и бѣлоногихъ жеребцовъ. Г. с. тебѣ поемъ панъ господарь!

Пчеловоду.

С. г! Легко летитъ пчела по росѣ и по травѣ, да собираетъ она много добра и да принесетъ его на ножкахъ, на ножкѣ по червонцу, на головкѣ по горшку (меда).

сальская пѣсня. Малор. колядочному: „да бувай здоровъ, не самъ собою, зъ отцемъ, зъ матерью, со всимъ родомъ“ отвѣчаетъ румынское: „да будетъ здоровъ съ отцомъ и матерью, съ братьями и сестрами, и со всѣми нами въ этомъ году и на многія лѣта—fiemi sanetosu cu taica, cu maika, cu frati, cu surori, si cu noi su totii, l'anuli, la multi ani“ (271). Въ другой румынской колядкѣ высказывается пожеланіе: „да будутъ у васъ коровы молочны и лѣтомъ хлѣбъ; сколько камней въ колодцѣ, столько крынокъ сливокъ; сколько травы на межѣ, столько овецъ въ загонѣ; сколько стеблей въ метлѣ столько ребячь въ постели“ и пр. (117. Подобно въ осетинской пѣснѣ: „да получить мальчика ваша хозяйка, да убьетъ оленя вашъ хозяинъ“ (440). Въ критской каландѣ находятся пожеланія о приплодѣ скота, близкія къ южнославянскимъ. Подобныя пожеланія обнаруживаются и въ провансальской пѣснѣ—*tout bon ça y entre, fremes enfantan, cabres cabrian, fedes anellan, prou bla et prou farine, de win un plene tine*“ (117).

Въ греческихъ колядкахъ (въ томъ числѣ въ одной перевод. въ сб. Chodzko 1862) въ пожеланіяхъ встрѣчается интересный мотивъ о процвѣтаніи жезла (или палки св. Василія).

Религіозно-мистическій и миѳическій элементы скрываются въ благожеланіяхъ доли, срачи; такое значеніе ярко обнаруживается въ многочисленныхъ сказкахъ о томъ, какъ бѣднякъ разыскивалъ долю, и нашель ее спящей, въ видѣ лѣнливой и грязной женщины; пожеланія доли предполагаютъ другой болѣе благопріятный исходъ, въ родѣ того, какой выражается въ албанскомъ пожеланіи: „да пройдетъ здѣсь Ора и да исполнитъ все это“. Ора—миѳическое существо. Она странствуетъ по землѣ, прислушивается къ мольбамъ и проклятіямъ людей и тотчасъ исполняетъ ихъ, какъ скоро они дойдутъ до ея слуха (*Аван. Поэт. возвр. I 428*).

Оставляемъ въ сторонѣ многочисленные и обычныя хозяйственныя пожеланія при посѣвѣ, на зажинкахъ, по окончаніи жатвы, при посадкѣ роя въ улей, при покупкѣ лошади или коровы, чтобы фруктовыя деревья приносили плоды, при посѣвѣ маку, при посадкѣ огурцовъ, капусты, моркови и т. д. Значительное число хозяйственныхъ пожеланій собрано въ „Малорусскихъ заклинаніяхъ“ П. С. Ефименка, стр. 42—58 и въ „Трудахъ“ Чубинскаго I 85.

Въ числѣ малорусскихъ благожеланій интересно по литературному происхожденію: „хай воно вамъ передъ душечкою стане“ (на томъ свѣтѣ). Пожеланіе это основано на сказаніяхъ того разряда, который былъ отчасти мной изслѣдованъ въ статьѣ о легендахъ о грѣшной матери (Кіев. Стар. 1893).

Проклятія.

Проклятіє такъ же свойственно народамъ, какъ свойственна молитва, и можно сомнѣваться, чтобы существовалъ гдѣ либо народъ безъ молитвъ и проклятій. У народовъ культурныхъ проклятіє получило широкое приложеніе въ разнообразныхъ проявленіяхъ жизни частной, семейной, общественной. Ветхозавѣтныя книги полны проклятій. Іегова проклинаетъ змѣя, проклинаетъ Каина; патриархи проклинаютъ непослушныхъ сыновей. Уже на первыхъ страницахъ книги Бытія Іегова говоритъ Адаму: „проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ“ (гл. 3). Въ концѣ 108 псалма: „да облечутся оболгающія мя въ срамоту, и одеждутся яко одеждою студомъ своимъ“. Библейскія проклятія не проникли въ русскую народную словесность и не оказали на нее вліянія.

У классическихъ писателей также находится много разнообразныхъ проклятій, и многія изъ нихъ имѣли значеніе установленнаго закона. У грековъ подвергались проклятію измѣнники отечеству, убійцы и оскорбители родителей, кто не указывалъ слѣпому пути, кто высказывался за союзъ съ персами, кто осквернялъ гробницы, нарушители договоровъ. Римляне проклинали враговъ государства и преступниковъ (*devotio, dirae precatationes*) за нарушеніе границъ, за оскорбленіе родителей, за обманъ кліента: „*patronus si carenti fraudem fecerit, sacer est*“; „*qui terminum exarasset et ipsum et boves sacros esse*“ и мн.др. (*Lasautx, Stud. d. klassisch. Alterth. 159—177, Trede III 229—232*). Классическія проклятія не остались безъ вліянія на позднѣйшія славянскія церковныя и свѣтскія проклятія при заключеніи договоровъ.

Проклятія были въ ходу у древнихъ индусовъ и вошли въ Веды (*Липпертъ, Ист. култ. 359*), были въ ходу и у древнихъ скандинавскихъ народовъ, и вошли въ пѣсню о Гельги и Сигрунѣ и др. памятники, напр., въ такихъ выраженіяхъ: „пустъ не двинется подъ тобою корабль“, „пустъ стоять, какъ вкопанный, твой конь“, „пустъ мечъ твой обрушится на твою голову“ (Эдда въ изд. Simrock'a).

Въ древней домонгольской Руси клятва и проклятіє были въ большомъ ходу. Договоръ Игоря съ греками (945 г.) былъ скрѣпленъ такими словами: „да не имуть (нарушители мира) помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчены будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего да будутъ рабы въ сей вѣкъ и въ будущій“. Въ договорѣ Святослава присяга (въ лѣтописи подъ 971 г.) выражена такъ: „да имѣемъ клятву отъ Бога... и да будемъ золоти яко золото и своимъ оружіемъ да иссѣчены будемъ“. Что въ эти древнія клятвы

вошелъ національно-славянскій элементъ, видно изъ того, что проклятіе мечомъ встрѣчается и въ малорусскомъ казацкомъ эпосѣ въ сходной формѣ (щобъ ты „ясни мечи порубалы“ въ думахъ про Ивася Коновченка) и въ болгарскихъ пѣсняхъ („що первна сабя махнула, тебе се, сыно, прѣсекла“); еще болѣе обычны въ проклятіяхъ болѣзни, причемъ подъ „залоти“, вѣроятно, разумѣлась желтуха, какъ это уже неоднократно высказывалось въ печати (напр., у Владимірова во „Введеніи“ 124). Пожеланіе рабства въ будущемъ вѣкѣ отвѣчаетъ древнимъ представленіямъ о загробной жизни, какъ продленіи жизни земной.

Любопытный намекъ на проклятія въ „Поученіи Владиміра Мономаха, не дайте пакости дѣяти отрокамъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ“.

Въ формальномъ отношеніи проклятія стоятъ въ тѣсной связи съ другими явленіями народной словесности, съ примѣтами, клятвами, договорами, сказками и пѣснями. Относительно пѣсенъ проклятіе большей частью играетъ подчиненную и зависимую роль; оно вводится въ пѣсни, какъ общій приѣмъ расширенія содержанія, иногда безъ тѣсной внутренней связи съ главной мыслью. Другое дѣло клятвы и договоры; съ ними проклятіе сливается органически; клятва—это то же проклятіе, но обращенное на субъекта, на говорящаго; многіе заговоры представляютъ расширенное проклятіе. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются древніе классическіе наговоры-проклятія, собранныя въ книгѣ проф. *И. В. Помяловскаго* „Эпиграфическіе этюды“ (1873 г.) стр. 59. Что у современныхъ народовъ, въ частности у малоруссовъ, излагается въ сжатой формѣ одного сильнаго выраженія, въ 2—3 словахъ, въ классическихъ наговорахъ-проклятіяхъ развито обращеніями къ подземнымъ богамъ и повтореніемъ зложеланій. Такое расширеніе, свидѣтельствующее объ извѣстной искусственности и обдуманности, обусловлено было тѣмъ, что извѣстныя по свинцовымъ досечкамъ наговоры прошли черезъ руки профессиональныхъ мастеровъ.

На идеѣ о силѣ проклятія, въ особенности родительскаго, построено много историческихъ преданій, легендъ и сказокъ, напр. легенды о Каинѣ (*Дикаревъ*, Этнограф. Збир. II 6), сказанія о провалившихся отъ проклятія городахъ (см. мою брошюру на эту тему), сказки о заклятыхъ покойникахъ, заклятыхъ кладахъ и др. По большой популярности проклятія вошли и въ пословицы, и даже въ анекдоты. Таковъ, напр., анекдотъ о вдовѣ, которая высказывала довольство своимъ вдовимъ положеніемъ въ словахъ: „лягла не клята, встала не мьята“ (*Гринченко* Этн. матер, I 81).

Несомнѣнно, что проклятія часто были связываемы съ опредѣленными традиционными обрядными дѣйствіями. Въ 1 пѣс. о сыновьяхъ Эдипа Ста-

ція (въ 1 в. по Р. Хр.) Эдипъ бьетъ руками землю и громко выкрикиваетъ проклятія, призывая подземныхъ боговъ и фурій (*Trede* III 232).

Макробій сообщаетъ, что римляне, произнося проклятія противъ враждебныхъ городовъ или армій, заканчивали проклятія словами *Tellus mater teque Jupiter obsesco*“, причемъ заклинатель, произнося слово „мать Земля“, прикасался руками къ землѣ, а при словѣ „Юпитеръ“ воздѣвалъ руки къ небу (*Lasaulx*, 174).

У италіанцевъ и нынѣ существуетъ значительный ритуаль проклятія. Проклинающій выбираетъ ночное время, зажигаетъ двѣ свѣчи и громко читаетъ 108 псаломъ, который, какъ извѣстно, заканчивается проклятіемъ. Въ Калабріи мать, проклиная сына, распускаетъ волосы, рветъ на себѣ одежду, становится на колѣни, обращается къ востоку, бьетъ землю руками и выкрикиваетъ громко проклятія (*Trede*, D. Heidenthum in d. gōm. Kirche III 229—232).

Обращаясь къ современнымъ малорусскимъ проклятіямъ, мы находимъ лишь словесныя формулы; но за ними, по крайней мѣрѣ за нѣкоторыми формулами, можетъ скрываться ритуаль, опредѣленныя условія дѣйствія. Въ одномъ вариантѣ думы про Ивася Коновченка сохранилось любопытное указаніе на ритуаль проклятія: Мать Коновченка

Слезьмы плакала, рыдала,
До небесъ руки пидіймала.
Свого сына Ивася проклинала... *)

Весьма замѣчательна клятва съ ѣдой земли. Въ сказкахъ волкъ „божится—клянется, землю ѣсть“. Въ одной смоленской сказкѣ жена въ подтвержденіе своихъ словъ [сѣѣдаетъ комъ земли (*Владиміровъ*, Введеніе въ ист. р. слов. 150). Въ малорусскихъ поговоркахъ: „ты землю ивъ—зарикався“ (*Номисъ* 2247), „землю поидалабъ—колыбъ могла“ (ib. 4850), „земли ззымъ“ (ib. 6747).

Какъ малоруссы смотрятъ на клятву? За исключеніемъ немногихъ случаевъ, когда проклятію придаютъ дѣйствительно весьма важное значеніе (напр. материнскому), у малоруссовъ, повидимому, уже выработалась и окрѣпла мысль о формальномъ значеніи проклятія. На существованіе убѣжденія въ недѣйствительности проклятія указываетъ во первыхъ такое ограниченіе его значенія, какое выражается въ пословицахъ „жиноцька клятьба дурно иде—якъ мимо сухе дерево витерь гуде“, „дурна клятьба объ стину головою“, „Богъ не дытына, щобъ дурнивъ слухаты“, „Богъ не дытына слухаты дурного галатына“, „Якъ бы Богъ слухавъ пастуха, то бъ уся череда выгнула“, такъ какъ пастухъ всегда говоритъ „а щобъ тебе, а бодай тебе!“

*) Встрѣчается и болѣе общій мотивъ: „тогда старенька жена ударится объ полн рука ми“, (*Костомаровъ* Ист. казач. въ пѣс. 55).

(*Номисъ*, Приказки, №№ 4120—4125). Сходное представление выразилось въ польской пословицѣ „gdy komu Bóg błogosławi, przeklenstwi tam nie sprawi“ (*Adalberg*, Księga przysłów, 33).

Что значить *галатынъ*? Слово темное. Галати, галатенъ, галатска встрѣчается въ болгарскихъ пѣсняхъ. Проф. М. С. *Дриновъ* въ ред. на болгарскій словарь Дювернуа, гдѣ слово это истолковано ошибочно, приводитъ такое весьма вѣроятное его объясненіе. Названіе галловъ у позднѣйшихъ грековъ (Γαλάτης) употреблялось въ значеніи колдуна, волхва и т. п. Съ такимъ значеніемъ это слово очень рано путемъ книжнымъ проникло къ болгарамъ. Въ одной старинной рукописи: „въ послѣднѣ лѣта встануть магесницы, обаяницы... галате...“ Слово галатинъ, по объясненію М. С. *Дринова*, означаетъ околдованный. Нужно думать, что такимъ книжнымъ путемъ это слово въ старое время проникло и въ Малороссію; но здѣсь съ нимъ, повидимому, связывалось нѣсколько иное представленіе о придурковатомъ великанѣ (у *Номиса* „галатынъ придурковатый“).

Между проклятіями разныхъ народовъ, близкихъ и дальнихъ по племени родству и по географическому разстоянію, обнаруживается значительное сходство, иногда прямыя совпаденія, въ зависимости отъ сходной или тождественной точки зрѣнія и общаго психологическаго настроенія.

Малор. и великор. проклятіямъ, чтобы „не было ни дна, ни крыши“ соотвѣтствуетъ въ ново-греческихъ пѣсняхъ проклятіе матери, „чтобы не было гробовой крыши, чтобы не съѣла земля“—„Νά μη σε κοψ η πλάκα. να μη σε φάγη το χωμα“. (*Созоновичъ*, Ленора Бюргера, 138). И въ греческихъ сказкахъ встрѣчается проклятіе: „чтобъ провалилась земля подъ тобой“ (*Hahn* II 100). У болгаръ: „да ти се провали андако“ (*Сборн.* за нар. умотв. VII 215), „да му се урне гроба“ (ib. VI 208), „да го зарине цѣрната земья“ „ега даде Господи да се не растуре, кога умре“, „земята да го погѣтне“ (или „претисне“ или „исфѣрле“, т. е. поглотить, задавить, выбросить, ib. 209).

Малор. проклятіе „щобъ тебе перва куля не минула“ вышло изъ пѣсенъ, изъ пѣсенной формулы проклятія матерью сына, по всей вѣроятности, изъ думъ про Ивася Коновченка. У болгаръ встрѣчается „пушка да го прениже“ (*Сборн.* за нар. умотв. VI 211). Въ художественной болгарской пѣснѣ мать проклиняетъ сына за то, что онъ ушелъ въ разбой:

Синко, стояне, стояне,		Черни чекурье кумове,
Какъ отишѣлъ, синко, не дошѣлъ!		Черни гарване попове,
Били ти, синко, били ти:		Танка топола невѣста!
Дълги ортоми друмове,		Потера ви потерала
Дребни камъне сватове,		Още пѣрвата недѣля:

Сичка ти дружине се отгървала,
Тебе те, синко, фанжла!
Що първна пушка пукнжла,

Въ тебе се, синко запрѣла!
Що първна сабя махнжула,
Тебе се, синко, прѣсѣкла

(Бол. прѣмелъ 1896 III 54.)

Въ „Сорочинской ярмаркѣ“ Гоголя баба говорить: „чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!“ Гоголь могъ подслушать у народа такое проклятіе. Сходное проклятіе существуетъ въ южной Италиі—„чтобъ душа твоя была сожжена“ (*Trede* III 232).

Малор. проклятію „щобъ тебе роса попоила“ (*Мамж.* въ Сб. X. Ист. Ф. Общ. VI, 195), повидимому, отвѣчаетъ новогреческое „чтобы на тебя капля упала“ (*Hahn* 146). Смысл тонкій; лишь трупы подвергаются дѣйствию росы, дождевой капли.

Малор. проклятію „щобъ вороны кракали“ соотвѣтствуетъ классическая формула проклятія *es хоракас* (лат. *in malam crucem*). Проклятія эти ведутъ начало изъ той эпохи, когда трупы непогребенныхъ, особенно повѣшенныхъ, оставлялись въ добычу воронамъ (*Тимошенко*, въ Рус. Фил. Вѣст. 1884 III 137). Отсюда же болгар. проклятіе „орлите да го дигнат“ (*Сборн.* за нар. умотв. VI 211), „чафки умо да му искжчат“ (*ib.* 212). Такія проклятія вполне отвѣчаютъ той картинѣ, какая находится въ думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ азовской неволи: „орлы сизопери налитали, на кудри наступали, зъ лоба очи выдырали“.

Малор. проклятія съ обращеніемъ къ солнцу, ниже нами приведенныя стоятъ въ психологическомъ родствѣ съ классическими наговорами на убійцъ съ обращеніемъ къ правосудному солнцу открыть ихъ и наказать. Такой наговоръ сохранился на одной надгробной колоннѣ. Проф. Помяловскій, приведши надпись, напоминаетъ рассказъ Тацита о томъ, что по открытіи заговора Пизона Неронъ пошелъ благодарить солнце (*Эпигр. этюды*, 38).

Малор. и великор. проклятіямъ съ онѣмѣньемъ (типунъ тоби на языкъ и др.) соотвѣтствуютъ заговорныя формы: „заклучъ имъ, Господи, моимъ супротивникамъ умъ и языкъ“, что часто встрѣчается и въ классическихъ наговорахъ въ надписяхъ (*nes loqui nes sermonari possit* и пр.) У Сенеки: *quis non, si admoneatur ut cogitet, tamquam dirum omen respuat et in capita inimicorum aut ipsius intempestivi menitoris abire illa iubent* (*Помялов. Эпигр. этюды* 149). У современныхъ болгаръ: да онемее; ега занемее; коска у гржкълана да му застане (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 209).

Малор. „щобъ ты и въ старцахъ счастья не мавъ“ (*Ном.* 3683) соотвѣтствуетъ болгарская „Аргатинъ да биде, та ништо да не спечале“ (*Сборн.* за нар. умотв. VI 206).

Малор. „колька на тебе нема“ (*Манжура*) соотвѣтствуетъ болгарская „бодеш да го акне“ (*Сборн. VI, 206*).

Малор. и велик. „чтобъ пусто было“ соотвѣтствуетъ болгарск. „да му опустее името“, „да опустее и оштурее“ (*Сборн. VI, 208*).

Малор.: „щобъ путь погибла“ соотвѣтствуетъ великорус. „не было бѣ тебѣ ни пути, ни дороги“.

Много проклятій общаго свойства, напр. Щобъ тоби на свити добра не було. Щобъ лопнувъ. Щобъ тоби лыхомъ скрутылося. Бодай нагло зслизъ. Нужда бѣ тя побила. Бй тебе Божа сила. Най го злыдни побьютъ. Соби на безголовья. (*Ном. 3655—3785*).

Еще болѣе проклятій съ пожеланіями смерти, болѣзни вообще того или другаго недуга въ частности. Щобъ ты счезъ якъ слына (*Zbior Wiedom. VIII, 245*). Щобъ ты счезъ, якъ собака въ ярмарокъ (*ib. 245*). Бодай же кинецъ вашъ бувъ нудный та гиркій (*Ном. 3710*). Щобъ тебе положили на лаву. Щобъ тебе на марахъ вынесло. Щобъ тебе сыра земля пожерла (*Ном. 3790—3*). Щобъ тебе поховали на разстанни (какъ висѣльника) (*3799*). Щобъ кури загребли (*Ном. 3800*). Хай винъ пидъ плавъ (трясину) пиде (*Манж. во 2 т. Сбор. X. И.-Ф. О., 162*).

Въ проклятїяхъ болѣе всего достается глазамъ, какъ высшему органу чувства: самое распространенное проклятїе: „щобъ тоби повылазило“, „баньки имъ бодай послыпило“; великор. „лопни глаза“. У другихъ народовъ также въ ходу такія проклятїя. У мавровъ Сѣверной Африки говорятъ: „пусть пять (рука) падуть на ваши глаза“ (*Пешель, Народовѣд. 109*). Въ одномъ кабилскомъ сказанїи о займѣ дней старуха говоритъ: пять моихъ пальцевъ въ твой глазъ (*Romania 1889 XVIII, 107*). У болгаръ говорятъ: „бабки да му излезат на очите“, „гарван очите да му извади“, „да окьоровее“ (т. е., да ослѣпнетъ), „да нама очи у главата“, „да му побелеят и двете очи“ (что бы побѣлѣли глаза отъ бѣльма), „кьораф да киниса“ (чтобъ ходилъ слѣпцомъ) (*Сборн. за нар. умотв. VI, 207—212*).

Щобъ тоби руки покорчило, груди забило, за живить взяло, завійна взяла, ривачка попоризала, срачка на симъ литъ, хиндя поподержала, родымецъ побывъ, причина вдарила.... такъ разнообразятся пожеланія по болѣзни. Сюда примыкають такія проклятїя, какъ „колкы на тебе нема“ „щобъ тебе.... луть (?) турнула, сто болячокъ у печинки, щобъ ты сказывся, особачився, щобъ тебе шугла (горячка) напала, щобъ ты мавъ припадокъ, бодай тебе грець вымывавъ и т. д. (*Ном. 3730 и сл., Zbior III 133, VIII 245*). Въ этихъ проклятїяхъ не мало силы и выразительности, что чувствовали и чѣмъ по своему пользовались выдающїеся писатели, Котляревскій, Гоголь, Квитка; напр. въ „Перелицованной Энеидѣ“ — „завыйныця вкопуть, на голову насяде клопить“ и пр., въ „Сорочинскомъ ярмаркѣ“ баба осы-

пасть проклятіями встрѣчнаго парня шутника, особенно распространяясь на счетъ его отца.

Въ русскихъ, болгарскихъ и др. проклятіяхъ встрѣчаются разныя болѣзни, какія только извѣстны народу, и въ особенности часто лихорадка „трясца“, съ рѣзкими подчеркиваніями у болгаръ: „три годишна треска да го фане“, „треска да го тресне, како брашнарска врекья (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 212), т. е. чтобы трясло 3 года или такъ, какъ выбиваютъ мучной мѣшокъ.

Проклятія „щобъ тебе *лунь вхопывъ*“ коснулся А. А. Потенія во 2 ч. „Къ исторіи звуковъ“ стр. 7. Проклятіе это встрѣчается въ Энеидѣ Котляревскаго нѣсколько разъ. Потенія давалъ миѳическое толкованіе выраженію „лунь вхопывъ“ (о чемъ см. его книгу. О миѳич. знач. нѣкот. обрядовъ, 98). Я думаю, что проклятіе это можно объяснить проще: щобъ тебе лунь вхопыла—чтобы ты погибъ, чтобы тебя разнесли хищныя птицы. Лунь въ великор. *falco rusticolus*. въ друг. славян. нарѣчіяхъ *vultur*, *milvus*, т. е. коршунъ. Проклятіе съ лунемъ стоитъ въ связи съ тѣмъ весьма распространеннымъ въ поэзіи разныхъ народовъ мотивомъ, гдѣ смерть героя узнается потому, что воронъ несъ его руку. Пушкинъ передалъ этотъ мотивъ въ шотландской пѣснѣ, взявъ его изъ шотландской народной баллады.

Проклятія по силамъ и явленіямъ внѣшней природы: Щобъ ты скризь сонце пройшовъ. Сонце бъ ты чобыло (*Номисъ.* 3665—3666).

Срав. болгар.; „да го не видѣ ни сѣнце, ни месечина“ (*Сборн.* VI 208), въ особенности „месецо да го изеде“ (ib. 210), „сѣнце да го не огрее“ (ib 211).

Ой щобъ ихъ вихромъ вынесло (*Этногр. Обзор.* 1889 III, 50). Щобъ тебе буря вывернула. Щобъ тебе понесло поверхъ дерева. Щобъ тебе понесло по нетряхъ та по болотахъ (*Ном.* 3668—9). Сравн. болгар. ветрушка да го занесе (*Сборн.* VI, 207). Хай его побье те що въ хмари гуде (*Ном.* 3773). Хай его пале небесна сыла зъ усихъ 4 сторонъ (*Манжура*, въ Сбор. X. И.-Ф. О. VI, 194). Срав. италіанское проклятіе: убей тебя молнія (*Trede* III, 229). По ирландскому повѣрью выговоренное проклятіе семь лѣтъ носится въ воздухѣ и въ каждое мгновеніе можетъ пасть на того, противъ котораго произнесено (*Аван.*, Поэт. возр. I, 428).

Въ проклятіяхъ отразились кое-какія суевѣрія и сказанія, напр.: „Щобъ ты на осыни повисывсь“ (изъ апокрифовъ объ Іудѣ). „Щобъ на тебе образи падали“ (*Ном.* 3685). Паденіе иконы, по народнымъ повѣрьямъ, знаменуетъ несчастье. Предполагается, что такой человекъ, котораго не будутъ выносить иконы, всѣмъ опротивѣтъ и погибнетъ. Такое проклятіе можетъ быть скорѣе всего относимо людьми обиженными къ притѣснителямъ.

Въ проклятіяхъ сохранились черты древнихъ религіозно-миѳическихъ представленій, напр. Побій тебе лыха годына (*Ном.* 3748). Срав. въ

Словѣ о Полку Игоревѣ—невеселая година встала. Щобъ тебе Чорный Богъ убывъ (Ном. 3471). Щобъ на тебе Дивъ пришовъ (Ном., 3743, Zbior III 90) Побыла бъ тебе морока (Ном. 3472). Бодай тебе Перунъ забывъ теменькой ночи (Чубинскій V 1092). Дивъ въ малорусскомъ проклятіи напоминаетъ Дива Слова о Полку Игоревѣ.

Особенно часто въ проклятіяхъ встрѣчаются черти, напр., извѣстное зложеланіе „чортъ тебя побери“ или съ распространеніемъ на отца и мать, чтобы черти ихъ мучили, или съ усиленіемъ: „чортъ бы тебе спикъ“, „стонадцять чортывъ“ или описательно: „хай визьмутъ ти, що трусять очеретами“ (Ном. 3750—3769). Подобно у болгаръ: „гьяволо да го расчепе на триста парчинья“ (Сборн. VI, 207). *).

Любопытны проклятія съ мѣстными историческими намеками, напр. Бодай тебе не минула Вересоцька гребля (Ном. 3674). Щобъ тебе понесло на Щокотинъ слидъ (волки съѣли богатаго козака Щокота, Ном. 13628). А щобъ попавъ на Серпяжинъ шляхъ (Ном. 13624). Номисъ дѣлаетъ замѣтку „биля Канева“. Трусевичъ въ „Kwiaty“ (стр. 138) приводитъ мнѣніе Изопольскаго, что дорога получила названіе отъ имени казацкаго гетмана Серпяги—Подковы. Должно быть она считалась опасной отъ разбоевъ.

Во многія проклятія вошелъ „катъ“—палачъ: Бодай катъ споровъ. Щобъ тебе катъ попобывъ. Щобъ тебе катъ сиконувъ передъ великими викнами. Щобъ тебе не минули кативськи руки. Бодай ты диждавъ *передъ великими викнами стояты* (по сравненію съ предыдущими проклятіями видно, что подразумѣваются плети на городской площади) (Ном. 3686—3692). Темная память о катѣ сохранилась во многихъ малорусскихъ поговоркахъ и выраженіяхъ. У Г. Квитки: „худобы и грошей до ката“ (съ отбѣнкомъ вражды и презрѣнія... „катъ ихъ беры“, „катъ его зна“, „катъ-ма“ (отрипаніе съ досадой). Въ западно-европейской искусственной литературѣ неоднократно обнаруживалась болѣзненная попытка идеализировать палача. Простое и здоровое художественное чувство народа съ отвращеніемъ относится къ профессіи палача.

Интересно зложеланіе потери общественнаго уваженія: Бодай ихъ миръ не знавъ. А щобъ тебе люде не знали (Номисъ, 3661—2). Слава бъ тоби пропала (ib. 3680).

Малороссы не даромъ сльвуть юмористами. Легкая насмѣшка, шутка проникла у нихъ даже въ проклятія, чего, кажется, нѣтъ у другихъ народовъ: щобъ тоби пишь прыснывся; щобъ тоби вику якъ у козы хвистъ (Ном. 13623—4); щобъ тоби п. с—ку вылизавъ; побій тебе кацюба и че-

*) Въ связи съ проклятіями этого разряда стоятъ сказки о заклятыхъ дѣтяхъ, унесенныхъ нечистой силой (см. Аван. Поэт. возр. I, 430).

снѣй макогинѣ (*Zbior* VIII, 245); ой щобъ волю жывы булы, а плугъ по-
ломався (*Чубин.* III 167).

Большимъ недоброжелательствомъ отличаются слѣдующія проклятїя
на дѣвицъ: Щобъ ты пидъ царскій винець не пидишла (*Ном.* 3683)—злое
пожеланїе по адресу дѣвушки. Бїй тебе дивоцьке несчастьє (*Zbior wiadom*
VIII 245). Подобнаго рода проклятїе встрѣчается у грузинъ въ пространной
формѣ въ видѣ заговора—„чтобы она не надѣла свѣтлаго вѣнчальнаго
платья“ (*Сборн. матер. д. изуч. Кавк.* VIII, 302); у болгаръ: „да не дочака
да цалива зелени венци“ (*Сборн.* VI 207).

Много сильныхъ проклятїй падаетъ на душу и загробную жизнь:
щобъ тебе земля не приняла; щобъ пидъ тобой земля тряслась; щобъ ты
на Страшный судъ не вставъ; щобъ ему ни дна, ни покрышки; щобъ пидъ
нимъ земля горела на косовой сажень (*Ном.* 3775 и сл.). Хай ему дро-
бына снытця (*Манжура*, въ *Сборн. И. Ф. О.* II 162). Манжура поясняетъ
последнее проклятїе: злое пожеланїе умершему: дробына—всякая нечисть—
змѣи, жабы и пр. Сходныя болгарскія проклятїя: бес поп да го закопат;
волове гробо да му изрнат; гуштери (ящерицы) да му лазать по гробо;
капка вода да му се не наїде на онаї свет: на раскрѣсница (перекресткѣ) да
го закопат (*Сборн. за нар. умотв.* VI 206—212).

Въ особенности интересны проклятїя, чтобы земля не держала, такъ
какъ въ связи съ ними стоитъ много старинныхъ и современныхъ легендъ
о томъ, какъ земля не принимала проклятаго, о чемъ подр. см. *Н. Сумцова*
„Къ библиогр. легендъ“ въ IX т. *Сборн. X. И. Ф. Общ., Крымскаго* въ Кїев.
Стар. 1896 окт. и *Иванова* въ *Этн. Об.* 1889 III.

У малоруссовъ много проклятїй на мать и отца, которыя въ Мало-
россїи служатъ замѣной великорусскихъ матерныхъ ругательствъ.

Нехай ему вырве маму. Сто чортивъ твой мами. Трясця его мами
(*Zbior wiadom.* VIII 245). Маму бѣ твою мордувало (на коня). Хороба твоей
матери (*Zbior* III 133). Кадукъ твой матери (*Ном.* 3765). Эти же прокля-
тїя въ одинаковой степени распространяются и на отца, напр.: рви его
батька (*Ном.* 3761). Встрѣчаются матерныя проклятїя и у болгаръ, но
рѣдко, напр. „маїкѣ, маїкѣ, мажлецо да іа затне“ (*Сбор.* VI 210); у ита-
лианцевъ: „чтобъ собаки съѣли душу твоей матери“ (*Trede* III 229).

Въ ряду проклятїй выдаются проклятїя родительскія; народная молва
приписываетъ имъ чрезвычайно важное значенїе. Существуетъ много раз-
сказовъ о силѣ родительскаго проклятїя. Въ новѣйшее время на эти раз-
сказы обратили вниманїе этнографы. Такъ, *П. В. Ивановъ* въ III кн. *Этно-*
граф. Обзорѣнїя 1889 года напечаталъ 11 рассказовъ о силѣ родительскаго
проклятїя, записанныхъ въ Купянскомъ у. Харьк. губ. Въ 3 кн. „Болгар-
скаго Прегледа“ *А. П. Стоиловъ* напечаталъ 19 болгарскихъ рассказовъ и

пѣсенъ о родительскомъ проклятіи. Какъ г. Ивановъ, такъ и г. Стоиловъ оговариваютъ, что сборники ихъ представляютъ лишь небольшую часть вращающихся на эту тему рассказовъ („скромень трудець“). Особенно основательна эта оговорка относительно сборника г. Иванова, гдѣ совсѣмъ нѣтъ малорусскихъ пѣсенъ на тему проклятія. Подобнаго рода пѣсни разбросаны по сборникамъ Чубинскаго, Головацкаго, Антоновича и Драгоманова.

Важное значеніе родительскаго проклятія отчетливо выражено въ малор. и болгар. пословицахъ: „Батькова та матерына молитва зо дна моря рятуе, а проклѣны въ калужѣ топлятъ“, „майчина клетва се стига“, „майчина и бащина клетва исушава“, „майчина клетва на сухо не пада“. И въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ самая тяжкая клетва материнская.

Рассказы, приведенные г. Ивановымъ, сообщаютъ о томъ, какъ дочь отъ материнскаго проклятія обратилась въ тополь, какъ сынъ, проклятый отцомъ, вскорѣ умеръ; нѣсколько рассказовъ на тему, какъ сына или дочь, умершихъ подъ родительскимъ проклятіемъ, не принимала земля, какъ гробы выходили изъ земли. Въ одномъ рассказѣ проклятый сынъ обращается въ вовкулаку. Въ двухъ рассказахъ онъ носится вихремъ. Любопытно, что и родителямъ проклятіе не обходится даромъ; они начинаютъ тосковать, мучимые угрызениями совѣсти, чахнуть и вскорѣ умираютъ.

Н. А. Янчукъ въ примѣчаніи къ статьѣ г. Иванова сближаетъ малор. сказанія о томъ, что земля не принимаетъ проклятаго родителями съ польскимъ сказаніемъ, что дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать, по смерти выставило изъ земли руку, пока мать, по совѣту священника, не высѣкла розгою виновную руку. Розга была воткнута въ землю и выросла въ большое дерево; сказаніе это приурочено къ плакучей березѣ подѣ Грыжиной въ Познани. Интересная статья г. *Карловича* объ этомъ сказаніи напечатана въ „Вислѣ“ 1888 г. Сказаніе это, вѣроятно, проникло къ полякамъ изъ Германіи, гдѣ оно весьма популярно (*Liebrecht, Zur Volkskunde* 343, *Krause, Zeitschr. Ethnol.* 1883 стр. 83, *Decke, Lübische Sagen* § 153).

Родительское проклятіе проникло во многія сказанія о превращеніяхъ. Такъ, въ Малороссіи записанъ рассказъ, что одна женщина бросила въ воду родное дитя, съ словами „да будешь ты два года ракомъ“, и дитя дѣйствительно сдѣлалось ракомъ (*Чубинскій* I 224). Въ Смоленской губ. записана сказка о томъ, какъ сынъ и дочь были прокляты матерью за потерю ключей, причемъ сынъ обратился въ соловья, а дочь въ кукушку (*Добровольскій* Смол. этногр. сб. I № 39). Въ словинской пѣснѣ мать, разсердившись на дочь, сказала, „чтобъ тебя водяной взялъ“, и за дѣвушкой пришелъ водяной. Существуютъ сходныя чешскія и моравскія пѣсни (*Перетцъ, Современ. рус. пѣсня*, 28; здѣсь указаны сборники Эрбена, Сушила и

др.) Въ болгарской пѣснѣ сынъ и дочь, проклятые отцомъ, превращаются въ птицъ (*Болгар. Прыгледъ* 1896 III 53). О проклятіи и благословеніи травы или дерева см. *А. Веселовскаго* въ 32 т. Сборн. Ак. Наукъ, стран. 457—458.

Въ малорусскихъ пѣсняхъ родительское проклятіе иногда имѣетъ значеніе формальное. Отъ частнаго употребленія оно стало риторической фигурой; такъ было и у древнихъ народовъ. Уже Цицеронъ пользовался имъ, какъ риторическимъ приемомъ. Какъ риторическая фигура, проклятіе въ особенности укоренилось въ сербскомъ эпосѣ, напр.

<p>1) Али Марко вили одговора
Бјела вило, грло те болјело!....</p> <p>2) Удри, Груйо, усала ти рука!....</p> <p>3) Одкуд книга? Огнемъ изгорела!...</p> | <p>4) Мучи шчери, дуго једна била!....</p> <p>5) Любила га межу очи гуја,
А црна га земла загрлила!....</p> <p>6) Кам му кони? по клали ихъ вуци!..
(<i>Zima, Figure u narod. pjesn.</i> 140).</p> |
|---|--|

Такъ, формальный характеръ материнское проклятіе, имѣетъ въ слѣдующей пѣснѣ:

<p>Выряжала стара маты Свого сына въ новобранци. Ой якъ выряжила та все проклинала А гирькими словами.</p>	<p>Ой не прокльнай стара матусенько Гирькими словами; Завтра ты вмѣнешься слезами. (<i>Полит. пѣсни</i>, I 31).</p>
--	---

Пѣсня очевидно построена на томъ положеніи, что проклятіе наказывается и самъ проклинаящій пострададетъ. Мать въ этой пѣснѣ, какъ во многихъ другихъ, выступаетъ въ непривлекательномъ видѣ.

Въ большинствѣ случаевъ родительское проклятіе въ малорусскихъ пѣсняхъ имѣетъ живое бытовое и литературное значеніе, что выражается въ значительномъ разнообразіи данныхъ его выраженій.

Въ думѣ о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ мать:

Сынивъ своихъ клене—проклинае:
Бодай же васъ, сыны мои, бедни вдовыченьки, у поли
Побыло разомъ три недилі:
Щобъ васъ перва доля побыла—
Щобъ Богъ хлиба не вродывъ;
А друга доля щобъ побыла—
Щобъ не стали васъ люде знаты,
Добрымъ словомъ поклыкаты;
Третья доля щобъ побыла—
Щобъ вы въ свой домишци на промешканни
Щастя и доли не малы (*Кумис, Зап. о Юж. Р. I, 26*).

Въ разныхъ малорусскихъ сборникахъ встрѣчается пѣсня „Десь ты мене маты въ барвинку купала“, гдѣ дѣвица свое горькое жительство объясняетъ тѣмъ, что мать проклинала ее въ дѣтствѣ и въ то время, когда собиралась ее купать, и на жатвѣ, и ночью, колыхая колыбель. Въ этой прекрасной пѣснѣ и для матери дано нѣкоторое извиненіе въ трудности ея жизни.

Въ думѣ про Коновченка мать проклиняетъ сына за самовольный уходъ въ походъ:

Бодай, мій сыну, слезы на тебе упали,

Бодай воны тебе на третей стрѣльбѣ спотыкали!...

въ вар.: Бодай ты и туды дійшло,

И выдты не пришло!

Щобъ тебе, перва куля не миновала,

У першій війсковій потреби спиткала.

(Костомар. Ист. казач. въ лѣс. I, 55).

въ вар.: Бодай же ты, сыну,

Бодай ты, сыну три недоли спиткало!

Одна недоля, щобъ ты козаки не злюбили,

Та и до своего куреня щобъ не пріймали;

Друга недоля, бы ты ясни мечи порубали,

Третья недоля, щобъ ты кули пострѣляли. (Голован. I, 10).

И тутъ мать потомъ горько раскаевается:

Бѣдна, побѣдна моя голова вдовына,

Що я своего сына ругала проклинала,

Счастье—долю его козацьку потеряла!

Два дни своего сына клене-проклинае,

На третій день подумаетъ, погадае,

Руки до Бога здіймае,

Господа съ небесъ благае:

„Дай мени, Господи, си слова передъ собою маты,

А своего сына Ивася вдовыченка хочъ разъ у вичи повидаты!

Проклятіе отцовское и проклятіе материнское встрѣчается во многихъ болгарскихъ пѣсняхъ (*Стоиловъ*, въ Болг. Прѣгл. 1899 III), безъ раскаенія родителей, у сербовъ, чеховъ и др. славянъ (*Перетичъ*, 28).

Проклятіе сына матерью встрѣчается въ западно-европейскихъ пѣсняхъ. Такъ, въ одной старинной шотландской балладѣ братъ нечаянно убить братомъ и смерть свою онъ объясняетъ тѣмъ, что мать пожелала ему, когда онъ уходилъ изъ дому, не вернуться болѣе (*Child*, The english and scot. ballads II № 49). И въ другихъ старинныхъ англійскихъ и шотландскихъ балладахъ встрѣчается родительское проклятіе (*Child* II № 42, IV № 91).

Въ южной Италиі циркулируетъ сказка о Николаѣ Рыбѣ, погибшемъ въ пучинѣ морской отъ проклятiя матери, сказавшей, „чтобъ ты утонулъ“. Сказка эта хорошо извѣстна въ переработкѣ Шиллера (баллада „Кубокъ“); но Шиллеръ пользовался тѣмъ вариантомъ, гдѣ вмѣсто проклятiя выдвигутъ былъ другой мотивъ—корыстолюбiе (*Trede*, III 229).

У шведовъ существуетъ повѣрье, что дѣтей, проклятыхъ родителями, беретъ чортъ. Въ нѣмецкихъ сказкахъ проклятый ребенокъ обращается въ ворона. По стариннымъ нѣмецкимъ повѣрьямъ, дьяволъ бралъ дѣтей, проклятыхъ матерями. Оттого и въ „Мессинской невѣстѣ“ великій нѣмецкій поэтъ сказалъ:

Eine Mutter kann des eignen Busens Kind,
Das sie mit Schmerz geboren, nicht verfluchen,
Nicht hört der Himmel solche sündige
Gebete; schwer von Thränen fallen sie
Zürück von seinem leuchtenden Gewölbe (цит. у *Liebrecht'a* въ
Des Gervasius „*Otia Imperialia*“ 139).

Такая нравственная тенденція полно развита въ малорусской народной словесности.

Сказанiя о родительскомъ проклятiи, большей частью въ связи съ представлениемъ о неизбѣжности наказанiя, господствовали и въ классической древности. Кроносъ проклялъ своего сына Зевса, Аминторъ Феникса, Пелопсъ Лая, Эдипъ проклялъ двухъ своихъ сыновей Этеокла и Полиника, Тезей Гипполита. Платонъ говоритъ, что ничто такъ не помогаетъ людямъ, какъ благословенiе родителей, и нѣтъ ничего пагубнѣе родительскаго проклятiя, которое боги никогда не оставляютъ безъ исполненiя. Бл. Августинъ, какъ очевидецъ говоритъ, что 7 сыновей и 3 дочери, по смерти отца дурно обошедшіеся съ матерью и проклятые ею, впали въ тяжкую болѣзнь, отъ которой двое (Павель и Палладiя) исцѣлились лишь послѣ того, какъ помолились у гроба мученика Стефана (*Lasaulx, Studien*, 165).

Въ думѣ про козацкую жизнь козакъ уходитъ въ походъ и оставляетъ въ бѣдно йдомашней обстановкѣ молодую жену. Жена прокликаетъ:

Щобъ тоби, козаче, кинь приставъ,
Щобъ ты козакивъ не нагнавъ,
Щобъ тебе козаки не злюбили,
И атаманомъ не постановили.

Жена прокликаетъ съ расчетомъ, чтобы мужъ ея скорѣе воротился. Здѣсь проклятiе представляется лишь искусственнымъ поэтическимъ приемомъ.

Козакъ на коня сѣдае,
Жиночу клятбу канчукомъ одбивае...

„Клятва“ эта все таки не осталась безъ послѣдствій. Козакъ воротился черезъ четыре недѣли, нужно думать, не догнавъ козаковъ или былъ ими не взятъ (*Киев. Стар.* 1884 XII 641).

Въ думахъ встрѣчается проклятіе моря матерью.

Кляла парица, вельможна пани,

Черное море проклинала:

Бодай же ты море не процвѣтало,

Вичными часы высыхало,

Що мого сына едынычка,

Едынычка у себе взяло... (*Ант. и Драг.* I 245, *Голов.* I 3).

Въ невольничьихъ думахъ козаки проклинали турецкую землю—вѣру бусурманскую (*Ант. и Драг.* I, 89), безъ указаній на формы проклятія. Въ думѣ про взятіе Варны турки проклинали рѣчку, чтобы она усохла (*Голов.* I 4). Въ пѣснѣ о смерти козака:

Козакъ долину Кодыну трома клятьбама проклинае;

Бодай ты, долино Кодыно, мхами, болотами западала

Щобъ у весну Божью никола не зоряла, не позоряла...

(*Костом.* Ист. казач. 103).

Въ Малороссіи есть своеобразный отдѣлъ сказаній о проклятіяхъ—*заклятія на клады*. Существуетъ повѣрье, что клады зарыты съ проклятіями. Въ какихъ словахъ выражались проклятія—объ этомъ большею частью не говорится; извѣстно только, что одни клады заклипались на опредѣленное время, другіе навсегда, или, какъ говорятъ крестьяне, „поки свита и сонця“. Кромѣ того, разбойники, заклиная клады, какъ видно изъ нѣкоторыхъ рассказовъ, накликали болѣзнь или какое-либо другое несчастье на тѣхъ, кто возьметъ кладъ. Въ одной мѣстности Купянск. у. Харьк. губ. записана такая подробность: „Якъ зарывають гроши, або якъ пускають у воду, то заклинають ихъ: будь вы трижды прокляти, прокляти, прокляти. Кто ци гроши визьме, той и самъ проклятый, тому голова долой!“ Когда кончается срокъ заклія, шкарбъ выходитъ на поверхность, принимая иногда видъ пѣтуха или въ видѣ старика. Любопытно одно малорусское сказаніе изъ того же Купянскаго уѣзда, что люди стараго времени зарывали клады при свидѣтеляхъ и клали въ ямку доску, на которой была написана крейдою заклія молитва (*Ивановъ*, въ Харьк. Сборн. 1890, 6—8). Послѣдняя подробность о доскѣ съ закліемъ напоминаетъ тѣ свинцовыя досочки съ закліями, которыя у древнихъ грековъ и римлянъ были закапываемы въ землю; находили ихъ и въ водяныхъ источникахъ. Не удержалось ли въ малорусскомъ сказаніи воспоминаніе о дѣйствительномъ бытовомъ явленіи старой славянщины?

Проклятіе играло важную роль въ старинной Малороссіи при заключеніи актовъ, договоровъ, духовныхъ завѣщаній. Весьма любопытнымъ ма-

теріаломъ для бытовой украинской исторіи представляются старинныя духовныя завѣщанія или „духовниці“, помѣщенныя г. А. Лазаревскимъ въ 19 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 г. Въ этихъ „духовницахъ“ находится цѣлостное перечисленіе предметовъ стариннаго домашняго быта, перечисленіе, бросающее яркій свѣтъ на домашнюю жизнь украинскаго панства конца XVII и начала XVIII ст. „Духовниці“ интересны также съ историко-юридической точки зрѣнія. „Духовниці“ начинаются длинными разсужденіями о кратковременности человѣческой жизни, а оканчиваются цѣлымъ громомъ проклятій противъ того, кто дерзнетъ нарушить выраженную въ духовномъ завѣщаніи волю умершаго. „А на остатокъ, говорится въ концѣ духовницъ, замыкаячи сей моей остатней воли testamentъ, въ таковой способъ оный обваровую: да будетъ проклятъ анаеема и маранафа вшеляки въ якомъ колвекъ пунктѣ параграфъ оный нарушить и да низверженъ будетъ силою Всевышняго Бога до ада преисподняго живо, и да постигнуть его тутъ въ временномъ житіи казнь Божія а въ будущемъ пекельная, да ожогнетъ его мука, каждого, кто только важитетца оный нарушити“...

Юридическія заклинанія были въ древности въ большомъ ходу, и малороссы несомнѣнно заимствовали ихъ изъ старинной письменности.

Въ румынскихъ грамотахъ XV и XVI ст. на славянскомъ языкѣ, изданныхъ въ IX т. Сборника за нар. умовъ., заклятіе встрѣчается часто. На длинномъ протяженіи почти двухъ вѣковъ повторяется одна и таже заклинательная формула. Въ грамотѣ воеводы Мирчи 1409 г. заклятіе изложено такъ: „аще ли разорит и расипет, а не утвердит и не съхранит сія вышеписанных, то таковаго Богъ да разорит и да убіет и въ сій вѣк и въ бѣдѣщи, и оучжстіе да иматъ съ Іоудж и съ Ариж и съ онѣми рекшіими Іудее, еже рекоша на Христа Спаса нашего, крѣвъ его на нихъ и на чждахъ их...“

Обычай прибѣгать къ заклятіямъ бытовалъ въ Византіи. Дарственные записи монастырямъ снабжались самыми страшными проклятіями, что, однако, мало мѣшало нарушенію ихъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892 XII 400).

Изъ древней лѣтописи видно, что русскіе еще до принятія христіанства заключали клятвенные договоры. Извѣстное выраженіе „да будемъ золоти яко золото „любопытный памятникъ древней клятвы.

Какъ славянскій, такъ и византійскій обычай клятвенныхъ договоровъ восходитъ къ классической древности. Въ греческихъ клятвенныхъ договорахъ часто встрѣчается такое выраженіе: *Εἰ σε τὰς ἡ κατεχοῦμι, τοὺς θεοὺς τοὺς ὄμοσα, Ἐρμῆας ἡμεν πάντας τε καὶ πασας, καὶ κακίστω ὀλεθρῶ ἐξολλοῦσαι αὐτὸς τε καὶ χρεῖα τὰμα καὶ μενε μοι γὰν καρπὸν φερεῖν* (*Цомал. Эпиграф.*

этыды, 144).*) У древнихъ клятвами скрѣпляли союзные государственные договоры и частныя соглашенія, съ проклятіями противъ нарушителей. Иногда проклятія вырѣзывали на столбахъ и ставили ихъ на площадяхъ вблизи храма. Ганибалъ Карфагенскій и Филиппъ Македонскій союзный договоръ скрѣпили клятвами—карфагеняне передъ своими богами, греки передъ своими (*Lasaulx Stud. d. klassisch. Altert. 191*), любопытный историческій прототипъ позднѣйшихъ клятвенныхъ договоровъ грековъ съ руссами.

Въ Малороссіи стараго времени, въ особенности въ XVII в., широко практиковался заимствованный малоруссами со стороны церковный обычай анаѣематствованія. Православные проклинали уніатовъ, напр., на Брестскомъ соборѣ 1596 г., въ недѣлю православія въ 1629 г.; уніаты громили православныхъ. Любопытное описаніе внѣшней обрядности стариннаго малорусскаго анаѣематствованія дано въ актахъ объ анаѣематствованіи злополучной Апологіи Смотрицкаго на кievскомъ соборѣ 1628 г. Въ праздникъ Успенія пресв. Богородицы, во время литургіи послѣ прочтенія евангелія, духовные съ митр. Петромъ Могилой во главѣ вышли изъ алтаря и стали вокругъ амвона. Петръ Могила раздалъ епископамъ по свѣчѣ и по листу Апологіи. Послѣ отреченія Мелетія Смотрицкаго отъ Апологіи, книжка была торжественно проклята; листы брошены подъ ноги; ихъ топтали и жгли. Процессія закончилась тѣмъ, что владыки погасили свѣчи, находившіяся въ ихъ рукахъ (подроб. см. въ соч. *Голубева, Петръ Могила, 197—200*).

Подобные обычаи и нынѣ держатся въ кое-какихъ мѣстностяхъ христіанскаго міра. Грузины (Кутаисской губ.) и гурійцы проклятіе и нынѣ связываютъ съ церковью, при случаѣ воровства. Потерявъ корову или лошадь, грузинъ идетъ въ церковь и съ разрѣшенія священника, а иногда и безъ вѣдома послѣдняго, произноситъ проклятіе на похитившаго. Проклятіе это, по вѣрованію народа, весьма часто исполняется на самомъ виновномъ, а можетъ разразиться на его внука или правнука. Причиной болѣзни и всякаго несчастія считается или дурной глазъ или проклятіе (*Сборн. матер. X 110*). Гурійцы продѣлываютъ проклятіе такимъ образомъ: пострадавшій беретъ образъ главнаго мѣстнаго святого, обращается лицомъ къ востоку, становится на колѣни и проситъ о наказаніи вора; при этомъ, опуская образъ ницъ, говоритъ: „св. (имя рекъ) такъ опрокинь, разруши все его состояніе“ (*Сборн. матер. XVIII, 107*).

*) т. е. „если я этого не сдержу, то пусть всё боги и богини, которыми я покланялся, разгнѣваются на меня, и пусть я погибну ужасной гибелью и мое имущество также, и пусть земля не дастъ мнѣ плодовъ.“

Принимая во вниманіе, что у классическихъ народовъ было весьма распространено обыкновеніе заклинать вора (см. *Помяловскаго*, Эпиграф. этюды, 26 и сл.), можно думать, что грузины въ старое время позаимствовали у классическаго міра обычай заклинанія воровъ.

На существованіе обычая, подобнаго вышеописаннымъ грузинскимъ, у великоруссовъ указываютъ такія изрѣченія, какъ „поднять икону“, „потянуть руки до Бога“, т. е. снимать икону при клятвѣ (*Даль*, 718).

Digitized by Google

Проф. Н. Сумцов.

СТАРІ ЗРАЗКИ

УКРАЇНСЬКОЇ

НАРОДНОЇ СЛОВЕСНОСТІ

ХАРЬКІВ.

Друкарня „Печатне Діло“, Конторська, Клещовській, № 3.
1910.

27233.61.5

Grant Fund

Старі зразки української народної словесності.

Найстаріша звістка про руську пісню йде од арабського письменника X віка Ибн-Фоцлана. Він бачив, як ховали якогось заможного чоловіка. Дівчина, його рабиня, повинна була теж умерти, щоб піти з ним на той світ. Вона щодня пияла мед і співала, а в день самої смерти її підняли на високий човен, на якому лежав небіжчик; дали їй келих горілки, вона заспівала і ~~виглядала~~ ~~виглядала~~. Фоцланові пояснили, що це вона попрощалась з своїми подругами і приготувилась вмирати. Далі їй дали другу кружку вина, і вона заспівала останню довгу пісню ¹⁾. Нажаль, Ибн-Фоцлан нічого не каже про зміст пісень. Очевидно, пісні були похоронні, на кшталт пізніших причитаннів по мертвих.

На похоронні плачі натякають де-які причитання в Слові о Полку Игоря, напр., «жены рускыя въсплакашася аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и серебра ни мало того потрепати». Майже одночасно в літописі під 1078 р. князь Ярополк так жалкує по своєму помершому батькові: «отче, отче мой! что еси пожил безъ печали въ свѣтѣ семь» ²⁾. Під 1085 р. в літописі є плач Гліба по братові Борисові, з яскравими рисами народного плачу по братові: «Увы, мнѣ, Господи! лучше бы ми умерети съ братомъ, неже жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, умерлъ быхъ съ тобою; нынѣ же что ради остахъ азъ одинъ? гдѣ суть словеса твоя, яже глагола ко мнѣ, брате мой любимый? нынѣ уже неуслышу тихаго твоего наказанья» ³⁾...

В листі кн. Володиміра Мономаха до Олега Святославича є коротенька, але дуже цінна вказівка на весільні пісні. Почувши, що Олег вбив його сина Ізяслава, Володимір просив Олега вернути йому жінку небіжчика: «да быхъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхи

¹⁾ *Ждановъ*, Рус. повѣ. въ домонг. эпоху, въ Киевск. Унив. Изв. 1879, V, 294.

²⁾ *Ждановъ*, 297.

³⁾ *Лаурент. Лѣтоп.*, изд. 1872, стр. 133.

своя». І тут же Володимир додає в чисто народнім дусі, що виплакав своє горе, бідна вдова «сядеть ако горлица на сусѣ дровѣ желѣючи»¹⁾.

В старих пам'ятниках, найбільш в церковних уставах і правилах XI і XII ст., часто згадуються «волхвованія», «чародѣянія», «вѣдовство», «потвори», «бѣсовское пѣніе», і треба признати, що старі духовні тут, мабуть, мали на увазі замови і намови, які безперечно вже існують на Русі-Україні снокон-віку, бо замови зустрічаються у всіх старих народів; без них в давни часи люде не могли обходитись. Замови мали в житті велику вагу і їми користувались в болістях, на війні, пахаючи поле, на родинах, на весіллі, у всіх важних обставинах життя.

В Несторовім житті св. Феодосія є цінна вказівка, як київські князі кохались в піснях у себе дома. Коли Феодосій раз якось зайшов до князя в світлицю, то побачив «многя играючи прѣдъ нимъ, овы гоусельныя гласы испоущающе, другя же орѣганныя гласы поюще, и инѣмъ замарныя пискы гласящемъ, и тако всѣмъ играющемъ и веселящемся, яко же обычаи есть прѣдъ князьмъ». Тут все цікаво, найбільше те, що такий був вже звичай, що так робилось завжди, і тут перелічуються гласи гусельні, органні і замарні, інакше сказати, грали на гуслях, на органах і співали якісь-то заморські, чужоземні пісні.

В великоруських билинах про Добриню збереглись давні риси піснотворчества, дуже нагадуючи про те, що бачив колись Феодосій в княжескій світлиці. Добриня на бенкеті

..... началъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другую отъ Царя-Града
І третью з Еросолима,
Танцы онъ повель то велики,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя моря²⁾.

Легко бачити, що ці «припѣвки изъ-за синя моря» дуже нагадують Феодосієві замарні пісні, а також чудовні струни «отъ Кіева» нагадують старі гусельні гласи.

В старовину велике значіння мали поважні історичні і величальні пісні, в яких прославляли князів за їх сміливі походи на ворогів, за прихильність до своїх людей, за їх хліб-сіль. Такі пісні в XI віці вже співали храброму кн. Мстиславу († 1036 р.), старому кн. Ярославу († 1054 р.), красному Роману Святославовичу († 1079 р.), співали їх

¹⁾ *Лаурент. Литов.*, вид. 1872, 244.

²⁾ *Рыбниковъ, Пѣсни*, II, 31.

на широкий лад, з різними вимислами, з приказками, наприклад, «тажко ти головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу без голови», мабуть в тім значінні, що князь і народ повинні йти поруч.

Вславляючи князів так пісні і звались мабуть славою. Вони кінчались так, як закінчено Слово о Полку Игоря XII віка — «Слава Игорю Святославличу, буй-туру Всеволоду, Владіміру Игоревичу, здрави нязи и дружина », або як в XVI і XVII віках кінчали козацькі думи:

Слава не вмере, не поляже!
Буде слава славна
Поміж козаками,
Поміж друзями,
Поміж рицарями,
Поміж добрими молодцями.
Утверди, Боже, люду царського,
Народу христіанського,
Війська запорожського
На многія літа
До кінця віка ¹⁾.

Старі літописи мають багато історичних оповіданнів і баєк про давні часи, про походи на греків і хазар, про свари і бійки князів. Шановні вчені Сухомлинов, Костомаров, Бестужев-Рюмін Маркевич, Шахматов зібрали і упорядкували їх досить гарно, з дослідями, які з пісень та казок було зложено ченцями, які дружиною. Дружинні сказання переходили до народа і лунали по городах і селах. Де котрі історичні оповідання були мабуть сперш піснями, приміром, як хазари почали було брать з полян дань і злякались, що вони дали дань мечами гострими на обидва боки. Такі данники, сказала хазарська старшина, і з нас будуть згодом брати податки. Може піснею було і те оповідання старої літописи, як греки хотіли обійти князя Святослава подарунками. Багато усяких казок ходило про князя Олега і княгиню Ольгу. Значна частина їх ввійшла в літописи XII віка. Ці легенди здебільша, мабуть, зайшли на Русь-Україну в X і XI віках з варягами і на Русі були перероблені ²⁾.

Бестужев-Рюмін, розглядаючи джерела літописи XII віку, теж думав, що иньші предання літописець здобув в письменних записях, а иньші знайшов в піснях. Як каже Б.-Р., оповідання про герць Мстислава з Редедю має риси епічного твору. Після оповідання про смерть кн.

¹⁾ Антонович и Драгомановъ, Ист. пѣс. I, 113 и др.

²⁾ Костомаровъ, Монографія, XIII, 44, 126 и др. Сухомлиновъ в, «Основи» 1861, VI, 63 и др.

Романа додано, що «суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Свято-славля, внука Ярославля»; слова ці бушім жатакують на ті пісні, котрі малюють, як дощ мочє в степу козацькі кістки. Дуже цікаво те місце в літописі Іпат'євського списку, де виступа співець Орь, котрий йде з Диного воля на далекий Кавказ, щоб відтіль завернуть до дому половецького князя. Коли той не слухав ёго, Орь дав ёму понюхати любимого зілля, що ростє в степу, евшан. Після того князь заплакав і вернувсь до дому ¹⁾.

Хоч оповідання це в ґрунті було ~~половецьким~~, але воно на Русі-Україні знайшло собі добрий притулок і було поширене українськими дрібницями, як свідчить про те сама мова, і додаткові фантастичні риси, мабуть, старо-українського твору. Князь Роман, по літописі, «устремился баше на поганья яко и левъ, сердить же, бысть, яко и рысь, и губяше яко и крокодилъ, и прехожаху землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бѣ яко и туръ, ревноваше бо дѣлу своему Мономаху, погубившему поганья Измаилтяно, рекомья половци, изгнавше Отрока въ Обезы (це б то Абхавію) за желѣзныя врата, Сърчанову же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимиръ Мономахъ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю і загнавшю окаянныя Агаряны. По смерти же Володимеръ, оставшю у Сърчяна единому гудцю же Ореви, посла и въ Обезы, река: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойдя въ землю свою; моляи же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшан. Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: «да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чуже славну быти. И приде въ свою землю, отъ него родившюся Коячаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котель нося на плечеву».

ґарним літописним оповіданням про евшан користувались новіші поети. Хоч це оповідання цілком пристосовано до половців, але те, що літописець їм зацікавився і докладно привів ёго доказує, яку велику вагу давали пісням в до-монгольській Русі-Україні.

В цім малевькім оповіданнячку чимало поважних дрібниць, наир., «рыбою ожившю», що означа в Сирчанові перевертня, пив золотим шеломом воду з Дона, як в Слові о полку Игоря, «снесе Сулу», «пѣшь ходя котель нося на плечеву»—темні вирази.

Профессор Маркевич, перелічивши добре народні оповідання старої літописи, здається на ту думку, що велике число оповіданнів старої літописи безперечно доказує існування в XII віці епічної поезії, може,

¹⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русск. літописей до XIV в., 40, 44.

цілих поем, як ще раніш висловлявся Полевой. Нажаль, усі оповідання так вплетено в літописний текст, що дуже важко, а ніколи зовсім не можна розрізнити їх ділком. Сами літописці очевидно не розбирались, де правда і де казка, і часто користуються казками, як фактами¹⁾.

В самій мові старої київської літописи є такі вирази, які тхнуть українщиною, напр.: «А думай-гадай о Русской земли, и о своей чести, и о нашей» (в думі про Хмельницького: «тільки Бог святий знає, що Хмельницькій думає-гадає»), або «паде снѣгъ великъ въ Киевской стороны, коневи до черева на Великдень», або «и вложиша и (галицького кн. Володимира въ укропъ, и молвахуть, яко дна его подступила»²⁾; досі укропом на Україні звуть гарячу воду, а дною—біль в животі, особливо у жінок біль в матці.

Просторою скринею старої русько-української поезії з'являється Слово о Полку Игоря. З цього великого капітала користувались вже багато українських вчених—Максимович, Огоновський, Потебня. І справді, в Слові перш маємо цікаву вказівку, що вже в XVII віці було два напрями в поезії—старі замишлення, вільні, розгонисті, в яких співці, вславляючи князів, літали думками, як орли по-під небесами, і поруч з ними виникали вже історичні пісні, котрі ближче стояли до обставин життя, може, депо брали з письменних джерел, по формі і змістові, мабуть, були предками пізніших козацьких дум.

В «Слові»—«чрѣна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію поляна, туюю вьдоша по русской земли». В українській думі XVI в.: «чорна земля зорана і кудями посіяна, білим тілом заволочена, а кровію зпощена».

В «Слові» наступаюче військо змалювано такечки: «Чрѣныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти четыре солнца, а въ нихъ трепещуть синіи молніи. Быти грому великому».—В думі: «Із-за гори хмара виступає, вихожає, до Чигирина громом вигремляє, на українську землю блискавкою блискає....» це б то на неї йдуть вороги.

Невідомий автор Слова повен любов'ю до пісень рідного краю, пильнує їх, почасти користується їми, згадує про них. Після того, як Игоря взято у полон, «готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю» (в Криму), звоня рускимъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шарокаю», а коли Игорь утік додому: «дѣвицы поють на Дунаі; вьются голоса чрѣзь море до Києва.... страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ». Мабуть, в

¹⁾ Маркевич. О лѣтописяхъ 145, 155.

²⁾ Максимович, Соб. сочин. III, 223—224.

XII в. і на Русі-Україні жіночі пісні були такі гарні, що автор Слова переносив їх славу на береги синього моря та Дунаю і гадав, що і там чути такі ж пісні. Та, мабуть, тоді і в жіночих піснях зміст був висший, з славою князям або з плачами за їх недолю.

Слово повно такими ж чудовними по красі звіртаннями до природи, до рослин, до звірів, до сонця, вітру, якими славна і пізнійша українська поезія—прямий доказ, що це твори одного народу, одного творчого духа: «Ничить трава жалощами, а древо з тугою кь земли приклонилось». Після того, як Игорь утік, ховаючись иноді в зарослях по Донцю, Донець йому промовив: «Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а русскої землі веселія», а Игорь одповів йому «О, Донче! немало ти величія, лелѣявшу князя на влѣлнѣхъ, стлавше ему велѣну траву на своїхъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену дереву; стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцями на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ».

Таку ж промову до річки маємо і в пізнійших українських піснях, напр.:

Ой ти, Дніпро брате, скажи мені правду?

Ой скільки у тебе річок упало?

Ой упало у мене річок сорок і чотири... 1).

В Слові Дніпро зветься Словутичем, теж в думі про Самійла Кішку (козаки до Дніпра Славуті низенько уклоняли) і в думі про смерть Хведора Безрідного (козаки йдуть Дніпром—Славутою 2).

Далі Слово показує, що в XI і в XII віках гарних воєвників звали соколами, плачущих жінок—озулями ворогів—чорними воронами, людей хоробрих—буйними турами, дівчат і молодих князів—красними, гарних співців—соловьями; за малими винятками теж знаходимо в українських піснях XVII в.

Франко звернув увагу на дуже цікавий письменний пам'ятник старовини—староруську поему на апокрифічну тему про Лазарево воскресення. Звісна вона в трьох рукописах XVI віка у трьох списках, з котрих один має великоруські прикмети, один білоруські і один, очевидно, південний русько-український. «Слово о Лазаревом воскресеніі» змістом має дуже популярну в старовину тему про визволення грішників з аду Христом. Написано воно було якимсь письменним чоловіком на ґрунті апокрифічного евангелія Никодима і збудованого на ёму старого Слова св. Епифанія Кипрського на велику суботу. По думці Франка, русько-українська переробка сягає в XIV, а може навіть і в XIII вік, в далеку добу дружинного укладу,

1) *Чубинскій*, «Труды», V, 1013.

2) *Антановичъ и Дразмановъ* Ист. п. м. н., I, 217, 251.

і повинна служити доказом, що дружинна поезія мала не тільки світські пісні про битви і походи, але і поеми духовні, церковні, на апокрифічні теми. На такі думки схилила велика схожість деяких виразів Слова о Лазаревом воскресенні з Словом о Полку Игоря. А саме:

В Слові про Игоря: «Боянъ бо... своя вѣщє персты на живыя струны воскладаше».

В Слові Лазаря: «вкладывая персты своя на живыя струны» — так в кийвськiм списку, а в списку північнiм з додатком «очитыя персты».

В Слові про Игоря: «солові веселими пѣсьнями свѣтъ повѣдають».

В Слові про Лазаря: «Вспоймъ весело дружно пѣсьни днесъ».

В Слові про Игоря: «Уже бо братіє невесела година вѣстала».

В Слові про Лазаря: «Се бо время весело наста».

В Слові про Иг.: «А мы уже, дружино, жадни веселія».

В Сл. про Лазаря: «А того естмы, дружино, много ждали днѣй».

В Сл. про Иг.: «Туга умъ полонила».

В Сл. про Лазаря: «Тугою сердце тѣшатъ, тугою одержимы есмы».

В Сл. про Иг.: «Тоже звонъ слыша давный великій Ярославъ».

В Сл. про Лазаря: «А оуже слышу топоть перскихъ коней» (це б то в обох разах на великім віддаленню) ¹⁾.

Така подібність в виразах наведе на думку про прямий вплив Слова о Полку Игоря на Слово про Лазаря.

Придивляючись до зміста старих письменних пам'яток, найбільш до Слова о полку Игоря, поодиноких його виразів і окремих слів і рівняючи їх до пізніших українських пісень, можна зазначити, що українська поезія існує здавна. З протягом літ вона тільки змінювалась, слідкуючи за народним життям. Коли перевелись князі, коли зникли погані половці, а замість їх явилась ще поганіша татарва, то годі вже було згадувати про давніх князів, або їх вславляти. Нові обставини життя дали для пісень новий зміст, при більш-менш старих формах поетичної творчості. На першу чергу стали невільницькі думи, які, слідком за течією життя, або журились за тими, що нудились в неволі, або вславляли тих, котрі утікали з полону, а також і тих, що на степах та на морі бились з ворогами. Як в XII в. співали славу князю Игореві за те, що він утік од половців, так в XVI і XVII віках співали славу трём братам, що утекли з Азова, Самійлові Кішці, що збунтовав невільників на галері, перебив турок і утік додому.

Найдавнійший спомин про думи знаходиться в анналах польського письменника Сарницького 1506 р. По його словах, думи складались в шанобу героїв; співали їх жалібним і сумним голосом—*voce lugubre*

¹⁾ Франко, в. Записк. Наук. Товар. Шевч., т. XXXI.

трохи хитаючись з боку на бік: «*Per idem tempus duo Strussii fratres adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi, occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae quae Dumas russi vocant canuntur voce lugubre et gestu canentium se in utramque partem motantium id, quod canitur, exprimentes*».

Про думи згадує польський письменник XVI в. Петршицький «*ruskie lamenty, podolskie dumy*». В 1547 р. музика Явдуч заробив золотий за те, що гарно співав думи. Польський письменник кінця XVI в. Чагровський мімохідь теж згадує про думи ¹⁾.

Поляки о половині XVII в лічили думи вже давніми піснями. Віршописець в 1650 р. замість різанини козаків з ляхами бажав, як далеко більш краще, *by grali ukraïnne dumy jak przed laty Turków bili polacy u mћzne chorwaty* ²⁾.

В Київській короткій літописі в оповіданні про зв'язяжество кн. Острожського над московитами під Оршею в 1515 р. висловено таку віршову похвалу, яка трохи зв'язує по змісту і кшталту Слово о Полку Игоря з пізнішими думами:

....Великославному Господарю Королю Жигимонту Казиміровичу, буди честь и слава на вћки, побћдившему недруга своего Великого Князя Василія Московского, а гетману его вдатному Князю Костантїну Ивановичу Острожскому дай Боже здоровье и счастье впередь лћпшее какъ нынћ побиль силу великую московскую, абы такъ побивалъ сильную рать татарскую, проливаючи кровь ихъ бусурменскую ³⁾.

Що думи вь XVII в. мали вже велике росповсюдження і великий вплив, доказом тому служе «*Duma ukraïnna*» в «*Silva Regum*» — рукописі XVII віка. Починається вона так: «Скажи, гучна моя бандуро, яку думу нам заспівати? Скажись, дзвонки струни, яке життя найкраще». Далі невідомий автор згадує, як вбогі дніпрові козаки з небезпечністю пропливають на човні через кам'яні пороги, годуючись тільки бридвою соломахою. Найкращим життям потайний свівець личе життя вобвника. Польський письменник Третьяк в студії про цю думу подає таку гадку, що ця чудернацька дума зложена, мабуть, яким-небудь польським жолнером на березі Дніпра, може, з тих кварцяних жолнерів, що стерегли південні кордони Речи Посполитої за часи короля Сигизмунда Августа. По думці Третьяка, «*Duma ukraïnna*» написана між 1585 і 1632 роками під впливом поезії Кохановського, особливо його *Sobótki* ⁴⁾.

¹⁾ *Ткаченко*, вь Київск. Стар., 1907, VII, 144.

²⁾ *Франко*, Хмельницьина в віршах сучасних, в Запжск. Н. Товар. Шевч., XXII, 13.

³⁾ *Перетць*, Иссл. и матер., III, 9.

⁴⁾ *Київск. Стар.* 1899, VI, 123.

В 1857 році чеські вчені Градиль і Иречек видали чеську граматику свого земляка Яна Благослава, що вмер в 1571 р., одного з найученіших чехів XVI віка. Граматика Благослава не була надрукована і звісна тільки по одній рукописі. В дуже цікавім її одділі про слав'янський діалект знаходиться пісня про Штефана воеводу; чув її якийсь-то Никодим у Венеції і звідтиль завіс до чехів в Прагу. На вдивовиж, пісня ця в'являється українською, а як Благослав помер в 1571 р., то вона була записана ранійш і, мабуть, була на Україні дуже поширена, коли зайшла навіть в далеку Венецію. В «*Časopis Čes. Musea*» 1876 р. Конст. Иречек, цитуючи Ягічеву статю про слав'янські пісні про Дунай, зпинився, між иншим, на пісні про Штефана XVI в., і висловив своє здивовання, що досі ні Ягіч, ніхто другий з слав'янських учених не зацікавився цією одинокою в своїм роді пам'яткою старої української народної словесности. Після того пісні цій пощастило. Незабаромъ на цей поклик відгукнувся харківський проф. Потебня спеціальною працею, яку сперш надруковав в воронізьких «*Филологических Запискахъ*» 1877 р., а потім видав окремо невеличкою книжечкою під заголовком «*Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка*». Розібрано текст пісні з лінгвистичного боку і дано чимало розвідок про розмір пісні і про початки як цієї так і других пісень взагалі. В 1907 р. Франко в *Записках Наукового товариства імени Шевченка* в «*Студіях над народними піснями*» в першу чергу розглядив пісню про воеводу Штефана. Тут наведено критику на статю Потебни і досить докладно розказано про граматику Благослава і про історичні обставини, які одбилися в змістові пісні про Штефана. Франко наведе сперш пісню так, як вона записана у Благослава, а потім, вважаючи на її пізнійши великоруські і українські варіанти, приводе повний її текст, в якому, по його думці, могла вештаться ця пісня в старовину по Україні. Ріжниця невелика: въ старій пісні 21 рядочекъ, а в гипотезній франківій 25, на 4 більш. Спиняючись тільки на першій, в її транскрипції латиницею, маємо на оці таку давню і гарну пісню;

Dunaju, Dunaju, čemu smuten tečeš?

Na verši Dunaju try rotu tu stoju:

Perwśa rota Turecka,

Druha tota Tatarska,

Treta rota Wołoska.

W tureckym roté šablami šermuju,

W tatarskym roté strylkami strylaju,

Wołoskym roté Stefan wyjwoda.

W Stefanowy roté dywońka płáćet,
J płáćući powidała: «Stefane, Stefanel
Stefan wyjwoda, albo mé pújmi, albo me liši»
A što mi rećet Stefan wyjwoda?
«Krasna dywonice, pújmił bych te dywońko,
Nerownajd mi jes, lišił bych té, milenka mi jes»,
Sta mi rekła dywońka: Pusty mne Stefane,
Skoću ja w Dunaj, w Dunaj hłuboky,
Ach kdo mne dopłynet, jeho ja budu».
Néhto mé dopłynuł krasnu dywońku,
Dopłynuł dywońku Stefan wojwoda,
J wzał dywónku za biłjiu rućku:
«Dywońko, duśenko, milenka mi budeś. Amen».

Пісня записана була не без помилок; де-що пропущено, а де-що передано на чеський лад. Вважаючи на поправки Потебни і Франка, без додатків, пісня повина мати такий вид:

Дунаю, Дунаю, чому смутен течешь?
На версі Дуная три роти ту стоють:
Перва рота Турецька,
Друга рота татарська,
Третя рота волоська,
В турецькій мі роті шаблями шермують,
В татарській мі роті стрілками стріляють,
В волоскін мі роті Штефан воевода,
В Штефановій роті (та) дівонька плачеть
(Та дівонька плачеть), плачучи повідала:
«Альбо мене пуйми, альбо мене лиши!»
А што мі речет Штефан воевода.
«Красна дівонице, пуймил бих тебе, дівонько,
(Пуймил бих тебе), неровная мі ес,
Лишил бих тебе, миленька мі ес»,
Што мі рекла дівонька? Пусти мене, Штефане,
«Скочу я у Дунай, у Дунай глубокий,
А хто мене доплинет, ёго я буду»,
Нехто мі доплинул красну дівоньку,
Доплинул дівоньку Штефан воевода,
І взяв дівоньку за білую ручку:
«Дівонько, душенько, миленька мі будеш».

По мові ця пісня галицько-руська. Хоч в устній передачі стерто деякі особливості, Франко вбачає тут мову підгірську чи краще покутьську. Самий зміст дуже розповсюджений у слав'ян, особливо на Україні: головний його мотив, як закохана дівчина хоче утопитись, а її рятує молодий козак, часто зустрічається в жіночих, найбільш весільних піснях. На варіанті XVI одбилися тогочасні політичні відносини західної України до Молдавії в формі сиюмину про воеводу Штефана. В XVI віці в Молдавії в різні часи було п'ять воевод з йменням Стефан, і ймення якогось з них проскочило в пісню по тим жвавим стосункам, які Україна в XVI віці мала з молдаванами та волохами, у котрих в ті часи письменність була слав'янська з великими впливами старої Русь-України ¹⁾. Пісню збудовано на стародавній символіці, яка трохи одбилась на колядках, як то—переплеть Дунай, вскочить в нього, виратовать з річки дівчину, перейти через міст або перенести дівчину через воду—все старі символи кохання, шлюбу та весілля. Три роти звичайне в піснях і в казках троєння: «Ой йдуть ляхи на три шляхи» і так инше, для розв'язку зміста. Є варіанти білоруські і великоруські, записані навіть в Сибіру ²⁾. Так далеко розходилися ця стара пісня, що знали її колись од Сибіру до Венеції.

З старих українських письменників XVI і XVII віків на деякі народні звичаї і пісні натякають Іоан Вишенський кінця XVI віка, Петро Могила і Касьян Сакович о пів XVII віка, Лазарь Баранович і Антоній Радивилівський—письменники кінця XVII віка; останні два тільки деякими приказками.

Найбільш цікаві вказівки Іоанна з Вишні. В листі до князя Острожського він писав: «Коляди з міст і сел ученієм вижените.... Щедрий вечер из міст, из сел в болота заженіте, нехай з дьяволом сидить.... Волочельное по Воскресеніи, з міст і з сел виволокши, утопите.... На Георгія мученика праздник дьявольский на поле ишедши сатані офіру танцами і скоками чинити разоріте.... Пирогі і яйца надгробни в Острозі і где би ся знаходило упраздніте, би ся в христіанстві тот квас поганський не знаходить. Купала на Крестителя утопите і огненное скаканіе одсчіте.... Петр і Павел молят вас да потребите і попалите коліски і шибениці, на день іх чинени на Волині і Подоліу, і где би ся только тоє знаходити мѣло».... ³⁾.

¹⁾ Як., напр., свідчать грамоти XV—XVI вв., друковані в IX т. болгарського «Сборник за народни умотвор», 1893 р.

²⁾ *Потебня*, Малор. п'єс., 51 и др.

³⁾ *Акты Юж. и Запад. Россіи 1865*, II.

В релігійній полеміці Петра Могили з перевертнем Касьяном Саковичем, що з православія перейшов в унію, а потім в католицтво, в «Литосі» першого і в «Перспективі» другого, порозкидано вказівки на деякі весільні звичаї о половині XVII в., на попівські скоки при обводненні молодих коло аямою, на підстригання у них волос, на дякування піснями батькам після обіда ¹⁾).

Чималу вагу має опублікований Франком текст української пісні з першої чверти XVI в., що була перш надрукована ще 1625 р. в одній польській брошюрі, захованій досі в однім примірнику в краківській бібліотеці кн. Чарторийських, під заголовком «*Seymu Walnego Domo-wego Artykulow szesc.... Przydano do tego y insze rzeczy smieszne ku szutaniu*». Тут якийсь-то Дьвоновський малює завзятого козарлюгю Пляхту і надає йому таку пісню, яку співали на Україні за ті давні часи про дівчину Кулину та козака, в формі такого поміж ними діалога;

К у л и н а.

Ой, козачейку, пане ж мій,
Далек же маєш домик свій?

К о з а к.

При березі при Дунаю.
Там я свою хижу маю:
Ліс зелений, оздоблений
Красним цвітом, густим листом,
То дім мій, то покій.

Далі Кулина пита, як він поведе її, а козак одмовля, що привяже її до коня тороками. На питання про харчі, козак каже, що вони їстимуть саламаху. На питання Кулини, що за розкіш їй буде, козак каже: в день будеш коні пасти, в ночі при мені ляжеш спати.

Войлочище під бочище.
А сідлище в головище,
В дубровиці на травиці
Я закрию і прикрию
Гармаком, жупаном.

Дівчина йде за козаком, котрий далі виясня їй, що домівка його Запоріжжя, де козак що має, то коли не пропье, то програє. Дівчина пізнає тоді, що скарб козачий дуже малий, що їй там ні з ким буде

¹⁾ *Сумицьк*, в «Кіевск. Стар.». 1883, XI, 510.

жити та розмовляти, ні сестриці, ні зовиці, один козак голода, і вона хоче додому, на що казак швидко згожується:

Ко чортом, всім лихом,
Люб човном, люб конем.

Бідна, зведена дівчина наріка на свою нещасну долю і проклина козака.

Би пронав, що мене взяв,
Дівчину зведену.

Пісня про козака і Кулину захована до наших часів в кількох варіантах, записаних в Галичині и на Україні і надрукованих в збірниках Чубинського, Головацького, Грінченка. Цікаво, що в галицьких варіантах, дуже близьких до старого варіанту Дзвонівського, вдержалось навіть ймення Кулина ¹⁾.

В ґрунті пісень про Кулину лежать пісні західні про те, як дівчина утікла з лицарем і потім каялась, пісень дуже росповсюджених ще в давні часи ²⁾. Американський вчений Чайльд зібрав велику купу варіантів цієї пісні, залічивши теж і українські.

В польській рукописі першої половини XVII в. (поміж 1633—1650 р.) під заголовком «Wiersze i piesni erotyczne» знайдено дві українські пісні. Було їх тут більш, та нажаль більша частина загублена, і захована тільки одна пісня цілком, а друга хоч в досить значній частині, але в попсованій постаті. Перша пісня по змісту і формі дуже цікава і цінна:

Ой в місті Переяславлю, Переяславлю, посеред ринку
Продавала, продавала бабусейка той хрін,
Гдем ся взяв козак Охрин (Охрим),
Вхопив і оскребтав і зів той хрін, той хрін.

Перші два рядки і четвертий повторяються по двічі у всіх останніх куплетах, з тими маленькими змінами, що в другім куплеті бабусенька продавала редьку, а козак Хведька вхопив і зів; в третім— бабусенька продавала перець, та де взявся козак Ференц (?), вхопив, побив і потер перець, в четвертім— бабуся продавала кобзу, де взявся во бзу козак, вхопив, заграв і потовж кобзу; в п'ятім— бабуся продавала дуди, вискочив козак з буди, надув і спашив дуди; в шостім— бабуся продавала яйця, де взявся козак здрайця і зів яйця і в останнім сьмім куплеті сороміцького змісту бабуся продавала щось, де не взявсь козак з

¹⁾ Франко, Козак Плахта, в Зап. Н. Тов. Шевч. 1902, III, 1—28. Два теж старих варіанти пісні про Кудяну видав Яворський торік (1909) в «Два замѣчательныхъ карпато-русскихъ сборника XVIII в.».

²⁾ Child, The engl. and scot. ballad, I № 4, VI, 496, VIII.

маку, вхопив, помяв і вилизав те неподобне, що продавала бабуся. Пісня записана добре, цікава.

Далеко слабша і поплутана друга пісня:

Постой, постой, голубонько, розмовлю з тобою,
Не журися, мій миленький, будем жити зо мною.

Бодай ворога напала туга,
Що міні розлучаєть миленького друга.

Пісня має пастать компіляції з шитка двох пісень ¹⁾.

Од XVII віка заховано багато схоластичних віршів більш—меньш народного пофарбування, іноді з значними українськими народними рисами по змістові і мові. Насамперед цікава вірша 1651 р., вписана в кінці латинської книжки «De militia equestri, antiqua et nova a Hermanno Hugone». Вірша ця знайшла розвідку у проф. М. Петрова і у П. Житецького в *Archiv fur slav. Filol.* Ягича 1877 II (298—301). Зложена вона була десь на заході України. Заголовок такий: Дума козацькая о войні з казаками над рікою Стиру на те нуте «ой постив бім я сім понеділів, осьмую неділеньку». Вірша досить вірно малює, як ляхи розбили під Берестечком на річці Стирі українців і спільників їхніх кримських татар. Вірша велика. Починається вона такечки:

Ой ріко Стиру, що Хміль о віру,
Як і я всьому миру,
Где в Дніпр впадаєть, оповідаєть,
Радость з войни, чи миру.

Початок, заплутаний і темний, означа:

«Ой ріко Стиро що в Дніпр впадаєш!
Що робить Хмельницький за віру?
Що мирові оповідаєш: радієть з війни, чи мир?»

Як близько стоїть ця вірша до народної мови, можна бачити з наступної її частини:

Хан утікаєть і куш мияєть.
Наметов одбігаєть,
Ляхи гонили, татаров били,
Хан ся не оглядаєть.
Тут зась козаки, хотя і юнаки,
Ой різко утікали:
Ляхи гонили і їх стинали,

¹⁾ *Щурат*, в *Зап. Наук.* Т. Шевч. 1906 VI, 131.

Аж табур розорвали,
І гди би ночі тьма на помочі
Козакові не била,
Не одна мати, гди б хто дал знати,
Козацькая завила.
І так Бог знаєть, що бульш бить маєть.
Татари обступили,
Затим бульш ляхув, а у нас страхув,
Бо нас тут обточили,
Три крот кланяли і упадали,
Короля смо просили,
По здоровому, люб по старому,
Що сьмо іще жили,
Мовить не даєть, з очу зганяєть:
«Видайте ми гетмана,
Панов слухайте, старшину знайте,
А ідіть бити хана».
Панов слухали, старшину знаім,
Татаров будім бити,
Але старшини нашої дружини,
Ніт вісти, як одступити».

З останніх слів легко дізнатись, що вірша зложена була людвною з козацької старшини, далеко не такої вже прихильної до народа, як то здавалось авторові.

Дуже цікава вказівка, щоб віршу цю співать, як співали пісню «ой постив я сім понеділків», яка пісня зустрічається і в пізнійших збірниках, напр.,

Понеділковав я сім понеділків, восьмью неділечку,
Принеси, Боже, кого мені гоже на мою постілочку ¹⁾.

Про великий вплив пародної пісні свідчить старий збірник, з перших рокив ХVІІІ віка, знайдений і надрукований проф. М. Грушевським в «Записках Наук. Товар. Шевченка» 1897 р. Хоч співали ці пісні якісь то школяри давніх часів, які користовалсь часто і деякими сороміцькими польськими тогочасними поезіями, але все ж таки є тут багато і українського, напр., пісня про те, як комар звалився з дуба.

В рукописяхъ ХVІІІ в., до 1729 р. і пізнійшихъ, Перетц знайшов багато українських народних пісень, перероблених на великоруський лад, напр.:

¹⁾ *Чубинскій*, Труды, V, № 55.

Породила чечетка семерих дочерей....

А у поли річка, через річку кладка....

Ахъ мне жаль не малий, на серденку пудно,
Мнѣ молодой з пелюбом жить на свѣтѣ трудно....

Посѣю я лободу....

Щирим сердцем любилем
И до тебе ходилем....

Да оралъ мужикъ при дорозѣ....

Бѣдна моя головонька....

Пойду въ дубровоньку, гляню по свѣтоньку....

Велѣла мнѣ мати зелен ячмень жати....

Здається, нічого такого не має в українській словесності, що б більш, ніж ці старі скалічені пісні, вказувало на швидку і безмежну денаціоналізацію українських суспільних верхів в XVIII в., як мало було в них почуття до краси народного слова і як вони нівечили ёго останні забудки.

Пісня про смерть комара, яка знаходиться в збірниках Чубинського (V, № 205), Головацького (II, 503), добре була звісна вже в першій половині XVIII в. навіть у Великороссії в досить гарній українській формі. Пісня була хідка, зустрічається в ріжних старих збірниках. Комара ховають хрущ, овод, журавель, муха. Цікаво, що в збірнику Грушевського з початка XVIII в. коло пелюбчика кладуть стрілочки, а зверху тугесенький лучок, в ознаку, що тут «лежить комарище—славний наш козачище» ¹⁾.

Придворний царський гусяр з українців Василь Трутовський в 1776 році видав «Собрание рускихъ простыхъ пѣсенъ съ потоми». В 1782 р. було друге видання, а в 1796 р. третє. Це був перший потний пісєвник, зложенний з тих великоруських і українських пісєв, які співав Трутовський і в яких кохався при дворі найбільш Петемкин-чудернацький пац, людина дуже привередлива, але не без живого почуття поезії і штуки. Українські пісні ввійшли в 3 и 4 частину збірника Трутовського. В переднім слові до першого випуска Трутовський каже,

¹⁾ *Переть», Иссл. п матер. 1, 309.*

що він силкувався зберегти співи в точності і держався простих голосів. Цікаво бачити по цій старійшій збірці, які українські пісні найбільш уживали в Петербурсі як українці, так і їх вельможні слухачі; а українці; або хоч той же Трутовський, мабуть, харчувались тими рідними піснями, які на їх очі були найкращими по співу. Пісні такі:

1. Ой гай, гай, гай зелененький.
2. Ой коли я Прудюса любила, любила.
3. Ой кряче, кряче та чорненький ворон.
4. Чи ж я кому виноват.
5. Чайка.
6. Болить моя головонька.
7. Та ходивъ чепчик.
8. Лобре тиі ляхи чипять.
9. Ой зрада, чорні брови.
10. Ой Сербихо.
11. Северин.
12. Ой сербине черноусе.
13. На тм боці на толоці.
14. Ой їхав козак долом—водою.
15. Наїхали до напа жида запорозці.
16. За все горазд.
17. Ой наступив чорний віл на ноги.
18. А в поле иду.
19. Взойду я на гору білими ноженьками.
20. На бережку у ставка.

Остання пісня, мабуть, була найбільш любима, бо вона має у Трутовського потя цілком і окремо в 1792 р. була видана в Москві невеличкою книжечкою: «Малороссійская пѣсня на бережку у ставка съ полнымъ, хоромъ, со всею вокальною и пиструментальною музыкою»¹⁾.

Цікаво, що ця поширена в Росії в XVIII ст. пісня по змісту дуже подібна до «Дунаю» XVI віка, де парубок рятує дівчину, що впала в річку або ставок. Текст пісні «На бережку», як дуже популярної, має багато хиб, на що вказував Закревській, друкуючи її в «Старосвѣтській Бандуристь»²⁾.

Пісня про Прудюса: «Ой поїхав мій миленький до млина, до млина» — оповідає, як жінка дурила з Прудюсом свого чоловіка, цілу-

¹⁾ *Симони, Камеръ-гуслисть В. Ф. Трутовскій, въ Трудахъ XII археол. съѣзда, II, 483—484.*

²⁾ *Закревскій, Старосвѣт. Бандуриста, 98.*

валась, спала з ним на печі ¹⁾; пісня на мапір старої новгородської пісні про гостя, або купця Терентія, мабуть, як і остяпя, штучна переробка якого-небудь старого західного оповідання про недбалу жінку.

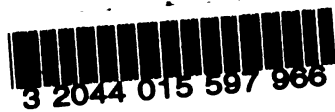
Пісня про «Чайку» зложена якимсь старим українським патріотом про недолю України, котору скубуть усі сусіди, наче пташине гніздо на битій дорозі: хто ни йде, то і скубне.

Ой, біда, біда чайці небозі,
Що вивела діток при битій дорозі.

Пісню цю приписували Богданові Хмельницькому (Цертелев і Максимович), Мазепі (Полетика в *Ист. Русов*), останньому гетьману Кальнишевському (Бантшиш-Каменській), але однаково без фактичних підвалин, дуже вигадково. Хто б її пі зложив, вона була колись в славі і дуже розповсюджена, навіть при царським дворі, і сама цариця Катерина, що більш усіх скубла це небоже гніздо, охоче слухала пісню про «Чайку» і ухвалила її видання.

Збірник Трутовського добре свідчить, що в XVIII віці поміж народних українських пісень було чимало штучних і складених письменниками на ґрунті народної творчості і однаково хідких і любляних, тім більш, ще в де котрих штучних піснях, напр., в Чайці, одбилися загальні народні почуття.

¹⁾ *Захревскій*, т. же, 103.

3 2044 015 597 986

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

NOV 18 '60H

FEB 2 '70H

Cancelled

STALL-STUDY CHARGE

WIDENER
BOOK DE
MAY 1 1981
2135280
JUN

STUDY
CHARGE

